

Алхас Аргун

*Летопись
Абхазии*

**ЖЕРНОВА
СУДЬБЫ**

Алхас Аргун
(Хас Афонский)

ББК 84(5А6х)6-44
А 79

А 79 Аргун А. В. Летопись Абхазии. Жернова судьбы. Книга I. Новый Афон, 2012. 224 с.

Летопись Абхазии
Жернова судьбы
Книга I

«Жернова судьбы» – первая книга из «Летописи Абхазии», отражающая события VI в., происходящие в древнеабхазском государстве, называемом в римских и византийских источниках Абазгией. Судьба Абхазии того времени находится на линии противостояния двух великих держав: Византии и Ирана. В этой непростой обстановке абхазский этнос борется за свою независимость и сохранение самобытности. На страницах романа отражена роль исторических личностей, характеры и нравы того времени.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой абхазов.

Новый Афон
2012

© Аргун А. В.

От автора

Уважаемый читатель!

Приветствую вас за то, что в век интерактивного общения вы выбрали привычно лежащую в ладонь книгу с запахом типографской краски. Думаю, вы подозреваете, что печатное издание это и часть души автора, дополняющая мысли, изложенные в содержании книги.

Когда-то давно, будучи учеником выпускного класса Новоафонской средней школы, в кругу друзей я высказал бредовую мечту, что обязательно сниму два фильма. Один из них по роману Б. Шинкуба «Последний из ушедших», другой – «У стен Анакопии» по Р. Петрозашвили. Сказал и забыл на долгие годы. Впереди лежал путь выбора профессии ВУЗа и многое другое, о чем тогда мне не дано было знать.

Прошло много судьбоносных событий, седина заблестала в висках, когда впервые в 2000 году у меня открылась жажда литературного общения. Вскоре группа инициативных людей предложила мне участвовать в воссоздании Анакопийского историко-культурного заповедника, который я возглавляю ныне. Эта работа подтолкнула к изучению истории Анакопии, Абхазии и Восточного Причерноморья в целом.

Мне хочется искренне верить, что моя юношеская дерзкая мечта, прозвучавшая много лет назад, теперь близка к осуществлению, потому как велением судьбы я в 2007 г. принялся за исторический роман...

По неведомому мне предопределению я остановился на жанре художественной прозы. В то же время моя работа насыщена историческими событиями и чертами сценария.

Хочется верить, что я, подобно моим древним героям, распознал глас судьбы и следую ему непоколебимо. Скоро, надеюсь, сложится и вторая часть работы по экранизации «Летописи Абхазии», не менее сложная и увлекательная. А пока читающая аудитория совершает увлекательное путешествие в глубь веков, перемещаясь в прошлое на крыльях художественных образов и мыслей, обещаю доработать вторую книгу «Сумерки богов» и вынести ее на суд читателя.

В добрый путь!

СЛАВНАЯ АНУХА

Однажды знойным летним днем я оказался у пастухов на альпийских лугах, вблизи Санчарского перевала, соединяющего современную Абхазию и Карачаево-Черкессию. Слева и справа от него возвышаются пики Кавказского хребта, подпирающие небеса, словно драконовы зубы, необычайно грозные и безумно великолепные. Днем я скрывался от нещадно палящего солнца у ледника в тени огромных камней-исполинов. С приближением сумерек заканчивались заботы пастухов, и тогда хозяева и гости стоянки собирались под навесом, у костра, и вместе коротали летние ночи. Дружок-костер давал нам свет, отпугивал зверя и внушал, что с нами происходит нечто необычное. В одну из ночей главный пастух – «ацвмш»¹ – вышел за ограду и, усевшись среди разбросанных валунов, начал внимательно наблюдать за звездным небом. Некоторое время спустя его окликнул внук, высланный родителями на время летних каникул из душного и пыльного города. «Ты что, дадука,² звезды считаешь?» – съязвил гость из города. Пастух увлекся не на шутку, и чему тут удивляться, у каждого есть свои причины для этого. «Давид, сыхаара,³ подойди ко мне», – ласково позвал он внука. Дитина нехотя поднялся с лавки, я подбодрил его и пошел с ним к пастуху. Небо и вправду было необычным. Таким оно бывает только в горах. Нам тоже расхотелось говорить, мы молча присели рядом и уставились в небесную высь, думая каждый о своем.

– Разве можно сосчитать звезды, дадраа?!⁴ Ведь их во много раз больше, чем людей на земле... Главные из них принадлежат Богам – Небожителям. Есть у каждого из нас своя звезда. Когда для обычного человека наступает время уйти в иной мир, старики говорят: его звезда угасла. Но есть и такие, чья душа после смерти восходит прямо к богам, и тогда их звезды разгораются еще ярче. Такие сыны были и у абхазов, вот об этом я и хочу повести свой рассказ.

История начиналась в пятисотые годы нашего времени.

Юношу звали Апсит, было ему 12 лет отроду. Ветер свободы опьяняюще бил ему в лицо. Он никогда не задумывался над тем, что бы это значило. Это чувство для абхаза привычно, как прозрачная чистота горных ручьев, безумная красота дивной природы, непременно подмечаемая приезжими путешественниками.

¹Предводитель пастухов.

²Дедушка.

³Дорогой.

⁴Обращение старшего по возрасту к молодым.

– Чоу, чоу!¹ – покрикивал он на послушного жеребца, напрягая юное тело перед очередным броском копья в заруб на стволе когда-то могучего дуба. После каждого меткого удара юноша приподымался в седле и украдкой поглядывал на сидевшего в тени орехового дерева дедушку. Пока младшие братья, изрядно попотев, вынимали из мишени копье, он успевал подхватить с земли на полном скаку следующее. Ежедневные тренировки Апсита заканчивались, как только дед – бывалый воин и охотник – подымался с лежанки, тем самым выражая свою волю, – пойти отдохнуть. В это время по обыкновению замирали все домочадцы. Трудившиеся в поле рабы спешили в густую тень ветвистых деревьев, чтобы часок, другой передохнуть. Апсит же прищипоривал жеребца, перемахивал через плетень в сторону реки. Там он купал своего любимца, ласково перебирая ему гриву, и выпускал пастись. «Да сохранит тебя Всевышний, дад,² – сердцем промолвил старец, наблюдая за лихим скакуном... – У меня была тяжелая молодость, в 14 лет потеряв отца, я невольно повзрослел. Большую часть жизни провел в поисках славы, поздно женился, не заметил, как выросли дети, вот и внуки уже копье на скаку с земли могут поднять... Эх эта старость – редкое дело для бывалого воина, лучшего наездника и лучника Абазии,³ неутомимого ходока по горным тропам и благословенного охотника. Я сумел сохранить свободу и жизнь своим близким, от многих врагов ушел, многих из них истребил. Но всему когда-то приходит конец, человеческая память – и та притупляется. И прославленные, и бесславные, и богатые, и нищие, мудрецы и глупцы – всех нас ждет один конец. А жаль: только начинаешь в этой жизни что-то понимать...» – Он лежал с закрытыми глазами и думал о вечном.

Освежившись в горном потоке, Апсит отправился к родовому кузнецу, он готов был не выходить из кузни ради заветной мечты – стать обладателем боевого меча, полноправным защитником своего рода и Абазии. По каким-то невыносимым для юноши причинам старый кузнец никак не приступал к выполнению работы. На навязчивые вопросы юноши он предпочитал хмуро отмалчиваться. Не мог Жи Сит поведать Апситу о тайном царском заказе, о том, что тучи вражеских интриг сгустились над Абазией, что все кузнецы день и ночь ковали мечи, наконечники стрел и копий, конское снаряжение. Под покровом ночи незнакомые люди с закрытыми ахтырпой⁴ лицами подвозили к кузне навьюченное на лошадях персидское железо, и также неожиданно исчезали в ночи, нагруженные изготовленным оружием.

Раздосадованный неудачей, Апсит повернул назад, в сторону родной хижины. «Раз уж Сит не выполняет свое обещание, займусь я луком и стрелами, смажу барсучьим жиром ложе, подготовлю черешки и кожаные за-

¹Бодрящий коня выкрик наездника.

²Ласковое обращение старшего к младшему.

³Абазгия, Авастгия, Авазгия – первоначально часть исторической территории древней Абхазии, на которой проживали абазы (абазги). На востоке Абазия граничила с Апсилией, на западе с Зихией.

⁴Головной убор из сукна с длинными концами и конусообразным верхом.

вязки, как дед учил. Как вернется отец с охоты, уговорю его сходить со мной к Жи Ситу, уж его он не станет за нос водить. Разве можно, чтоб хранитель родового очага на время частых отъездов старших мужчин был вооружен деревянным кинжалом!» Новое решение приободрило юношу – осталось только дожждаться... Апсит прибавил в шаге, заметив бегущих навстречу мальчиков.

– Поспеш, брат, тебя нана¹ зовет, абыста² остыла, мы уже поели, тебе придется с рабами кушать.

– Ничего, и с ними поем.

Апсит заскочил в акауц³ и ласково обнял мать.

– Апсит, сыночек, ты еще совсем мальчишка, а поступаешь, как отец. Неужели тебе конь и сталь дороже матери? Вся жизнь моя в бесконечных тревогах проходит. От братьев давно вестей нет. Они на границе с аланами крепость держат, отец твой в походах славу добывает, ты, мой птенчик, мечтаешь выпорхнуть из-под крыла. Не ищи опасностей, ты еще совсем слабенький.

– Как же так, нана, мне уже почти 13 лет. Соседские мальчишки в набеги ходили, а я еще маленький, деревянным мечом забавляюсь, не ты ли Жи Сита подговорила?... И отец с собой никуда не берет, «вместо себя за защитника и хозяина оставляет», так и состарюсь в Анухе⁴ с деревянным мечом на посмешище.

– Недобрые мне снятся сны, сынок. Боюсь я за вас, отчаянных. Не станет зрителем очага тот, кому суждено прославиться. Не умирают герои от старости. На твой век достанет подвигов, в твоём роду нет трусов и предателей, сынок. Я лишь хочу удержать тебя от спешки. Научись понимать себя и других, да убережет тебя от бедствий Аныха,⁵ – едва сдерживая слезы, увещевала сына мать.

Апсит сел перекусить. Заставил себя съесть кусочек сыра и копченого мяса, запил кислым молоком. Ему было жаль нан, но как жить по-другому, он не знал. Его дед – человек-легенда, служил Римскому Кесарю в Абазгском⁶ легионе, отец – лучший в Абазии боец на мечах, дядя – царский сотник, кем же ему стать, как не воином – защитником Абазии. Все же он решил успокоить нан, он пообещает ей, что не будет искать опасностей, а уж чему суждено, того не миновать.

В знак примирения он не стал возиться с луком, чем очень сильно удивил проснувшегося к тому времени дедушку. Он пошел в поле поговорить с рабами. Один из них всегда удивлял Апсита огромным ростом и своей неимоверной силой. Он не мог понять, как такой могучий человек оказался

¹Мать.

²Крутая каша на воде из просяной муки.

³Круглое, конусообразное жилище, сплетенное из ветвей рододендрона.

⁴Историческое место, современное село Анхуа.

⁵Святынище абхазов.

⁶Абазском (абхазском) подразделении в составе Римской армии.

рабом в далекой непонятной стране. Домочадцы и соседи звали его Копт. По-особенному относился к нему и дедушка, он нередко по вечерам призывал Копта в свое жилище, где они засиживались допоздна. Апсита мучило любопытство, но строгость абазского воспитания не позволяла подростку быть назойливым.

Апсит позвал Копта, знаком повелел ему присесть рядом под тенью огромной липы.

– Расскажи мне свою историю, раб, она, наверное, интересная.

– Моя история, молодой хозяин, подобна историям других рабов. Родом я из Египта, когда-то я был вождем маленького, но свободного племени, жившего в пустыне. Мы почитали своих богов и пустыню. Знаешь ли, что такое пустыня? Для того, чтобы ее понять и полюбить, нужно родиться в ее сердце. Сыны пустыни – самые свободные люди из живущих на земле. Однажды на песчаном нашем берегу высадились римские legionеры. Их было много, словно капель в море, песчинок в бархане. Они были хорошо вооружены и решительно настроены. Я выехал к ним навстречу для переговоров. Они грубо отвергли меня: «С презренным варваром гражданам Римской империи говорить не о чем, все что нужно, сами раздобудем», – был их ответ. Я поспешил к своему народу в оазис, чтоб предотвратить грядущее бедствие...

Ни один из благородных воинов не обнажит оружия в оазисе. Земля в оазисе священна. Она дает всем и воду, и кров, и еду. Даже кровники не имеют права мести в оазисе. Однако пришельцы поправили законы пустыни, они пришли в наш оазис, выпили всю воду, съели всю провизию, стали пленить жителей. Я собрал всех всадников своего племени и в одну из ночей мы нарушили закон пустыни...

В этом месте Копт прервался, его лицо еще больше почернело. Абазскому мальчику были незнакомы подобные душевные бури, замороженный необычным рассказом, он тоже молчал. «Научись понимать себя и других», – стучали в его висках слова матери.

– Нарушить закон пустыни – то же самое, что принести ложную клятву вашей Аныхи, – решил пояснить Копт.

– Что было потом? – спросил Апсит.

– Мы все умерли... Клятвопреступник не может быть живым, и в мир иной ему не отойти. Мы убивали спящих римлян, пока не обессилили. Затем они перебили всех наших мужчин, жен и детей обратили в рабов, немощных просто умертвили, а их трупами забили все колодцы... Погиб мой свободный народ, оазис погиб.

Твой дед – римский центурион¹ – отнес мое бездыханное тело к себе в палатку, обмыл живой водой и выходил. Так я стал рабом, а он – Урым – моим господином, – равнодушным голосом закончил Копт свой ужасающий рассказ.

¹ Сотник от лат. Centurio. Центурионы высшего ранга командовали также более крупными подразделениями.

Неужели свободу в человеке можно умертвить? Если только душа у него умерла. И этот некогда свободный и счастливый человек, способный легким движением рук свалить на землю быка, смирился с судьбой раба, потеряв веру и надежду. Апсит как никогда глубоко прочувствовал смысл поговорки стариков: «О, Всевышний, подари нам достойную смерть». Так нередко поговаривал и дедушка Апсита.

Утомленный пережитыми за день событиями, с первой звездой Апсит свалился на соломенный тюфяк и уснул. Его чистое сердце не успело огрубеть, однако детские фантазии успели потерять радужные краски. Боль и страдания нас всех делают старше.

Нан не ложилась спать из боязни увидеть преследовавший ее три ночи страшный сон. Сидя за пряжей у свечи, она рукодельничала, пятерых мужчин ей надо одевать – такова женская доля в Абазии. Время от времени она прислушивалась к беспокойному сну своего чада. Апсит ворочался и что-то бормотал во сне. Иногда ей казалось, что можно разобрать обрывки его слов, она напрягала слух и материнское чутье. Однако понять что-либо ей не удавалось. «Я – царь несчастных», – несколько раз четко повторил Апсит и возбужденный проснулся. Мать подошла к сыну, обняла.

– Успокойся, родной, это всего лишь сон, не тревожься, я рядом.

– Да, но это необычный сон, – ответил матери окончательно проснувшийся Апсит. – Я увидел много абазских мужчин и женщин с детьми, обращенных в рабов. Они стояли на коленях и молили меня о спасении. Когда я спросил их: «Как же я вам могу помочь?» – Они ответили, что я их царь и в моей власти их спасение. Потом я увидел нашу Священную Рощу – Аныху, переполненную собравшимися людьми. В первом кругу стояли старцы, обняв свои кизилевые посохи. Прикрыв глаза, они поглаживали серебряные бороды. За ними располагались мужчины, среди них я узнаю отца в белой льняной тунике.¹ Он держит за рога жертвенного белого барана. Вдруг непонятно откуда под священным дубом появляется огромный лев. Он мирно усаживается на самом почетном месте в ожидании своей доли от жертвенного барана. Хранитель Аныхи, ударив в землю серебряным посохом, обращается к Матери-Богине, покровительнице всего живого на земле. Он просит ее о мире и спасении Абазии. Жрец говорит долго со свойственным таинству загадочным упоением и не видит, как лев нервно подергивается, не отводя глаз от жертвы. Как только жрец заканчивает речь и опускает серебряную греческую монету в Чашу Даров, лев выпрыгивает, опрокинув отца на землю, впивается в жертвенного барана, разрывая его на части. Никто из мужчин не шелохнулся, все молча наблюдают за дерзостью льва. Я кричу: «Дада, дада»² и кидаюсь к отцу, требуя отмщения. «Никто не может нарушить, сынок, закона священной Аныхи, даже кровник здесь не имеет права мести», – останавливает меня за руку отец. Тут я обнаруживаю, что

¹ Одежда в форме мешка с отверстием для головы и рук, обычно покрывавшая все тело от плеч до бедер.

² Отец.

на ремне у меня подвязан деревянный меч, и это единственное оружие в Священной Роще. Расправившись с бараном, лев выбирает среди всех жреца и говорит ему по-гречески: «Следующей жертвой будешь ты, несчастный». Затем он также неожиданно исчезает... Нан, что за диковинный сон мне приснился?

– Не знаю, сынок, со временем ты сам научишься понимать свои сны, а сейчас постарайся уснуть.

Услышанный рассказ усилил тревоги бедной женщины. Ей чудился шум во дворе, от непрекращающегося воя собак ее колотило ознобом. Она устала ждать и истосковалась по мужу, в чем стыдно было признаться даже самой себе. Перебирая в памяти счастливые моменты прожитой жизни, она заглянула за занавес в спальный угол – там безмятежно спали дети.

Щаца была родом из свободной горной общины Пыса,¹ где все между собой равны. Их главное занятие – охрана многочисленных караванов, идущих из разных земель, и перевала на границе с аланами. Люди в общине были богатыми и свободными, даже царь Абазии всячески избегал ссоры с ними. Он так же, как и Аpsит, был их племянником, что обязывало стороны быть союзниками во всех начинаниях. Горцы гордились столь выгодным родством, и Аpsха уважал и ценил их расположение.

Важные вопросы они решали на Совете Старейшин. Если начиналась война, на общем сходе выбирали дадала,² которому все добровольно подчинялись до наступления мира. Отец Щацы дважды избирался общиной предводителем кампаний, еще более прославил почитаемый род.

Причиной для внезапных военных действий между общинами мог послужить малозначительный случай: неосторожное действие и даже слово могли привести к гибели многих людей, нанести неизлечимые раны на долгие годы. В этих условиях и вырабатывался суровый горский этикет.

Мысли женщины о родном очаге были развеяны шорохом у двери. Как гром среди ясного неба, возникли силуэты вооруженных мужчин. Одна их часть обошла все углы, подняли сонных детей и выгнали во двор. Другая группа вывела рабов и спавшего в акауце Урыма.

– Вы наши пленники, любого, кто не подчинится, мы убьем и оставим на растерзание шакалам. А сейчас все отправитесь по предгорной дороге к перевалу, попытаетесь бежать, убьем родных.

Анухцев³ и их рабов выгнали на дорогу группы конвоиров, часть налетчиков осталась сгонять лошадей и скот – главное богатство абазов. Другие еще обыскивали сакли, чтобы забрать все ценное.

Согнанные из Анухи селяне встретились на предгорной дороге, жестокой участи подверглись несколько тысяч человек – старики, женщины, дети, несколько десятков мужчин, в основном старцы, ремесленники и больные. Их гнали как скотину к перевалу, позади горела родная Ануха. Налетчики

¹Горное общество в верховьях реки Бзыбь.

²Предводитель отряда,ставляемого общиной.

³Жители поселения Ануха, совр. Анхуа.

выючили награбленным добром абазских лошадей. Тучные стада крупного и мелкого скота, ошалевшие от происходящего, кидались в разные стороны, но умелые аланские пастухи сгоняли их обратно на дорогу. Сельчане, с трудом узнававшие в потемках друг друга, сгруппировались вокруг дедушки Аpsита. «Аланы¹ нарушили мирный договор!» – доносились со всех сторон голоса разгневанных абазов.

– Не падайте духом, рискованная кампания для них, – наконец вымолвил бывший римский центурион. – До Анакопы,² где стоит Аpsха³ с гарнизоном, четыре часа езды верхом, они уже увидели пламя пожарищ. До малого перевала с таким обозом и за три дня не добраться. Они надеются быстро укрыться в каньоне, только там можно отбиться от преследования. До каньона идти два дня кряду... Ничего у них не выйдет, все останутся в нашей земле...

– Откуда нам знать, может, они через караванный поведут? – спросил некто, не разделявший уверенности старого стратега.

– Не поведут. Они не могли прийти оттуда, там абазы крепость держат, братья моей невестки и родственники царя. Не предавайтесь страху, помогайте немощным и детям, рассветет, там посмотрим – утро вечера мудренее.

Спокойствие и уверенность бывалого воина окрыляли Аpsита и его сверстников, чувствовавших себя глубоко оскорбленными и опозоренными, они, не задумываясь, по первому знаку кинулись бы на налетчиков, добыли бы оружие и отомстили. Но сейчас не время, «утро вечера мудренее».

В главной крепости Абазии – Анакопе – все уже были на ногах. Посланный в горящее селение отряд известил царя о случившейся беде. Пятьсот лучших всадников отправил Аpsха в погоню. Командиром был назначен сотник Кит, младший сын Урыма. К отряду по пути следования пристраивались всадники с окрестных поселений, к обеду в численности отряд утроился. И Кит, и его всадники прекрасно понимали, на что надеются аланы. Им надо настичь неприятеля до того, как он зайдет в каньон. В том месте десять лучников остановят любое войско. Мысль о плененных родственниках и односельчанах не давала покоя и подгоняла преследовавших. После затяжного, крутого подъема Кит приказал остановиться и спешиться: надо напоить коней и утолить жажду.

– О, Всевышняя Мать-Создательница, не дай беде случиться. Если удастся освободить родственников и отомстить обидчикам, обещаю тебе принести в жертву самого могучего быка Абазии, не оскудеет Чаша Даров в Священных Рощах твоих, – страстно молился Кит.

¹Общее название группы племен в раннесредневековом (с I в. н. э.) Приазовье и Предкавказье. Этноним происходит от греческого слова «ἀλάνοι» — «кочевник», «скитаться», «бродить».

²Главная крепость раннесредневекового Абазгского царства, совр. Анакопия.

³Царь абазов (абхазов).

Отряд налетчиков растянулся на тысячи шагов. Угнанные стада разбегались в стороны в поисках пищи и воды. Уставшие погонщики не успевали их собирать. Первыми убежали своенравные козы и потерявшие своих телят коровы. Лошади, не освоившиеся в непривычном месте, разом рванули домой. Все медленнее шли уставшие люди. С трудом передвигая, будто деревянные, ноги, то тут, то там присаживался Урым. Конвоиры злобно шипели, один из них подъехал к старику, вынул меч и пригрозил по-гречески:

– Этот меч проткнет тебя, если ты хоть еще раз присядешь.

– Для рожденного в горах ты должен знать, что в моем возрасте без алабаци¹ я не хожу. Дай мне алабашу и увидишь, на что я способен, – ответил Урым.

Алан усмехнулся. Он съехал с дороги к кусту дикого орешника, вырубил ровную палку и подал ее старику.

– Неужели старцы в твоём роду ходят с ореховыми дубинами? Как я могу опереться на эту дрянь? – без особого усилия он переломил сырую палку.

Понимавшие греческую речь абазы и аланы прислушались к перебранке. Аpsит со сверстниками подошли ближе.

– Дай ему, что просит. Ему до перевала все равно не дойти. Как околеет, заберешь обратно, – приказал аланский старшина.

Конвоиру не понравилось приказание, но послушаться он не решился. Он распутал притороченную к седлу трофейную алабашу, сделанную абазскими мастерами из кизилового дерева, с кованой пикой-наконечником работы Жи Сита и молча протянул Уриму.

Привычным движением старый воин ударил алана в сердце. Тот беззвучно слетел с седла замертво. Вот уже Аpsит снимает с него меч и колчан со стрелами. Аланский старшина, увидевший участь своего воина, поворачивает коня на Урыма, обнажает меч и атакует. Разворачивают лошадей заметившие бойню и другие аланы. Старик спокойно поджидает атакующего. Как только дыхание лошади коснулось его лица, с легкостью, не свойственной седине, он припал на правое колено и всадил алабашу на пол древка в дышло коню. Обезумевший конь встает на дыбы и опрокидывается вместе с всадником. К вылетевшему из седла алану подскочил могучий Копт. Он провел по голове алана рукой, стоявшие поблизости увидели переломанные шейные позвонки. Десяток всадников спереди и столько же сзади колонны, сбивая пленников, пробиваются к мятежникам. Урым натянул тетиву аланского лука и командует абазами. К нему спиной в такой же позиции стоит Копт. Аpsит приготовил для броски несколько копий, на его поясе висит долгожданный меч в дорогой оправе, его сверстники и подоспевшие мужчины тоже вооружены. Они успели распаковать собранные в Анухе аланские трофеи.

¹Посох с кованым заостренным наконечником.

– Абазы, разойдитесь в стороны, спасайтесь, уходите в лес, – крикнул невооруженным сельчанам Урым. – Те, кто может драться, становитесь в две шеренги спинами друг к другу, когда лучники отстреляемся, начнете метать копьё. Затем будем биться мечами.

Урым спустил первую стрелу, за ней три других – четверо всадников упали замертво. У Копта такой же результат. Оставшиеся в живых несколько всадников спешат развернуться и уйти от удара. Но тут двоих из них настигают копьё, брошенные Аpsитом одно за другим. Лошади спотыкаются и падают, закрывая своими телами и без того узкую дорогу. Один из всадников не успел сманеврировать и, слетев с падающей лошади, оказался перед Аpsитом. Юноша обнажил меч и, как бывалый воин, отсек голову скорчившемуся в страхе алану. Показавших спину всадников абазги забросали стрелами.

Урым приказал поймать уцелевших аланских лошадей и призвал к себе Аpsита.

– Дад, тебе предстоит обойти голову колонны по тайной тропе и быстро достичь абазской крепости на караванном перевале. Там ты спросишь своего деда по матери, скажешь ему, что я прислал, поведаешь о произошедших событиях. Пусть его воины поспешат перекрыть вход в каньон, здесь мы никого не пропустим, сзади им на пятки уже наступает конница Аpsихи. Мы легко разобьем разделенного на две части противника.

– Дад, как я найду тайную тропу? – спрашивает счастливый от доверия Аpsит, вскакивая в седло.

– Твоим спутником будет Копт, он покажет дорогу.

Посланники немедленно отправились, их провожали взглядом сельчане и переполненное страхом бедное материнское сердце. В пылу битвы Аpsит не замечал ее хрупкого тела, она была недалеко и неизменно следовала за ним.

– Да упадут все беды твои на мою голову. Да защитит тебя святая Ануха, – молилась она под цокот удалявшихся копыт.

Аpsит гнал коня что было сил, несмотря на пережитые трудности, он летел, словно птица. «Так недолго и голову потерять», – думал о юноше с трудом поспевавший за ним Копт. Аpsит представлял встречу с отцом, как он с нескрываемой гордостью его обнимет. А такого меча, пожалуй, нет ни у кого из знакомых. Это судьба. «Распознай и следуй за ней бесстрашно», – припомнил он слова деда.

Жители Анухи, избежавшие рабства, забирались на крутые склоны вдоль дороги, чтобы обходными тропами вернуться к родным очагам. Урым и другие мужчины заняли оборону на утесах, нависавших над дорогой. Надо бы сказать, что среди алан прошел слух о вооруженном мятеже, ввергнувший их в паническое смятение. Завидев клубы пыли на извилистой дороге, выбиваемой копытами посланной в погоню конницы, они побросали добычу, и поспешили налегке в сторону каньона. За очередным поворотом дороги их ждали в засаде люди Урыма. Они перегородили узкую дорогу, нависавшую над пропастью трупами убитых лошадей, и это стало первой неожиданностью для несущихся всадников. Многие из

них свернули шеи, напоровшись на непреодолимую преграду. Успевших увернуться абазы доставали стрелами и забрасывали легкими копьями. Выгодная позиция делала задачу неинтересной и простой. Уже видны и головы коней абазской сотни. Урым приказал остановить расстрел налетчиков.

– Пусть сразятся с царской конницей. Славы на всех достанется, – с надеждой на понимание обратился к своим Урым...

Рубище быстро закончилось. Старый воин подозвал Кита – царского сотника – обнял по-отечески и рассказал ему подробно обо всем происшедшем.

– Теперь ты все знаешь, сынок. Тебе решать, что делать дальше – ты у нас сотник.

– Спасибо вам, родные, отправляйтесь в селение, успокойте близких. Мы скоро вернемся.

Кит вскочил в седло, и воины поспешили в сторону каньона. Тем временем Аpsит достиг крепости на перевале, нашел дедушку и поведал ему все, что велел Урым. По горящим глазам юноши он понял и то, о чем юноша скромно умолчал.

– Дад, оставайся, тебе надо отдохнуть. В каньон я отправлю старшего сына с дружками, на малый перевал отправится средний. А завтра утром мы вместе с тобой поедem в Анакопу к моему племяннику – царю абазов....

Аpsит не посмел перечить деду. Его старший сын с отрядом выехал в сторону каньона встретить убегающих. Он непременно завяжет каменный мешок, к утру кампания закончится полным уничтожением нарушивших мирный договор налетчиков.

Бессмысленные, изнуряющие войны с соседними аланами приводили к неизлечимым последствиям, отбрасывая оба народа на столетия назад. Погибала лучшая молодежь, пленных продавали в рабство, люди нищали по причине закрытия караванных путей. Даже великие державы – Византия¹ и Персия² – не всегда могли примирить стороны. Постоянная нестабильность подрывала торговлю в целом регионе. Старейшины обоих народов понимали всю безысходность, но надолго договориться у них не получалось.

Дедушка Аpsита по матери был мудрым человеком, хорошо знавшим обычаи и нравы воинственных соседей. Неудавшийся набег алан не означал окончания войны. Наоборот, она только разгоралась, вязкая и острая, обнажающая старые кровоточащие раны, едва покрывшиеся рубцами.

¹Византийская империя, Византия, Восточная Римская империя (395[4]—1453) – государство, оформившееся в 395 г. вследствие окончательного раздела Римской империи после смерти императора Феодосия I на западную и восточную части.

²Персидская империя – древнее название страны в Юго-Западной Азии, которая с 1935 официально называется Ираном.

Совсем рядом с Абазией – в Лазике¹ вновь разгоралась большая война между персами и ромеями² за торговые пути и удобные порты. Оба государства рассчитывали на поддержку Абазии. Причем лавировать меж их интересами становилось все труднее. С Византией абазы были давно знакомы. Римские крепости Питиунт³ и Севастополис⁴ после их ухода были заняты византийцами. В Клисурской⁵ крепости, находящейся на границе с единокровной Аpsилией,⁶ стоял аpsилийский гарнизон. Цибила,⁷ ранее занимаемая римлянами, теперь обжита аpsилами, принявшими персидский отряд. Как оказалось, Аpsилия готова подчиниться Персии, находя данный «союз» более выгодным. Абазия по-прежнему оставалась вассалом Византии, пытаясь извлечь из этого как можно больше выгоды. Аpsха, сидевший в Анакопе, всеми силами пытался избежать войны, но давление Византии с каждым годом усиливалось, становилось вовсе невыносимо. А тут и война с аланами разгорается. Есть о чем подумать. Может, персидское золото на этот раз помешало нарушить мирный договор? Или ромеи захотели наказать Абазию за свое стремление к независимости? Тяжело, но надо договариваться...

Прошел еще один день. Вернулась в столицу невредимая конница. Сотник Кит доложил царю об удачном избавлении от алан, о роли анухцев под предводительством Урыма, о посланнике Аpsите и помощи, оказанной горцами – братьями матери Аpsхи. Царь был доволен услышанным и пожелал увидеть героев.

– Твой дядя, царь, просил передать, что через два дня он с моим племянником Аpsитом прибудет в Анакопу. А сейчас позволь мне отлучиться ненадолго по личному делу большой важности.

– Как скажешь, Кит... Только поведай мне о своем важном деле. Возможно, моя помощь быстро разрешит твои трудности.

– В последней кампании я взял на себя обет перед Анцва,⁸ что принесу ей в жертву самого могучего быка Абазии. Она выполнила мою просьбу, теперь моя очередь.

– Воин, ты возложил на себя царский обет. Ты должен помнить, что нет в Абазии коня быстрее моего, и нет породистей быков, чем в моих стадах. И я дал обет Аныхе принести такую же жертву. Поскольку самым могучим может быть один бык, и мой и твой обет мы выполним разом в Священной Роще у села Ануха в ближайший понедельник.

¹Лазское царство – раннесредневековое (II–VI вв.) царство в Западном Закавказье (ориентировочно охватывало территорию Западной Грузии – Мегрелию).

²Римляне.

³Совр. Пицунда.

⁴Совр. Сухум.

⁵В районе современной р. Келасур.

⁶Раннеклассовое абхазское царство, расположенное восточнее Абазии.

⁷Главная крепость Аpsилии, совр. Цебельда.

⁸Верховная богиня, восходит к периоду матриархата.

«Ты всего лишь воин, сын Урыма... Да, славного Урыма, и ты – герой, но не царь и не дадал»,¹ – думал про себя Апсха.

Киту показалось, что Апсха выглядел озабоченным. Быстро удаляясь из покоев царя, он подумал, что откровенничать ему было незачем...

Несмотря на понесенный ущерб, анухцы были счастливы, что вернулись живыми домой. Мужчины, прослышавшие о случившемся с их семьями, кто откуда спешили в родное село.

Когда в предгорье разворачивались бурные события, отец Апсита вместе с группой сельчан охотились у перевала. Охота проходила успешно, ежедневно Ажвеипшаа² посылал охотникам много дичи, даже раз им удалось забить огромного зубра. Они искренне благодарили высокого покровителя, оставляли дары и положенную долю лесному божеству, освеживали туши, коптили мясо и сушили шкуры. В ночь перед сборами домой отец Апсита увидел недобрый сон. С рассветом охотники спешно навьючили лошадей добычей и выдвинулись в путь. Сам Куд отправился налегке, в полной готовности к бою. Сельчане хорошо знали своего предводителя и понимали, что все это неспроста.

– Наш караван тяжел и малоподвижен, я буду идти впереди на сто шагов, по первому моему сигналу поступайте, как обычно в таких случаях.

Дороги в горах напоминают скорее звериные тропы, любая ошибка неопытного путника заканчивается неминуемой гибелью. Потому абазы с наступлением темноты в горах не передвигаются. Что уж говорить об аланах: некоторые из них, спасшиеся бегством, потерялись и блуждали по лесам в поисках спасения. Подобно хищному зверю, напрягая чутье, спускался Куд по тропе. Он первым увидел группу странных чужаков. Их ободранный вид и необычные повадки настораживали. Куд подал знак каравану и его люди беззвучно скрылись в лесу. Чужаков было трое, по отдельным обрывкам фраз абазы поняли, что перед ними аланы. Такая встреча не сулила ничего хорошего. Абазы затаились и выжидали, чтоб в подходящее время захлопнуть ловушку. И это время подошло, Куд вышел из укрытия и заговорил с ними по-гречески.

– Что ищут аланские воины в наших горах: легкую добычу, славу или погибель? Мы готовы выслушать ответ.

– Я сын аланского правителя, племянник царя алан, эта печать подтверждает мои слова, – начал говорить один из них, указав на перстень с печатью на левой руке. – Нас в горах застала непогода, и мы сбились с пути, – решил перехитрить он абазов, – а ночью мы наткнулись на медведя, которого с великим трудом победили. Мирный договор не нарушали и оказались на вашей земле без дурных помыслов. Мы богаты и благородны, покажите нам дорогу домой, мы сможем вас отблагодарить золотом и останемся побратимами.

– Где ваши кони, не медведь ли их задрал? – усмехнулся Куд, – вы наши пленники, сложите оружие. Если вы не пролили абазскую кровь и не причинили никому вреда, Апсха будет к вам великодушен.

¹Предводитель общины в военных кампаниях.

²Бог охоты.

Упоминание имени абазского царя ввергло пленников в волнение. В последнюю войну народ выбрал его дадалом. Он выиграл несколько решающих сражений с аланами. Ему нужны были блестящие победы, и Аергь¹ покровительствовал ему. Более того, ему удалось объединить разобщенные абазские кланы вокруг Анакопы и расширить политические границы Абазии. Пожалуй, второе сделать было неизмеримо тяжелее. Для того чтобы стать царем, надо было заручиться и поддержкой великих соседей. Он успешно лавировал меж ромеями и персами, те прекрасно понимали его устремления, но уважали за волю и государственный ум, наделенный природой и развитый светским константинопольским образованием. Они вели с ним переговоры как с правителем, царем признавать не спешили. Апсха укрепил столицу, поставил в ней гарнизон. Проходящим через Абазию караванам за определенную плату он гарантировал неприкосновенность, сумел договориться с аланским царем о мире и караванной торговле. В прибрежных водах Черного моря и портах он оберегал купеческие суда от местных пиратов. Абазы всецело доверяли ему, враги его боялись и ненавидели.

С грехом на сердце встречаться с таким человеком опасно, понимали эти трое пленных. Понурился, полные отчаяния, они сдали оружие и подчинились судьбе. Куд повел караван дальше, все так же следуя на сто шагов впереди колонны. К обеду абазы вышли на главную дорогу, ведущую к Анакопе. Уже к вечеру они надеялись дойти до первых селений. В это же время ехали в столицу Апсит, его дед по матери, жрец священной Псхуныха² и Копт. Судьба свела их на привале у родника. Куд подошел к коню тестя, чтобы помочь ему спешиться, таким образом выражая глубокое почитание. Спустившись на землю, тот, в свою очередь, поцеловал зятя в лоб.

– Дад, да не упадет волос с твоей благословенной головы, и да покровительствует славным анухцам Бог охоты Ажвеипшаа.

Сидевшие у костра встали и усадили почетного гостя. Куд и Апсит встретились глазами. Отец заметил перемены в сыне. Не ускользнул от его взгляда и скифский³ меч в дорогой оправе. Если б не горский этикет, они утолили б свои чувства. Так уж устроены абазы, всему свое время.

– Когда я был моложе, ходил на охоту за перевал. Богаты северные склоны разной дичью. Главное, не забыть помолиться у Священного камня и оставить пожертвование в Чаше Даров. Ажвеипшаа всегда покровительствовал мне... Это было до того, как аланы нарушили мирный договор, – старец кивнул в сторону троих пленников.

Анухцы напряглись, пытаясь угадать ход мысли.

– Апсит, дад, иди к нам, присядь рядом, не робей, ты настоящий мужчина, имеешь на то право.

¹Божество, покровительствующее воинам и путникам.

²Святынище общества Пысса.

³Меч скифского типа. Скифы обозначались в греческих (византийских) источниках для наименования всех народов, населявших евразийские степи и северное Причерноморье.

Анухцы терпеливо скрывали удивление и закравшуюся тревогу. Аpsит робко подошел к старшим и скромно примостился с краю.

– Далее следовать в пути мы будем вместе. Я с моим внуком приглашен Апсхой в Ануху. В Священной роще в понедельник будет большое жертвоприношение и благодарение Анцва. Вот и вы вовремя повернули домой. Пленников пока спрячь, царю на глаза не показывай, он разгневан. Они еще послужат в нужном деле.

Анухцы молча разжевывали копченое мясо, запивали последними остатками вина, завершая скромную походную трапезу. По первому знаку старейшины они оказались в седлах, и караван тронулся в путь. Незаметно для других Куд подозревал раба, и они долго о чем-то перешептывались. Весть о прошедших событиях потихоньку обошла всех, и, хотя главные тревоги улеглись, всем хотелось как можно быстрее оказаться дома. Единогласно было решено не останавливаться в пути на ночлег. И более других торопился Аpsит. Его душа пела от счастья. Он чувствовал на себе взгляды соседей, так смотрят в Абазии на равного себе воина. Чисты и наивны детские мечты, когда по чудесному провидению и природа, и люди любят и гордятся тобой. Когда любое задуманное решение в твоих силах, ты можешь все, лишь бы было желание... Ему представлялась встреча наедине с отцом. «Ты достоин своего рода», – скажет он и горячо обнимет. Нана радостно выбежит навстречу и проронит счастливую слезу. Дед Урым встанет и поприветствует как воина, вернувшегося с похода. Теперь он бесспорный вожак среди сверстников Анухи. До встречи с царем в своих фантазиях он не доходил. От одной мысли об этом, Аpsит впадал в смятение и сбивался, однако сердце предвещало что-то большое и теплое.

Дедушка по матери, ехавший рядом с Аpsитом, не разделял восторженного настроения внука. Всю дорогу он мрачно молчал, разрываемый дурными мыслями. Он прожил долгую и достойную жизнь, большую часть которой провел в войнах, забиравших дорогих сердцу людей. Он умел ценить мир и познал главную горскую истину: люби природу и каждый миг, как последний; сумей достойно сохранить себя и близких; не бойся смерти, ибо «хорошая» смерть лучше поруганной старости.

Он понимал язык знаков и знал будущее. Его тревоги не были напрасными. Если вовремя не потушить разгорающийся пожар, его алчное чрево поглотит и родной клан, и всю Абазию...

Апсха тоже томился, раздираемый догадками. Коварное течение судьбы уносило его в открытый океан. Наполненные ветром паруса пригибали мачты ковчега. Он удалялся от привычных берегов родных человеческих сердец. В поисках гармонии и счастья он пошел дальше своих предков, но взамен потерянной личной свободы ничего достойного не сумел найти. Окруженный людьми, он оставался одиноким и несчастным.

На рассвете к нему прибыл гонец с письмом из Севастополиса, в котором византийский военачальник писал, что «окажет военную помощь дружественным абазам в случае войны с аланами. Самодержец, Кесарь

Юстиниан¹ насторожен враждебными действиями на границах империи и высылает большой отряд для укрепления гарнизонов Севастополиса и Питиунта». Это послание говорило сведущему человеку о многом. Политические интриги византийского двора невидимыми нитями опутывали половину мира, оказывая ощутимое влияние на расстановку сил. Апсха понимал, что эта ловушка рано или поздно захлопнется, все, что он мог, – оттягивать время очевидной развязки событий. Тайные агенты царя доносили, что персы захватывают одну за другой крепости Лазики и собираются обосноваться в братской Аpsилии, которая отошла от Византии, воспользовавшись военным присутствием персов. Значит, линия будущей войны пройдет по границе между Абазией и Аpsилией, этого Апсха не должен допустить, потому что пострадает один народ абаз.

Под покровом ночи Апсха вышел из цитадели,² обогнул ее северную стену и спустился в чрево грота-святилища на северо-западном склоне горы. Там никого не оказалось, лишь мерцал затухавший факел у жертвенника.

– Прими от меня в дар, Всемогущая Богиня, абазскую стрелу. Обещаю, что и впредь в твои Чаши не опущу ни ромейское серебро, ни золото. Что буду чтить обычаи и законы наших предков, почитать Тебя, как главную покровительницу. Спаси Абазию от беды, а если войне не миновать, спаси свой народ от рабства, гибели и поражения. И если я отступлюсь от своей клятвы, да падут на мою голову людские проклятия и исчезнет мой род с лица земли.

Какое-то время еще он постоял молча, затем стремительно вышел просветленный.

К утру охотники вернулись в родное село и разошлись по своим сожженным усадьбам. Пленников Куд повел к себе и поручил их рабам. Многочисленное семейство Урыма временно разместилось под сохранившимся хозяйственным навесом. Тут же готовили пищу, тут же ели, спали на шкурах. Нужно было время, чтоб обустроиться заново. Несмотря на трудности, высокого родственника приняли достойно. После короткого отдыха собрались соседи и старейшины села. Закололи быка, в медном котле быстро отварили мясо, в другом котле подоспела абыста из каштановой муки, пожарили нанизанную на ореховые палочки копченую дичь, женщины приготвили асызбал – остро приправленный соус из алычи. Урым собственноручно открыл ахашья.³ Новым акуапеем,⁴ приготовленным для этого случая, он снял вино и подал младшим, они его разлили в мелкие кувшины и поставили на стол. Когда солнце пошло на спад, старейшины уселись за праздничный стол. За их спинами стояли молодые мужчины, готовые уга-

¹Юстиниан I Великий с 527 по 565 гг. правил империей ромеев

²Издrevле считалась центральным укреплением любого города, была его оплотом и твердыней (ит. Citadella).

³Большой керамический кувшин для хранения вина.

⁴Черпак из растения семейства тыквенных.

дать и исполнить любое желание старцев. Во главе стола восседал Урым, слева от него гости, справа – жрец, хранитель священной Аныхи. Далее располагались соседи по старшинству. Обслуживающие разлили вино в глиняные кубки, и все присутствующие поднялись на ноги, чтоб быть ближе к богам. Первым заговорил Урым.

– Да снизойдет на вас добрый Божий взгляд, да избавят Они вас от бед и болезней. Прошу благословения «Еиха зымчу»,¹ пусть Верховная Богиня-Мать покровительствует нам во всех благих начинаниях. Гости одобрительно закивали головами, и завязался традиционный застольный диалог. Каждый из присутствовавших поднимал кубок и начинал говорить тост. Один кубок выпивался за час, затем они проворно заполнялись, и тосты продолжались. Для стороннего наблюдателя абазское застолье могло показаться чрезмерно болтливым, но тут же следует отметить, что абазы искренне верили в божественную силу сказанных ими слов и божественное начало самого напитка. Эти самые черты сохранились и у современных абхазов. Не вижу надобности описывать все тонкости продолжавшегося до утра праздничного застолья, скажу, что было немало съедено и еще больше выпито, но все держались с подобающим седином достоинством. Случилось, что кто-то из гостей утомился и притих; по знаку, поданному Урымом, тут же вышла группа молодежи. Они принесли выструганную для этих случаев доску и деревянные палочки. Под ритм, выбиваемый палочками на доске, кто-то затянул славную песнь о горской удали и беспечности, о любви к родной земле и единстве всадника и коня. Стоявшая полукругом молодежь в такт хлопала в ладоши. Самый достойный стремительно выскочил на середину и начал на пальцах ног отплясывать танец воина-победителя. К нему присоединился другой, помоложе, движениями тела и жестами рук разжигая огонь в сердцах абазов. Горские танцы, говорят, способны покойника воскресить. Что уж говорить об абазских старцах, убеленных, подобно вершинам кавказских гор, но душою молодых. Старейшины поднялись из-за стола, вошли в круг и начали свой величавый танец...

Немного погодя в праздник включились прелестные девушки Анухи, легкие и грациозные, как райские птицы. Завязалась новая песня и новый танец красоты и молодости. Молодой абаз выходил в круг, в танце подходил к выбранной им девушке, так получалась пара, спустя время их сменяли другие, и так по кругу...

С рассветом гости разошлись отдыхать. Завтра понедельник, день всеобщего молебна, назначенного царем у Священной Аныхи.

Утомленный долгим переходом и бессонной ночью, Аpsит заснул под деревом на медвежьей шкуре. Рядом с ним тихонько присела мать. Ей хотелось, как еще совсем недавно бывало, приласкать сына, погладить его по волосам, поцеловать в щечки, прижать к груди. А сейчас она боялась его обидеть, как-то быстро он повзрослел и отдалился. То же будет и с дру-

¹Главное божество в пантеоне абхазских богов.

гими мальчиками... Сегодня она спокойна – все любимые дома. Наконец, состоялась встреча с отцом, мудрым воспитателем и стойким защитником семейной чести. Все воспоминания, связанные с ним, были исключительно приятными.

Когда-то давно на празднике в родном селе появились всадники из Анакопы. Их приняли как почетных гостей, устроили скачки, военные игры и большое застолье. Гости не торопились уезжать. Рано утром, срывая бисер девственной росы, она шла с кувшином к роднику. Здесь состоялась ее первая встреча с Кудом, их взгляды робко встретились и соединились сердца. Они говорили недолго, он рассказал про Ануху и Анакопу, про песчаные берега и темно-синюю морскую воду. Она никогда не видела море и столичный город. Он обещал ей при следующей встрече рассказать про царя абазов и его боевые галеры... Через три дня абазы объявили об отъезде. Снова были пир и игры. Допоздна пела и танцевала молодежь. Куд не раз приглашал ее на танец, все заметили, что сложилась необычайно красивая пара. По возвращении домой ее призвал к себе отец. Он обнял смутившуюся дочь и мягким голосом заговорил.

– Милая доченька, я вижу, как ты расцвела. Что-то подсказывает – тебя ждет счастливая судьба, попрощайся со мной, может, мы не увидимся скоро.

Девушка смутилась и прильнула к отцовской груди. Это были «прощальные» объятия. В условленное время она выскочила из дома. Молодые тайно выехали под покровом ночи. Дружки Куда выехали утром по другой дороге на случай погони. Так она обрела свое женское счастье.

Уже близился рассвет, а рассказ седого пастуха не заканчивался. Нам не хотелось спать, однако я запереживал, что могу забыть насыщенные эпизодами красочные сцены повествования.

– Ацвмш, – робко прозвучал мой голос. Ваша необычная история должна быть записана, должна найти своего читателя.

– Дад, мои пальцы давно огрубели и разучились писать. А потом, могу ли я удостоверить других, что в мой рассказ не вкрался чужой вымысел? Ведь слово не воробей, тем паче печатное.

Его слова глубоко запали в мое сердце. Я пообещал, что соберу все материалы, касающиеся этого времени и как можно правдивей опишу историю, в основу которой ляжет услышанный рассказ.

СВЯЩЕННАЯ АНЫХА

Благодарственные молебны – не редкость в Абазии. Особо почитаются «Еиха зымчу» – создатель всего мира и Анцва – верховная Богиня – покровительница, которым подчиняются семь их ближайших родственников, возглавляющих свои божественные семьи. Всеми абазами трепетно почитаются духи гор и дочери «Еиха зымчу» и Анцва – священные Аныхи. Кроме того, каждый род имеет своего духа-покровителя и каждая отдельно взятая семья – своего домашнего духа.

В этот понедельник на молебен были приглашены жрецы всех главных святилищ Абазии. Они шли со своими жертвами, достойными Анакопы. Анухские мужчины с детьми и женщинами собрались на окраине села. Красочную процессию возглавлял жрец в праздничном одеянии с ритуальным посохом-трезубцем в руках. Рядом с ним – царь и сотник Кит, ведущий жертвенного быка. За ними следуют приглашенные жрецы со своими жертвами, следом идут мужчины, несущие на огромном помосте просяной хлеб с солью в углублении, выпеченный в специальной печи, сложенной по этому случаю. За ними шествуют почетные гости и старейшины общин, мужчины, женщины и подростки. Процессия подходит к назначенному месту и трижды обходит священное дерево, жертвенные животные идут с ними, причем нельзя бить жертву или кричать на нее. Не было в Абазии случая, чтобы самый могучий и строптивый бык не приходил на место своего заклания добровольно. Участники молебна поют ритуальную песню во славу богов.

Анухцы удивленно разглядывают царского быка. Кто-то из посвященных рассказывает, что это животное было привезено в Абазию аж с берегов Инда.¹ Жрец подходит к каменному алтарю и ударяет трезубцем в землю. Люди замирают.

– О, Богиня Анцва, обрати свой ласковый взор на детей своих, защити их от бед и болезней. Мы пришли к тебе благодарные за твой покров земли и очагов наших. Нас привел к тебе благодарственный обет царя абазов и его сотника, все мы, смертные, перед тобой равны. Прими наши жертвы, и мы еще не раз к тебе придем...

После этих слов жрец вручает своему помощнику бронзовый нож, передаваемый веками хранителями Аныхи. И тот одним ударом в основание черепа сваливает на землю огромного быка. Вслед за тем зрители других святилищ подводят своих жертвенных животных, и он так же умело закалывает их. Мужчины переносят туши животных под другое дерево, где их

¹Крупная река в Южной Азии, берёт начало на территории Китая в Гималаях и протекает большей частью по территории северо-западной Индии и Пакистана.

освежевывают. Разделанное на части мясо другие люди переносят в третье место, где его варят в вековых медных котлах, принадлежащих этой Аныхе. Пока варится мясо, Апсха тепло приветствует жрецов, прибывших с разных концов Абазии.

– Да упадут на наши головы беды твои, Апсха, – отвечают хозяину благодарные гости.

Тут царь заметил своего дядю по матери – Псху дадала и поспешил высказать ему свое почтение. Он прижал к сердцу его руку в знак сыновней кротости. Дадал, в свою очередь, поцеловал племянника в лоб. Оба были искренне рады этой встрече. Апсха отвел гостя под тень ветвистого дуба, где они присели поговорить.

– Как себя чувствуешь, санца,¹ не утомился ли в переездах? – заботливо спрашивает царь.

– Спасибо, племянник, на здоровье пока не жалуюсь, а старость – ведь не болезнь... Как моя сестра, последний раз, помнится, я смотрел в ее очи четыре года назад, на празднике в честь Псхуныха?

– Нана здорова, встреча с тобой пойдет ей на пользу: все равно, что в родном краю побывает. Да пошлет тебе «Еиха зымчу» (Бог солнца) белую старость за великие труды во благо Абазии. Благодаря единству нашему защищены северные пути от врагов, караванная торговля приносит доходы.

– Однако аланы мирный договор нарушили, теперь не до спокойного сна. Будь бдителен, царь, они снова выступят.

– Ты прав, санца, я отправил на малый перевал сотню, как думаешь, достаточно?

– Будем надеяться, что и впредь Анцва покровительствует абазам. Если в этой сотне есть десяток таких, как Урым или его внук Апсит, они услышат ее волю и исполнят.

– Да, я слышал об этом юноше, но ведь он и твой внук, чего уж говорить. После праздника приведи его во дворец... и Урыма тоже. Мне нужен будет ваш совет.

– Мой совет будет прост: нужно искать мира с аланами, – их понимающие взгляды встретились.

«Он умеет убеждать, быть ему переговорщиком», – решил Апсха, но говорить об этом пока не стал.

– Какие новости везут с собой купцы через перевал, расскажи, дядя?

– Новости – они разные. Греки открыто говорят, что василевс не простил лазов и апсиров за то, что персов пустили, будет новая война меж ними. Еще говорят, что недоволен Кесарь абазами за то, что ромейскую веру отвергаем, что ты абазов вместе собрал, себя царем провозгласил и укрепляешься.

– И это они тебе сказали? – с неким сомнением перебил рассказ Апсха?

– Сказали те или другие... правда, что не доверяет тебе Кесарь. Пока ему не до нас. Но долго ли так будет...

¹Брат матери.

– Саншья, два дня назад был у меня ромейский посланник. Говорит, что василевс отправил корабли с войском для усиления Севастополиса и Питиунта. Непокорно на душе, признаюсь. И то, что аланы договор нарушили, похоже, неспроста...

– И я так думаю, если пожелаешь, мы сможем в скором времени узнать подробности.

– Что-то ты не договариваешь, не темни.

– Когда аланы напали на вас, мой зять, старший сын Урыма, отец Апсита – Куд – со своими товарищами находились на охоте неподалеку от малого перевала. Взяли они в плен трех алан, избежавших смерти. Среди них царевич – племянник аланского царя Багатара с оруженосцами, тому доказательством служит его перстень с печатью. Сейчас он находится в Анухе в усадьбе Урыма под охраной. Если проявишь милосердие, Апсха, аланский царь будет благодарен и почувствует себя твоим должником. В этом кроется надежда...

Слушал Апсха, но думал как раз об обратном. Скорее, царь алан отправил в Абазию племянника в надежде избавиться от претендента на престол, чем в ожидании от него успеха и громкой славы. Тогда никакого толка от такого пленника.

– Апсха, подарив ему жизнь, ты сделаешь этого юношу навеки своим союзником, – добавил дадал, распознавший сомнения царя.

«Хорошо, что этот человек мой друг и союзник», – думал про собеседника Апсха. Он бросил взгляд на дадала, тот отвернулся, чтоб скрыть улыбку и не смущать царя.

– Что персидские купцы говорят?

– Хосров¹ в Лазике и Апсилии укрепляется. У границ с Лазикой собрал он бесчисленное войско с боевыми слонами, присоединились к нему вассалы с войсками со всех концов мира: гунны,² сабиры,³ картлийцы,⁴ кахи, гуры, имеры также с ним. Вроде, хотят окраины империи укрепить, горные проходы Кавказа захватить и всех горцев за хребет оттеснить. Наводнят эти войска Апсанию и в Абазию могут зайти.

– А что же ромей?..

– Не устоят ромей перед такой силой. Кроме нас и алан все переметнулись к персам.

Затрубил рог жреца, возвещая о начале моления. Без промедления все абазы собрались под Священным дубом. Как главный виновник торжества, Апсха вышел из круга вперед, на полшага позади него встал Кит. Хранитель Аныхи левой рукой удерживал жертвенный трезубец с надетой на него долей Богов (сердце, печень, лопатка). Правой он поднял кубок с вином.

¹Хосров I Ануширван (531-579 гг.), иранский царь из династии Сасанидов.

²Союз тюркоязычных племён, образовавшийся во II—IV вв. путём смешения разных этносов Великой Евразийской Степи, Приволжья и Приуралья.

³Группа кочевых племён первого тысячелетия нашей эры.

⁴Картлийцы, кахи, гуры, имеры – грузинские племена.

– О, Верховная Богиня, – обратился свой взгляд к небу жрец, – мы собрались с глубокой верой и почитанием твоей неизмеримой силы, во исполнение взятого царем и его сотником обещания. О, Всемогуший «Еиха зымчу», давший нам эту благословенную землю, как и прежде, опекающий своих сынов. Царь абазов и его сотник привели от чистого сердца и души на редкость могучего быка, чем сняли с себя обет. Собравшиеся здесь, берегись ли вы подтвердить мои слова?

– Воистину так, видят боги, – единым возгласом засвидетельствовали присутствующие.

– Прошу тебя, Анцва, прими свою долю, будь милостива и добра к нам, и если кто-то по незнанию заслужит гнева твоего, сжался над нами, смертными, пусть твой ласковый взор следит за каждым из нас, где бы мы ни находились. Убереги Абазию и царя нашего, и народ наш от несчастий, да не оскудеет Чаша Даров твоя.

Абазы вознесли руки к небу и вновь запели песню Богов. Жрец отрезал по кусочку от доли Анцва, прибавил кусочек от просяного хлеба, смочил все это остатками вина из кубка, скатал в шарик.

– И покуда не вскормлю врагов земли нашей этой долей, чтоб мы жили и здравствовали.

С этими словами хранитель Аныхи выбросил шарик далеко в сторону крутого склона.

Трезубец с долей богов установили возле каменного алтаря и отправились на живописную лужайку, где предполагалось вкушать трапезу. В тени могучих священных деревьев молодежь устроила на земле настил в два ряда из веток молодого ореха. Между рядами уложили крупные листья дикого инжира, на которые выложили отваренное мясо, аджику¹ и просяной хлеб. Тут же стояли глиняные кубки и кувшины с вином, взятым из огромных глиняных сосудов – ахашца, закопанных в Священной Роще. Ежегодно, поздней осенью, в день урожая Анухцы приходили к Аныхе с благодарностью за полученный урожай. Они жертвовали ей по одному ахата² вина от каждого дыма, которое заливали в опустевшие к тому времени сосуды. Если по каким-то причинам старое вино оставалось и его не могли допить в день урожая, то непременно выливали как долю усопших. Ничто из принесенного в Священную Рощу не могло уноситься обратно.

По завершении праздничной трапезы Анухцы собрали объединенные кости жертвенных животных и, пересчитав, уложили в их собственные шкуры, чтобы перевязав эти свертки лианами, подвесить к кроне священных деревьев – где они иссохнут и обветрятся. Жрец в последний раз подошел к алтарю и обратился к Богу – покровителю пастухов – Айтару.³

– Прими, Айтар, вложенную в шкуры долю свою. Ты нам дал, как и прежде, этих животных, прими нашу благодарность, да приумножатся стада твои. И мы снова обратимся к тебе с молитвой.

¹Солено-горькая приправа.

²Герметичные кожаные мешки, обычно из козьей шкуры.

³Бог – покровитель домашних животных и пастухов.

Люди, выходившие из Священной Рощи, с просьбой о ниспослании здоровья и благополучия опускали приношения в Чашу Даров. Радостные и возбужденные, они возвращались к своим очагам, сопровождаемые закатом божественного светила. Подростки побежали в ущелье к речушке искупаться под водопадом. Гостей разместили на ночлег в «первых домах» Анухи, царь с оруженосцами отправился в Анакопу.

Пока они в дороге, расскажу вам о царских заботах.

Абазия состоит из двух частей – западной и восточной, два правителя, но царь один и столица у них одна – Анакопа, по-гречески – Анакопия, или Никопея. И правители, и царь выбираются из числа дадалов. Восточная Абазия начинается от Клиссур и идет до реки Бзы,¹ в ее пределах находятся Себа-стополис, Анакопия и Питиунт. Далее до Зухии² вдоль берега Черного моря протянулась западная Абазия. В ее пределах находятся крепости Гагапста³ и Хашпста, вплоть до реки Мзымпы.⁴ Правителем западной Абазии был дадал по имени Нал. Он отличался неукротимым нравом и бесстрашием, был горделив и жесток, и как следствие – упрям и неуступчив. Ромеи, хорошо знавшие Нала, оказывали ему знаки внимания, распадая властолюбие и покровительствуя, в надежде расколоть единство Абазии. «Пока в Хашпста сидит Нал – Абазия стоит на одной ноге, – мыслил Апсха, – он готов всадить в спину акинак.⁵ Боятся Нала и зухи, и брухи,⁶ если бы его не стало, они жили бы в союзе с абазиями по примеру Пыса». «О, Всемогущая Анцва, вразуми меня, дай мне сил и уверенности, пошли мне знак, чтобы не опозорил я имени своего», – мысленно обратился он к небу, дабы рассеять свои колебания...

Ночь укрыла все собой, когда ворота Анакопы открылись и впустили главного абазу. Он спешил и поспешил во дворец к матери. Она сидела у светильника и вышивала золотом царский плащ, две молодые услужливые рабыни кружились рядом. Увидев сына, она бросила работу и радостно вскочила, словно девушка. Апсха поцеловал ей руки, усадил на место и поведал о встрече с ее братом. «Жди, завтра придут в Анакопу, только не волнуйся», – добавил Апсха на пороге. Обрадованная женщина отложила рукоделье и бойко принялась за распоряжения по хозяйству. Царь подозревал коменданта и приказал срочно доставить пленников из Анухи в крепость.

¹Слова псы, бзы, дзы обозначают воду, современная река Бзыбь.

²Зихия – раннеклассовое государство, объединившее родственные абхазо-адыгские племена на северо-западе Кавказа, упоминавшееся с периода классической античности по период позднего средневековья.

³Современная гагрская крепость, основанная еще в период позднеантичного времени.

⁴Современная река Мзымта.

⁵Короткий кинжал скифского типа.

⁶Племя, жившее в неприступных горах, севернее абазов или абазгов, по Прокопию Кесарийскому.

ЦАРСКИЙ СОВЕТ

Законы природы неумолимы – наступил рассвет. Раньше довольно часто царь его встречал далеко за Анакопой. Это бывали охота или военный поход. Просыпаясь в своем дворце, он чувствовал усталость и нервозность. Незаметно по тайной тропе он спускался из цитадели в глубокое ущелье реки Псы, купался в водопаде, прикрытом зарослями сассапареля¹ и ежевики, и возвращался в добром духе. К этому времени поднимались все домочадцы. Рабы начинали извечную возню по хозяйству, Анакопский гарнизон сменял караулы.

Этим утром в цитадели стояло необычное оживление, душой которого была нана царя. Она отдавала указания рабам и придворным, всюду подметали, мыли, вычищали, в дальнем углу резали барана и домашнюю птицу. Согласно заведенному обычаю, один из лучших охотников Анакопы еще вечером отправился в ближайшие леса за дичью.

К цитадели подъехали несколько всадников. По команде коменданта их впустили, они спешили в тени могучего ореха, рабы увели их коней. Нана царя вышла из дворца навстречу брату, они тепло обнялись, и потекла беседа соскучившихся сердец. Поприветствовать гостей подошел Апсха. «Да упадут все беды твои на наши головы», – отвечали приехавшие. Только Апсит из скромности не проронил ни слова. Царь знаком подозвал его, поцеловал в голову, как младшего брата. Он взглянул на скифский меч, отделанный золотом и, не скрывая восхищения, произнес:

– Много доблестных воинов в Абазии, да не сравнится твоя слава ни с одним из них.

Юноша, смущенный лестной похвалой, покраснел...

Апсха пригласил гостей присесть под орехом: слева от себя усадил дядю Пыса и Апсита, справа – Анухского жреца и Урыма, остальные удалились.

– О чем мы будем здесь говорить, должно уйти с нами в могилу. Грядут непростые времена, и мне понадобился ваш совет. До нас доходит эхо большой войны, лев обозлен, загнанный в тупик. Он мечтает безраздельно править Абазией и всем миром, но у него есть могущественный враг. От того, как поведет себя Абазия, зависит не только ее будущее. Доблестный Урым, ты прошел по всем землям от египтян до мидян², изучил их нравы и силу в бою, посоветуй.

¹Колючий вечнозеленый кустарник.

²Ираноязычные племена, здесь: персы.

– Дад, в лесу побеждает сильнейший, но тура льву не взять, его защищают непроходимые скалы и бездонные пропасти, в прыжке нет ему равных среди диких. Абаза, идущий на тура, просит благословения у Ажвейпшаа, и быть тому, что он решит – хозяин всей дичи. Не слышал я, старый охотник, чтобы туры, косули, серны, козы вместе с львами и волками паслись.

Слоны же могучи и неповоротливы, что не съедят, попортят и истопчут, не могут рядом с ними жить свободные и чистые. А что волки набеги чинят, понятно: то им лев приказал.

Был я во многих битвах, победа за теми, у кого войско – что послушный клинок в опытной руке. Научи абазов, Апсха, себе подчиняться, и куда бы ни направил удар, будешь славу иметь, – закончил слово Урым.

– Доблестный, да приумножат славу твою потомки, – поблагодарил Апсха. – Что думаешь хранитель древних святынь и обычаев наших?

– Да благословят Всесильные наш Совет. Боюсь я за нашу веру. Грозится проклятый ромейскую веру насильно абазам навязать, предать забвению богов и святыни наши. Мало ему земли, наши души забрать, всех нас в рабов превратить хочет, не допусти этого, главный защитник Абазии. С аланами, царь, можно договориться, одни святыни почитаем, ни к чему им война с нами...

– Санца, скажи, что думаешь?

– Услышанное принимаю. К аланскому царю переговорщиков пошли. Царевич пусть останется в Анакопе в заложниках, его оруженосцев надо выслать с известием о прибытии нашего посольства. Будем говорить о мире без всяких условий, гарантом тому станут сыны знатных родов с обеих сторон, числом по сто человек, которых мы должны будем добровольно обменять. Только породнившись кровью, мы сможем веками жить в мире... Еще одно дело придется сделать, Апсха. Непокорных дадалов к порядку следует принудить, главный среди них – Нал из Хашпста. Скажу, как сделать без крови. Любит он со своим флотом в пиратские набеги ходить, чаще у берегов Апсилии и Лазики. Конечно, он в том не признается, но если мы сможем уличить его – победим. Сей факт не понравится и его ромейским покровителям, и в самой Абазии многие им не довольны, но побаиваются. После соберешь всех дадалов, прилюдно сместишь непокорных и объявишь новые выборы. По царскому праву предложишь им доверенное лицо, к примеру, Опсита, они его поддержат. Если решишься, я все устрою. После этого Абазия встанет на две ноги, и присоединятся к нам Ацхаруа¹ и Зухия. Не захочет никто пробовать тот клинок на себе, будет Абазия чиста и свободна.

Затем надо по всей стране построить крепости, подобные нашей. Над ущельями, где идут дороги, они станут неприступной преградой на пути любого врага. Это будет железная линия Абазии.

– Я разделяю все услышанное, укрепили вы меня в моих мыслях, благодарю. Санца, тебе разобраться с непокорными поручаю. Затем отправитесь вчетвером к аланскому царю, слуги вам выдадут плащи с золотым гербом

¹Горцы. Здесь: брухи.

и щиты с царским знаком. По возвращении решим, куда отправить этого юношу для овладения грамотой и боевыми знаниями. Да благословят задуманное нами боги Всесильные.

Пройдет несколько столетий, прежде чем задуманное на Царском Совете сбудется. Кто из них тогда мог предположить цену заветной мечты?

В гостевой комнате дворца шли приготовления к застолью. Царь пригласил участников Совета пройти к древнему святилищу и закрепить их решения одобрением богов. Возглавляемые жрецом они вошли в грот, пламя алтарной свечи радостно заиграло. «Благослови решения наши, Всевышняя покровительница, ласковым взором оберегай нас, Анцва, и мы снова придем к тебе, да не оскудеет Чаша Даров твоя», – пропели молитву пришедшие. Еще какое-то время они постояли молча, опустили приношения в Чашу и просветленные вышли. На обратном пути между дядей и племянником завязался разговор.

– Да упадут все беды твои на мою голову, Апсха. Абазии нужны великие умы и отважные сердца. Этот юноша помечен вершителем судеб (об Апсите), ему не нужен покровитель из земных, наш долг – лишь направить...

– Я это вижу, саншья. Отправим его в Константинополь во вражеское сердце, то будет лучшим уроком для будущего. Там он освоит науки, боевое искусство, изучит их обычаи и нравы. Много народов сходятся там, пусть научится распознавать великое в малом и в помпезном пустоту.

– Пусть научится распознавать судьбу свою и следовать за ней без страха в сердце, по первому зову, – поддержал старейшина – воистину, такова доля избранных. У меня есть проверенный человек в Царьграде,¹ аристократ и бывший сенатор, обошел с караванами все дороги земные в поисках вечного источника жизни. По моей просьбе он примет юношу, словно родной отец. Если Апсита отправишь ты, Апсха, он может оказаться в роли заложника.

– Расскажи мне о нем, какие тайны он тебе раскрыл? – загорелся царь.

– Поведал он мне, что великие империи исчезнут, словно невидимки, что меж людей нет святого и жизнь любого человека священна. Что главное чудо и богатство земли – Человек, наделенный многими талантами, и нет ничего важнее умения управлять знаниями. Что нет границ, кроме придуманных самим человеком. Человеческие труды, жертвы, тревоги и страсти ничто в сравнении с творческим упоением.

– Подожди, не спеши. Значит, их империя исчезнет, так он сказал? – перебил Апсха. – Тебе не кажется, это хороший знак? Жаль, мы с тобой не увидим этого.

– Не забывай, Апсха, души избранных восходят к Богам, прямо на небо. А там время бесконечно, может, и нам посчастливится, – отшутился дядя царя. Подобная возможность, пожалуй, развеселила бы любого абазу.

– Не уйдет ли у Апсита от общения с ним вся сила в голову, не признают тогда абазы его своим дадалом.

¹Константинополь.

В прекрасном расположении духа они прошли во дворец. Слуги подали им приборы для омовения рук. Выполнив положенный ритуал, гости расположились за столом. По царскому поручению комендант привел пленного аланского царевича.

– С этого времени ты мой почетный гость, – обратился к нему Апсха, – раздели с нами праздничное застолье.

Молодой алан оцепенел, скорее он был готов мужественно принять смерть, но сидеть рядом с абазским царем – это невиданное милосердие. Углы губ его слегка дрогнули, он их разжал с трудом и осипшим, срывающимся голосом промолвил:

– Я недостоин этой чести, я твой пленник и раб, милосердный, позволь мне удалиться...

– Твое место за столом рядом с нами, ты не можешь отвергнуть желание первых в Абазии.

Алан омыл руки и неуверенно присел с краю.

– Выведите его оруженосцев, и примите их с уважением, – распорядился царь своим слугам.

«Благослови нашу пищу, Анцва. Твоя доля неприкосновенна», – произнесли вслед за жрецом сидевшие за столом и приступили к трапезе. Красавицы-рабыни бойко ухаживали за столом. Наряду с мясом птицы и бараньим шашлыком подали до хрустящей корочки поджаренную камбалу и форель. За столом прошелся слух, что ушедший утром охотник вернулся с убитым оленем. «Хвала Ажвеипшаа», – смешались восторженные голоса в ответ.

Согласно застольной традиции, был выбран тамада, и потекла традиционная череда тостов, оживляемая яркими и поучительными легендами из уст старцев.

– Да снизойдет до вас благодать Божественного Светила, да не иссякнет свет очей Анцва, дарящих нам свет и тепло материнского сердца, – произнес тамада¹ – Урым, приподнимая кубок вина.

– Да будет на то воля «Еиха зымчу», – дружно поддержали остальные и осушили кубки. Пока гости пробовали блюда, красавицы рабыни разлили вино.

Следующим тостом Урым предложил тост за Божественную семью, младших братьев и сестер, за духов и ангелов, следящих за каждым шагом и мыслью человека, наделяющих судьбы и вершащих суд над земным. «Не будьте строги к нашим слабостям и незнаниям, покровительствуйте нам в помыслах и решениях, и теплый взгляд ваших очей пусть неотступно следит за нами». «Да поддержит твои слова Всевышний, Аминь», – вторят сотрапезники старцу и выпивают напиток богов.

– Расскажи нам, Аpsит, как добыл ты свой меч, – неожиданно для всех обратился Аpsха к юноше.

¹Руководитель застолья.

Молодой человек считал за дерзость одно свое присутствие за столом с первыми людьми Абазии. И ощущал он себя словно пленник. Сконфуженный, он поднялся, все взгляды сошлись на источавшем теплый свет, отделанном золотом и камнями мече. Аланский царевич, сидевший молча, не смог сдержать стон – голос раненой души. Этот меч он подарил перед первым походом своему молочному брату.¹ Аpsит осекся. «Меч каким-то образом дорог царевичу, и поскольку Аpsха объявил его почетным гостем, любое неосторожное слово могло обидеть и абазского царя», – размышлял неглупый юноша. Абазы, понявшие переживания Аpsита, обратили свои взоры на алана.

– Этот меч принадлежал моему брату, да принесет он новому хозяину больше славы, чем преждему, – произнес алан по-гречески.

– Так выпьем же за это, – воспользовавшись паузой, предложил жрец. – Никто из сверстников Аpsита не устаивался такой чести. Да принесет он славу мечом и словом для Абазии, и украсит вашу старость, Урым и Псху дадал.

– Благослови, Всевышний, слова жреца твоего, – поддержал преждевременный тост Аpsха и осушил кубок.

Со словами благодарности, уважительно уступая друг другу, выпили дедушки Аpsита благодарственные тосты.

Юноша молча стоял, в ожидании разрешения присесть.

– Не смущайся, воин. Подними кубок так же смело, как оружие в бою, поблагодари старших и осуши его, – мягким голосом повелел Аpsха.

Аpsит поднял первый в своей жизни кубок с вином, подбадриваемый откровенными взглядами прекрасных рабынь, и произнес:

– Благодарю за похвалу и пожелания. И да поможет Всевышний не опозорить имя свое, не опечалить ваши светлые лики, и да сбудется только хорошее, ваша радость навсегда моей будет. А если не избежать несчастья, пусть все беды на меня падут.

Не спеша, с достоинством Аpsит осушил кубок и присел на скамью.

Спустя немного времени Урым поднялся на ноги и предложил следующий тост за Абазию.

– В очень древние времена, когда Всевышний раздавал народам земли, наш предок явился с опозданием. «Что тебе помешало явиться вовремя? – гневно спрашивает Бог. – Все земли я уже роздал». «Извини за опоздание, так уж получилось. Предки научили меня, что гость божий посланник. Я уже выходил со двора, как у ворот усадьбы повстречался с путником-чужестранцем. Он был голоден и утомлен. Я пригласил его к себе и принял с должным уважением. Как только он изъявил желание отдохнуть, я поспешил к тебе. Что делать дальше – тебе решать, Всевышний». «Откуда мне знать, говоришь ли ты правду?» – недоверчиво спрашивает Бог. «Мой гость это подтвердит, как проснется, я попрошу его к тебе явиться».

¹Сын кормилицы.

«Нет надобности меня об этом просить, я уже здесь, – слышался рядом голос гостя-чужестранца. – Во исполнение твоей воли, Всемогуший, я обошел все земли и уже возвращался назад, как почувствовал усталость. Этот человек вернулся из-за меня и принял в своем жилище, предоставив пищу и кров».

Тут наш предок понял, что тем самым путником был Божий ангел.

«Раз такое дело, – сказал Всевышний, – я уступлю тебе свою землю».

«А где же будешь жить ты?» – испугался апсуа.¹

«Я могу жить на небесах», – ответил Бог.

С тех пор эта благословенная земля принадлежит нам, и никто из людей не встречается с богами. Да будет неизменным и чистым то, что Всевышним решено.

Сотрапезники, одобрительно восклицая, вслед за Урым опустошили свои кубки.

Вино понемногу разогнало тоску аланского царевича, его взгляд повеселел и стал увереннее. Он никогда не будет враждовать с абазы. Это решение было настолько твердо, что ему хотелось встать и объявить об этом вслух. Однако страх быть обвиненным в малодушии пока перевешивал.

Подали на стол приготовленную оленину, гости отвлеклись от беседы, пробуя сочные куски дичи.

По велению царя слуга пошел привести охотника. Им оказался прославленный Нар, отличавшийся бескрайней добротой и доверчивостью. На удивление всем, он не только не «пропал» в перипетиях судьбы, но во многом прославился. Никто не мог ходить в горах и добывать дичь так же быстро. «Дочери Ажвеипшаа – его возлюбленные», – подшучивали над ним абазы. «Легко быть добрым нищему», – рассуждали зажиточные.

– Благословенный Нар, подойди к нам, выпей с нами, – протянул царь свой кубок.

Широко улыбаясь, добрым словом Нар поприветствовал гостей.

Он пожелал всем мира и согласия, покровительства Всевышнего в благих начинаниях.

Участники застолья восторженно приняли слова Нара, так как доброе слово его, даже случайная встреча с ним сулили непереносимый успех. «Дымшуп»,² – говорят про таких абазы. Осушив кубок, он поспешил удалиться. Прекрасные рабыни вновь наполнили кубки вином.

Неожиданно в гостиную вошел комендант. «Позволь, Апсха, обратиться». Сидевшие за столом прекратили беседу, царь кивнул головой. «В Анакопу прибыли послы от аланского царя, они просят о приеме».

– Что привезли, мир или войну? – спросил насторожившийся Апсха.

– С миром и подарками, – ответил комендант.

– Веди сюда, к столу; в таком случае они наши гости.

¹Абхаз.

²Несущий свет.

Комендант поспешил за аланами. Приятная новость обрадовала абазов, они оживленно принялись обсуждать гарантии будущего мира.

Неожиданно открылась парадная дверь, в гостиную вошли посланники с севера. Их было трое. Возглавлял группу близкий родственник аланского царя, другой был абазским племянником и приближенным аланского двора. Послы поклоном обнаженных голов поприветствовали сидящих. Абазы отвечали им стоя.

– Мы, посланники аланского царя, искренне приветствуем царя Абазии и всех присутствующих.

– Мы, абазы, всегда рады доброму гостю. Просим разделить с нами праздничную трапезу, приободритесь после трудной дороги, – по-гречески ответил царь.

Аланы заняли места за столом, грациозные рабыни расставили посуду и еду, разлили в кубки вино и, лукаво улыбаясь, посторонились.

– Прежде, чем мы отведаем вашу благословенную пищу, я хочу powiedzieć, что наш царь сожалеет о случившемся. Те, кто самовольно посмел пересечь границу с Абазией и нарушить мирный договор, умерли для Алании тогда, когда задумали недоброе.

Аланский царевич побледнел и пошатнулся от новости. Он что-то пытался вымолвить, помутневший на миг рассудок не справился с окаменевшим языком, и он умолк.

– И если кто-то из тех бесславных остался в живых, они достойны рабской доли, – продолжил посол.

– Мы принимаем извинения вашего царя и готовы к миру, – ответил Апсха. – Давайте доверимся мудрому Урым, славному воину, главному за нашим столом.

– Посланники, поднимите кубки во славу наших богов, всемогущих и добро дающих, да не спадет с вас ласковый взор Анца, – продолжил Урым.

Аланы с показным единодушием осушили свои кубки по абазскому обычаю стоя и принялись вкушать изысканные блюда. Все это время аланский царевич не сводил ненавистного взгляда с послов, те же старательно скрывали свой конфуз. В те времена высокие посланники не только выражали чужую волю и мысли, они напрямую были причастны своей честью и именем к выполняемой миссии. И если принимающая сторона могла заподозрить в коварстве или обмане, посланники держали ответ и за себя, и за патрона. В этот вечер их судьба отчасти находилась в устах царевича. Находившиеся в гостиную абазы понимали драматичность ситуации, однако не раскрывали свои мысли, удовлетворенные ходом событий. Урым, стоя с кубком вина, продолжал вести застолье теперь уже на абазском языке, абазский племянник из аланской свиты переводил его для своих.

– Давайте выпьем за друзей Абазии, искренних и преданных нам, не желающих чужого добра и готовых прийти на помощь. Верю, что аланы смогут ими быть. Если что-то есть, зависящее от нас, чтоб не позволил нам Всевышний отступить от нашего слова, идущего из сердца.

Сотрапезники дружно закивали головами и с одобрительными возгласами осушили кубки.

Воспользовавшись переводчиком, попросил слово Аддак – старший среди алан. Он заговорил о бедах, приносимых враждой и войнами, об уходе караванов на другие пути и связанных с этим убытках, о грядущих земных потрясениях и небесной каре за все это. «Для меня большая честь сидеть рядом с великими людьми Абазии, позвольте мне этот кубок поднять за вас, мудрых и бесстрашных, гостеприимных и милосердных. Наш царь Багатар и мы сочтем за честь породниться с равными из вас», – закончил алан. Другие посланцы поспешили поддержать старшего.

Абазы остались довольными. Кровное родство – самая прочная гарантия мира на Кавказе.

– Да благословят Всемогущие боги ваше предложение, и да придет настоящий мир в наши горы, – царь абазов поднялся с ответным словом и кубком в руке.

Все встали и выпили, воодушевленные согласием.

Вокруг застолья по-прежнему беззвучно порхали красавицы рабыни, околдовывая своими чарами подвыпивших мужчин. Старшие еще как-то управляли собой, зато юноши, покрытые страстным румянцем, все чаще забывали прятать пылкие взгляды. Тяжело в Абазии сдавать экзамен на зрелость.

– Не редкость встретить среди нас убежденного сединой пожилого человека, и нет лекарства против бремени старости, кроме преждевременной смерти. Мы разными путями приближаемся к ней, и есть счастливицы, окруженные любовью и почетом. Я предлагаю выпить этот кубок, – предложил Апсха, – за наших старейшин. Белой вам старости, как говорили наши предки!

С подчеркнутым почтением младшие выпили за старших, и взял слово Псху дадал.

– В глубокой древности, когда человек был наполовину зверем, люди следовали принятому в то время обычаю. Пожилых, ставших немощными, ждала непереносимая гибель. Как-то раз некий абаз, сидя во дворе под тенистым деревом, плел корзину из ореховых прутьев, чтоб снести своего немощного отца к скале и предать его отвесному обрыву. Он это делал с легким сердцем, как когда-то и его отец, и многие его предшественники. Случайно взор абаз упал на навес перед жилищем, под которым на соломе сидел немощный старец. По щекам старика текли горькие слезы, он беззвучно плакал. Горе отца не тронуло сына. «Отчего ты плачешь, неужели страшно умирать?» – спросил он отца. «Нет, сынок, я готов к смерти, я плачу из глубокой любви и жалости к тебе». «Зачем меня жалеть?!» – возмутился сын. «Я смотрю на тебя и вижу, как твой сын плетет корзину для тебя, чтоб отнести и предать обрыву», – заливаясь слезами, поведал отец. Мужчина огляделся по сторонам, остановил свой взгляд на игравшем поблизости мальчике и не проронил ни слова. Он доплел молча корзину, от-

ложил ее в сторону и созвал сородичей. Им он поведал, что вопреки дикому обычаю он оставит отца в тепле и почете до конца его дней. С тех пор абазы следуют обычаю почитать пожилых людей. Пошли им, Всевышний, белую старость.

– Уважаемые аланы и абазы, – произнес тамада, – пользуясь данным мне правом, я предлагаю выпить за первого дадала – царя абазов, да упадут его беды на мою голову. Пусть свершится задуманное благое с помощью богов и народа твоего.

Аланы и абазы, единодушные в достоинствах царя, с подчеркнутым уважением осушили кубки стоя. Апсха произнес короткое благодарственное слово и повелел развлечь гостей танцами. Музыканты принесли арфу и свирель, под их мелодичный аккомпанемент, сопровождаемый барабанным ритмом, исполнили грациозный танец красавицы рабыни, рожденные во имя красоты, любви и наслаждений. Очарованные гости, затаив дыхание, любовались женской красотой. Юные, гибкие тела, полные дыхания весны, беззвучно извиваясь, прогибались и легко отрывались от пола в невиданных па экзотического танца. Прозрачные лоскуты заморской ткани, слегка покрывавшие упругие груди и бедра, скрепленные лишь двумя золотыми фибулами, подобно парусам, разрываемым порывами ветра, колыхались и трепетали под напором вырывавшейся на свободу страсти. Пряди каштановых волос, покрывавшие молочного цвета плечи девушек, словно нежные любовники ласкали то грудь, то спины танцовщиц.

Все были потрясены зрелищем, достойным богов и императоров. Апсха добродушно улыбался в ответ на откровенное удивление гостей. Переждав небольшую паузу после танца, попросил слово аланский посланник.

– Глубоко чтимый царь абазов, хочу представить подарки, посланные моим царем. Переводчик быстро справился с задачей. – Это лучшая кобылица моей земли, белоснежная и огнедышащая, и жеребец ее крови в золотых уборах, достойные твоего взгляда, – рассказчик перевел дыхание, – золотой кубок в камнях из далеких земель и мешок слоновой кости. Прими, высоко чтимый, дары наши.

Апсха повелел завести в гостиную лошадей. Аланы вынули из поклажи кубок, отделанный изумрудами и рубинами, и поставили на стол. Это был очень ценный подарок, но взгляды абазов ревностно устремились на животных. Это были необычные существа. Вряд ли кому из них доводилось ранее видеть столь редкое творение природы. Увлеченные абазы стоя любовались, изысканное слово поэта, словно скряги дар небрежный, не выразило бы увиденное их глазами зрелище...

– Повелеваю, – восторженно объявил царь, – для этих сокровищ выстроить отдельные конюшни в цитадели.

Слуги поспешили выполнять приказ. Лошадей же вывели во двор. «Если аланская невеста столь же прекрасна, да благословят боги наш союз, – не удержался анухский жрец». (Дело в том, что среди горской знати был заведен обычай: когда хотели выдать дочь замуж, дарили кобылицу в этот дом).

– Поднимем тост за алан и их мудрого правителя, – начал тамада. – Его изысканные подарки говорят о воинской доблести и мудрости. Да свершится должное хорошее между нашими народами.

Тост оказался, как нельзя, кстати, аланское посольство добилось своей цели, и абазы осуществили тайное решение, не выезжая из своей цитадели. Все складывалось наилучшим образом. Связанные удачей, обе стороны, довольные, осушили кубки на ур-ра.

Еще долгое время абазы обсуждали достоинства подарков. Красавицы рабыни, оскорбленные лошадиным триумфом, по-прежнему разливали вино и подносили блюда, теперь с равнодушием и без пламени в глазах.

Вслед за долгим, летним днем подкрались сумерки. Во дворце зажгли огни, к ним потянулись сквозь открытые ставни обезумевшие насекомые.

– Позвольте поднять кубок за главного в Анухе хранителя всего священного, жреца Каса, – произнес тамада. – Пусть удостоится он в мире ином того же уважения, как среди нас, но не раньше, чем суждено увидеть ему все хорошее.

– Белой старости; долгих лет без печали, – поддержали хозяина стола остальные и выпили.

– Как всякое приятное событие, приходящее к завершению ради лучшего будущего, наше необычное застолье позвольте закруглить, – начал Урым. – Отпустим гостей с севера отдохнуть с дороги. Поднимаю этот кубок за хозяйку – твою нан, Апсха. Благословенны пища и очаг, окруженные ее заботами, да не иссякнут погреба, не опустеют амбары и загоны вашего рода. Пусть будут с вами боги и народ на века.

– Приумножатся слава и богатства твоего дома; пусть будет все по достоинству, – добавили гости и осушили кубки.

Со словами благодарности, благословляя хозяев и домочадцев, всех участников пышного приема, гости встали из-за стола и, оmyв руки, вышли во двор. Десятки факелов, закрепленных на стенах и башнях цитадели, освещали им путь. Апсит неуверенно шел в хвосте. Все пережитое за день казалось чудесным сновидением. Чтобы убедиться в обратном, ему очень хотелось вновь взглянуть на очаровательных танцовщиц, даривших милые улыбки и страстные взгляды. Аланский царевич, не искушенный в интригах, посему оскорбленный и подавленный свершившимся предательством, шел в одиночестве. Все остальные казались нарочито веселыми и довольными. Аланы принялись рассматривать звездное небо, подмечая для себя непривычное расположение созвездий. Абазы, окружившие своего царя, говорили о жаркой летней погоде и близких сроках уборки проса и льна, о диковинном улове рыбаков и недавней охоте на туров. «Как рассказывают очевидцы, – говорил жрец, – пойманная лосось была десяти локтей в длину, по этой причине ее пришлось буксировать до самого берега».

Оживленную беседу прервал выход во двор рабынь с турьими рогами, наполненными вином. Одна из них несла большой серебряный поднос с закусками. Присутствующие, соблюдая церемониал, разобрали роги и приблизились к царю.

– В честь нашей исторической встречи и согласия, во славу великого будущего наших народов предлагаю выпить за мир, – провозгласил Апсха. – И будут боги нашими всесильными покровителями, пока мы не изменим им.

Царь приложился к рогу, абазы затагнули застольную мелодию «Уа ридара ура, ей, о ура, ура, ура...». Такой ободряющий аккомпанемент помогает пьющему осилить содержимое сосуда. Следующим должен выпить старший из алан.

– Я выпью за то, чтоб наше решение было нерушимым и достигло своей цели, подобно дамасскому клинку в умелых руках.

– Уа, ура... – затагнули песню абазы.

Вслед за аланом выдвинулся Псху дадал.

– Да будет мир на наших землях, и восторжествуют кровные связи между нашими народами во имя будущего процветания, – сказал он и опустил рог.

Затем выпили и остальные. С пожеланиями доброго настроения и сна все разошлись на отдых.

АБАЗСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Спустя несколько дней насытившиеся гостеприимством аланы собирались в обратную дорогу. Перед их отъездом Апсха устроил праздничный прием с боевыми играми. Лучшие юноши соревновались в мастерстве верховой езды, метания стрел и копий, поединке на мечах. Царь объявил, что победители будут сопровождать посольство с подарками в Аланию и вернуться с царской невестой. Одним из них оказался Аpsит, вогнавший копье в цель с завязанными глазами. Собравшиеся в круг счастливчики весело обсуждали предстоявший поход. Слуги царя выдали им плащи с вышитой золотом тамгой правителя и коней из царских конюшен, убранных черненым серебром. Комендант гарнизона раздал одинаковое оружие. Только Аpsиту было позволено ехать на своем жеребце и со своим оружием. Снаряженный отряд должен был сопроводить троих послов от Анакопы и табун царских лошадей – подарок аланскому царю. Послами царь назначил Псху дадала, Гума дадала и верховного жреца Каса. Аланские пленники, жившие в цитадели, были переодеты в абазских воинов и зачислены в отряд сопровождения. Им было позволено при желании остаться на родине. Когда солнце выглянуло из-за гор, красочный отряд выдвинулся из Анакопы. Суeta понемногу стихла, Апсха поднялся на башню поразмыслить о будущей жизни. С высоты птичьего полета он наблюдал, как в глубине ущелья шла вереница конников, время от времени исчезая из вида на изгибах дороги. Он посмотрел в сторону моря, оно ласково катило волны из вражеской стороны к абазским берегам. Царь вспомнил о ромейском отряде, отправленном в Севастополис, щемящая тревога наполнила его душу. «Они скоро придут», – подумал он и еще раз взгляделся в горизонт.

«Пришла пора жениться, нана будет рада невестке, аланские девушки славятся красотой и душевностью. Мои наследники будут править другой Абазией – сильной и цветущей, надо строить крепости, много крепостей... Но где взять золото? Караваны мало дают, надо самим торговать, покупать или строить корабли, возобновить свинцовые, медные и серебряные рудники. Но кому продавать, если Византия ввела монополию: занижает цены на покупаемые товары, а свое продает по баснословным ценам? Торговать с другими Константинополь не разрешает, усматривая в этом измену». Царь еще раз взглянул на горизонт. Теперь он заметил несколько серых точек, уж очень похожих на военные корабли. Апсха спустился с башни и позвал советника.

– Тайно отправь одного человека в Севастополис, пусть разведает там все, другого пошли к правителю Аpsилии с просьбой о помощи наладить торговлю с персами. И еще, когда Стефаний будет в Абазии, пусть меня навестит.

Советник ушел выполнять приказ, царь же, схватив лук и колчан, словно мальчишка, побежал по крутой тропе вниз к ущелью. Как и много лет назад он решил поохотиться на форель при лунном свете. Добежав до реки, он разделся и вошел в воду по колено. Натянув стрелой тетиву лука, вглядываясь в заводь, царь замер в ожидании. Холодная вода тысячами пронизывающими иглами колет ноги, острые камни впиваются в ступни, увлеченный охотой Апсха всего этого не замечает. Вот блеснул серебром рыбий бок, охотник спускает стрелу и погружается за ней в воду. Восхвывая удачу, он выхватывает рыбу из воды и бросает на берег. Вот еще и еще, только успевай спускать тетиву не знающего промаха лука. Ослепленный успехом, он идет дальше вглубь, что-то незнакомое блеснуло в воде, он целится и стреляет.... Огромная рыбья голова высунулась из воды и сильным ударом рыба сбила царя с ног. Пока он боролся с течением, раненая, но еще живая она ушла в сторону. Ступая по каменистому дну, порой перекатываясь через грозные валуны, царь все же догнал рыбу, но ухватить ее никак не получалось. Мокрая чешуя выскальзывала из пораненных плавниками ладоней. Охотник старается добраться до головы и просунуть пальцы в глазные впадины. После нескольких попыток ему удается подчинить онемевшие пальцы и ухватить рыбину, но она не спешит сдаваться. Обезумевшая, сильными рывками она волочит по камням израненного охотника. За царской охотой наблюдала, укрывшись в кустарнике у берега, прекрасная рабыня, танцовщица и любовница царя. Забыв обо всем, она крикнула: «Я спасу тебя, любимый», схватила лежавший на берегу в вещах акинак и прыгнула в воду. Апсха не мог видеть и слышать все это. «Если суждено, мы умрем вместе», – с этой мыслью он погружался в воду, увлекаемый силой огромной туши, и, с трудом выныривая, думал о том же. Женщина, наконец, добралась до раненой рыбы и всадила в нее акинак. В неопытной женской руке клинок соскочил с шейного позвонка и, зацепившись отточенным концом за основание жаберного плавника, погрузился до отказа. Парализованная рыба остановилась. Апсха откинул голову и все понял. Он извлек акинак и точным ударом перерубил основание черепа. Борьба закончилась. Присутствие женщины придало ему сил, Апсха встал на ноги, откатил огромного лосося к берегу и вместе с рабыней вышел на берег. Вместе с водой с него стекали струйки крови, израненные ступни отказывались идти, он пошатнулся и присел на траву. Мокрая одежда прилипла к женскому телу, она сняла нательную рубашку и принялась обтирать раны на голом теле Царя. Они были повсюду: на лице, груди, животе и ногах. Апсха молча наблюдал за нежными прикосновениями. Временами она сгибалась над ним, и мокрые волосы падали ему на грудь и живот, притупляя боль и разжигая чувства. «Я помогу тебе, мой царь... любимый», – шептали женские губы. Пропитанную кровью рубашку она выкинула в сторону, словно звериная самка принялась облизывать кровоточившие раны. Апсха приглушенно застонал. Он притянул ее к себе за груди и страстно обнял. «Я навеки твоя, любимый», – шептали женские губы, примкнувшие к его губам. Два слившихся тела, объятые всемогущим желанием, воспели гимн матери природе, создавшей такими нас.

Через день Апсха уже был на ногах. Слуги, притащившие лосося, повсюду растрезвонили о диковинных размерах рыбы, для наглядности насадили на кол чудо-голову, и любопытные бездельники часами торчали на площади, обсуждая страшные подробности кровавого поединка. В конце концов, по приказу коменданта выбросили завонявшую голову.

Наконец, из Севастополиса вернулся доверенный человек, который сообщил, что прибывший из Константинополя¹ отряд не расквартирован. Что гарнизон собирается уходить, бродят слухи, будто ромеи намерены снести стены крепости и куда-то временно удалиться.

«Мой дядя был прав, – размышлял царь, – они предпочли избежать встречи с персидской армией. Лев выжидает, он притаился. Может, это сигнал к восстанию. У нас достаточно сил, чтобы разбить их отряды и изгнать из Абазии. Но что будет потом? Не останемся ли мы одни против великой империи? Любая оплошность может стать для нас роковой».

Еще через три дня вернулся человек из Аписии. Он рассказал, что персы не могут вести торговлю с Абазией (у них просто нет флота в Понтийском² море), но готовы покупать абазгские товары для своих гарнизонов, расположенных в Лазике или Иверии.³ Далее последовал намек, что персидский шах Хосров с надеждой смотрит на запад, он надеется на дружественность абазского правителя...

Царь не был доволен полученным ответом. Когда обыкновенно его разрывали сомнения, он обращался к богам с просьбой послать знаки или знамения. И на этот раз он отправился в святилище, чтоб развеять гнетущие сомнения.

Тем временем далеко за Кавказским хребтом аланский царь принимал гостей и подарки. Конным строем прошли абазы по главной улице Маасского⁴ городища, завоевав расположение аланских девушек и возбудив ревность юношей. Прибывших абазов царь разместил в огромном дворце, выстроенном из цельных бревен. Накрывались столы, играла музыка, повсюду царило праздничное веселье. После дневного отдыха молодежь унывала от безделья. Наконец, они, собравшись вместе, решили устроить конные игры. Царь Багатар назначил победителям солидное вознаграждение и объявил день и время состязаний. Послы из Анакопы были окружены особой заботой. Исполняя поручение абазского царя, они не спешили свататься, предпочитая увидеть аланскую невесту. Проходит день, другой, послы выжидаяще молчат. Дочь царя, как и подобает в таких случаях, скрывается от мужских взглядов. За-

¹Столица Римской империи с 330 г. н. э., назван в честь основателя императора Константина.

²Понт Эвксинский — древнегреческое название Чёрного моря, переводится как Гостеприимное море.

³Иберия, Иверия (лат. Iberia,) – древнее название Восточной Грузии (Картли), упоминаемое античными и византийскими авторами.

⁴Столица, резиденция аланского царства.

тянувшаяся пауза начинает всех тревожить. Послы собрались, чтобы найти выход, оставалась надежда на день состязаний. «Если не выйдет и на этот раз, тогда еще раз соберемся и подумаем...» – решили они.

Апсит был в курсе сложившихся трудностей. Он решил довериться аланскому царевичу, сопровождавшему посольство.

– Под покровом ночи я проведу тебя, переодетого в женское платье, в ее покои, – пообещал он. Но Апсит отверг это предложение, так как мог смертельно оскорбить сразу двух царей. Посовещавшись, они решили, что будет правильнее, если царевич убедит двоюродную сестру посетить праздничные состязания. Пожелав друг другу удачи, заговорщики разошлись.

С раннего утра к месту состязаний начал подтягиваться народ. Ко времени, когда на трибуну взойшли аланская знать и абазгские послы, обширную поляну покрывали десятки тысяч возбужденных зрителей. Апсит заметил в почетном ряду группу молодых девушек, у одной было закрыто лицо белым шелковым покрывалом, и вела она себя подчеркнуто сдержанно. «Чего бы мне это ни стоило, я заставлю ее поволноваться», – подумал Апсит.

Распорядитель объявил конный забег. Несколько десятков наездников подошли к линии старта. Абазы отличались строгим убранством лошадей и белыми плащами, вышитыми золотом. По команде лошади рванулись вперед. Возбужденные зрители зашумели, кто-то выкрикивал незнакомые Апситу имена, другие свистели, абазы стали в цепочку вдоль линии забега, при появлении своего наездника в такт начинали стучать мечами по умбонам¹ щитов. Сидевшим на трибуне понравилась эта выходка, они с большим азартом начали следить за абазами. Стоило пройти несколько кругов, как обозначились фавориты – четверо алан и двое абазов. Общеизвестно, что аланы лучшие наездники на Кавказе, и соперничать с ними в этом деле весьма не просто. Однако жажда славы абазов была столь велика, что придавала силы и выталкивала измотанных наездников вперед к финишу. Многие из них надеялись забрать аланских девушек из знатных семейств, ради чего старались блеснуть сноровкой и доблестью. На последнем круге алан и абазы вырвались вперед, оба всадника отпустили поводья и прикрикнули на лошадей. Зрители замерли, затаив дыхание. То одна, то другая лошадь отрывались на полголовы, затем неуступчивые наездники выравнивались и шли бок о бок. Так они доскакали до финиша вместе. Напряжение спало, отовсюду потекли громкие рассуждения о забеге. Судья объявил имена победителей – алана и абазы. Но они не пришли за вознаграждением. Измотанная лошадь абазы, не выдержав гонки, свалилась под ним замертво. Аланский всадник успел спрыгнуть, и его конь захрапел в предсмертной агонии.

Судья замешкался, засуетились на трибуне – такого на скачках раньше не приключалось. Наездники, удрученные и опозоренные, не смели отойти от своих скакунов, павших от неумной жажды человеческого тщеславия. Аланский царь подозвал судью, они о чем-то коротко посовещались. Затем судья призвал к тишине и обратился к зрителям.

¹Центральная защитная накладка из железа на деревянном поле щитов.

– Абазы и аланы, – начал он свою речь, – мы увидели недостойное нашего разума. Те двое, пришедшие первыми, не получают награды. От имени нашего царя объявляю, что отныне всякий, загнавший коня на играх, останется пешим до конца дней своих.

А сейчас приготовьтесь к следующему состязанию. Желающим принять участие в метании копий подойти к распорядителю.

Среди двадцати юношей находился и Аpsит, первый среди абазов в метании копья. Он закрыл лицо белой ахтырпой и гарцевал по площади в ожидании выхода. Аpsит не подозревал, что его разглядывают тысячи глаз, любующихся статью загадочного юноши, угадываемой под плащом, играющим с потоками встречного ветра. Лево́й рукой он держал поводья, правая лежала на рукояти меча, отражавшего теплым светом лучи солнца. Его гнедой жеребец легко и грациозно перебирал ногами, позволяя любоваться собой и наездником.

По объявленным правилам, наездник с копьем в руке пускал коня со старта в карьер и с обозначенного чертой места метал копье в мишень. Каждому давалось по три попытки. Аpsиту выпал жребий быть последним. Выступившие до него аланы и абазы блестяще попали в цель, возбудив шумные споры среди болельщиков.

Аpsит подъехал к старту, в развороте поднял коня на дыбы, приветствуя восседавших на трибунах. Зрители встретили наездника одобрительными возгласами. Распорядитель вручил Аpsиту копье, тот разогнал коня и точным броском поразил цель, при этом резко остановил жеребца, не колехнувшись в седле. Затем, подняв коня на дыбы, он развернул его и подъехал снова к распорядителю. Тот протянул второе копье, Аpsит показал знаком, чтобы копье распорядитель положил на землю. Абазы поняли его задумку. Обнажив мечи, они начали чеканным ритмом по щитам подбадривать наездника. В знак благодарности Аpsит проехал перед ними и, взяв с места в карьер, приблизился к лежавшему на земле копью. В нужное время он стремглав откинулся и подобрал его, прежде чем полы плаща коснулись земли. Не сбавляя хода скакуна, Аpsит метнул копье в мишень, прорубив ее насквозь, чем вызвал бурное восхищение болельщиков. Помощники распорядителя кинулись вынимать копье из щита, но тщетно, им удалось лишь сломать его древко, жало сидело глубоко и непоколебимо. Аpsит тем временем выписывал почетные круги, срывая аплодисменты и похвальные возгласы. Щит заменили, распорядитель продолжил состязание. Аpsит подъехал к нему и попросил два копья. После недолгого колебания его просьба была выполнена. Аpsит всадил оба копья в землю, оставив между ними место для прохода лошади, отъехал назад и разогнался. Приблизившись к месту, он отпустил поводья, подхватил копья в обе руки и, прицелившись, метнул оба. Они поразили цель, разбив мишень на мелкие щепки. Люди на трибуне встали, приветствуя победителя. Аpsит и абазы были счастливы блестящим триумфом. Аланский царь аплодировал стоя, восхищенный удалью юноши. Когда шум поутих, царь попросил наездника подъехать к трибуне. Аpsит приблизился и, выражая почтение, склонил голову.

– Победитель, – обратился царь, – сними повязку, мы хотим знать своего героя.

Сказанное быстро перевели на абазский.

– Почтенный Царь, я – Аpsит, родом из Анухи, – он, украдкой посмотрев в сторону молодой царевны, улыбнулся себе и стянул с лица белый покров.

Переводчик не успел закончить, как и аланы вслед за абазами оглянулись на невесту. В азарте прошедшего состязания, девушка забылась и сорвала с лица шелковую накидку, обнажив прекрасное чело, под прицелами тысяч глаз покрывшееся стыдливым румянцем. Восхищенные девичьей красотой и находчивостью Аpsита, абазы воскликнули: «Да свершится задуманное Всевышним». Тысячи алан, разделявшие восторг абазов, обратились к богам на своем языке.

– Я уважаю твою победу, абазы, – без обиды на уловку Аpsита ответил царь и протянул ему мешочек с золотыми. Следующие состязания по стрельбе из лука в мишень и поединок на мечах проходили без главных людей на трибунах.

Теперь незачем было абазам задерживаться в Алании. Вечером того же дня трое послов попросили встречи с царем, где они передали желание абазского царя взять в жены аланскую царевну. Псху дадал снял с себя царский золотой пояс. На удивление всем, оказалось, что в него был вложен дамаский клинок. Извлеченный, клинок выпрямился и заиграл на свету. Царю понравился подарок – он с удовольствием его разглядел и примерил.

После короткого пиршества отягощенные множеством дорогих подарков, абазы вместе с невестой отправились в обратный путь.

Проводив гостей, аланы разожгли костры, благодаря своих богов за избавление от военной угрозы.

Абазы, как только перешли перевал, отправили гонцов с радостной вестью в Анакопу. Страна принялась за свадебные приготовления. Советники царя составили списки приглашаемых и разослали гонцов во все концы. Анакопцы и анухцы собрались всем миром и приступили к сооружению шатров. Из стволов молодых деревьев нарезались столбы, затем их скрепляли перемычками на гвоздях и на последние укрепляли стропила. Поверх всего натягивали канатами льняные ткани. За два дня абазы соорудили три шатра и расставили в них столы и бревна для сидения. Пастухи пригнали быков и коз с ближних пастбищ, лучшие охотники, попросив благословение у Ажвеипшаа, разошлись в леса за дичью. На мельницах мололось просо и каштаны. Анухские гончары отправили в Анакопу несколько арб с кувшинами и прочей глиняной утварью. К приезду невесты все было готово. С ближних и дальних общин стекались приглашенные, среди гостей были родственники, старейшины, жрецы и дадалы со всей Абазии. Гости разместили в Анухских семьях. В день свадьбы прибыл византийский военачальник с епархом,¹ в сопро-

¹Предстоятели епархий – епископы.

вождении вооруженной охраны. С небольшим опозданием приехали дадалы из Зухии и Брухии. Ближе к обеду Апсха вышел и поприветствовал гостей. Распорядитель застолья пригласил всех к застолью. Тысяча анакопцев и анухцев обслуживали гостей. Они подносили разнообразные яства, разливали вино и веселили песнями и пляской. Когда багровый диск окунулся в море и приблизились сумерки, тысячи факелов осветили цитадель и ее гостей. Откуда-то издалека послышался топот лошадей, он все усиливался и, наконец, заглушил шум торжества. «Невесту везут», – слышались возгласы абазов. Кто был на ногах, переметнулись к воротам, чтобы не упустить главное торжество – привод невесты. Группа анухских старейшин образовала цепочку на возвышении и затянула абазскую свадебную «Уа, ридада уаридара...» – многоголосную древнюю песню-молитву, обращенную к богам.

Свадебный кортеж въехал в цитадель. Большая группа лихих наездников сопровождала невесту. Девичье любопытство с легкостью влекло царевну по руслу судьбы, смягчая переживания. Единственной радостью для нее были краткие минуты общения в пути с загадочным юношей. «Ей суждено стать женой абазского царя, что поделать, с этим юношей они могут быть просто друзьями».

Во внутреннем дворе кортеж остановился. Мать царя, старшие родственники, друзья и почетные соседи вышли навстречу, восхваляя богов, вершащих судьбы и дарящих счастье. (Да будет и у вас, читатель, доброго в избытке). Старейшины затянули песню, молодежь в искрометной пляске ворвалась в круг, зажигая и звезды на небесах.

Когда подошло время, Апсит помог спешиться невесте. Ее тут же окружили красавицы из первых семейств Анакопы и Анухи и неспешно повели во дворец. Двое рослых воинов обнажили мечи и скрестили их над дверным проемом.¹ Счастливая мать обняла и одарила невестку. «Да будет счастье и мир в вашей семье, да прожить вам в согласии, словно солнце и луна...» – звучало со всех сторон. Невеста, одетая в алое шелковое платье, вышитое золотом и драгоценными камнями, длиной до пола, с рукавами, свисавшими до колен, и легкой накидкой, закрывавшей лицо и шею, понравилась абазам. Местные девушки с легкой завистью ее разглядывали, а виновница торжества украдкой искала в толпе будущего мужа. Похоже, он не спешил с ней свидеться. Дома ей много рассказывали о женихе и строгих абазских обычаях. Как ей дальше жить, когда столько всего непонятного и чуждого? Временами она теряла терпение, и ей хотелось по-детски расплакаться.

Под шатрами нарастало веселье. Ближе к полуночи кто-то из знатных гостей обратился к родственникам царя с просьбой о торжественном выводе невесты. Несколько молодых пар вошли в шатер, отплясывая, они проходили сквозь ряды столов, возглавляя шествие невесты и ее свиты. Двое

¹Ритуальный обычай при первом вводе невесты в дом, предназначенный для отпугивания злых помыслов и символизирующий защиту нового члена рода.

молодых мужчин с большим, серебряным подносом в руках шли за ними, собирая щедрые дары подвыпивших и раздобревших гостей. Люди бросали на поднос серебро и золото, перстни, браслеты, фибулы,¹ подвески и драгоценные камни. Кто-то, пристыженный скромностью своего подарка, снял с пояса акиак и положил на поднос. Переполненные подносы несколько раз сменяли, пока не обошли все ряды. Восторженные гости, стоя встречали невесту, поднимали кубки с вином и желали счастья молодоженам.

Все это время, пока праздновала страна, Апсха укрывался на крыше смотровой башни, он один оставался на страже Абазии.

Приближался рассвет, когда утомленные гости начали расходиться, чтобы продолжить пиршество с новыми силами. Царь провожал отъезжавших, принимая поздравления снова. Византийский начальник придержал коня.

– Уважаемый правитель Абазгии, сегодня я понял, что абазги считают тебя своим царем, – изрядно выпивший, он слегка покачнулся, – я останусь твоим союзником и приложу свое влияние, чтоб кесарь² признал тебя. Есть этому помеха. – Он указал на епарха, стоявшего к ним спиной. – Они не смирятся с вашими богами. Пока вы отвергаете Иисуса, не будет доверия к абазгам.

Апсха хотел ответить, но чиновник его прервал.

– Возможно, это самая малая жертва для вас. В самом Константинополе немало знатных горожан пострадало от рук крестителей. Не будет меня, не будет тебя и всех, ныне живущих... Абазги, добровольно или насильно, примут новую веру. До встречи, «царь абазгов». Он взял поводья в руки и выехал из цитадели. Апсха смотрел ему вслед, пока всадники не скрылись на изгибе. Он задумался: «Пройдет время, не останется ничего, что любим и чему служим. Твоя империя утонет в крови и проклятиях людских. Жаль, я не увижу всего этого».

Анухцы с гостями разошлись по домам. За его спиной убирали со столов, чтобы вскоре накрыть их заново. «Интересно, чем занята моя невеста?» – подумал Царь и пошел во дворец. Его молодая супруга сидела растерянная и ждала. Ждала волнующего и неизвестного события. Раньше ей казалось, что она готова к этому. Девичье любопытство притупилось, уступив место страху. В таком встревоженном виде ее застал царь, вошедший в спальню. Девушка встала, стесняясь взглянуть на мужа, опустила голову. Он повернулся к ней боком и задержался у настенного светильника. Девушка украдкой разглядела мужчину. «Вот он мой царь, мой господин», – отметила она про себя и осталась довольна. Апсха подошел к девушке и взял ее за плечи, она еще сильнее затрепетала.

– Пока ты будешь учить абазский, мы можем говорить на греческом, – спокойным голосом заговорил он. Теплая волна накрыла невесту. Царевна в ответ кивнула головой.

¹Металлическая застёжка для одежды, одновременно служащая украшением.

²Монарх, властелин.

– С сегодняшнего дня ты жена абазского царя, это совсем не трудно... – он лукаво улыбнулся. Она постаралась улыбнуться в ответ. – Ты прожила нелегкий день, ложись и отдохни, я буду охранять твой сон. К обеду вновь соберутся гости, ты должна выглядеть веселой и бодрой.

Девушка подняла голову, их взгляды встретились, она доверилась ему и дрожь поутихла.

– Не уходи, будь рядом, мой Царь, с тобой мне спокойно, – набралась смелости она.

– Хорошо, моя красавица, я буду рядом. Не стесняйся, ложись, – сказал он и отвернулся в сторону. Ее сердце билось по-особенному, непривычно... Рядом в одной постели лежит мужчина настолько близко, что можно достать, стоит только руку протянуть. Первая брачная ночь, сколько об этом ходит досужих разговоров. Настал и ее черед. Он протянул сильную руку и погладил ее по волосам, затем повернулся к ней лицом, приблизился и заключил ее в объятия... Все, что впервые запоминается на всю жизнь.

АБАЗИЯ ВСТАЕТ НА ОБЕ НОГУ

Спустя неделю в Анакопу пришел посыльный от дяди царя. Он доложил, что правитель западной Абазии Нал вышел со своими камарами¹ налегке в открытое море. Это не было похоже на рыбацкий рейд. Царь задумался, видимо, пришло время... Апсха вызвал доверенных лиц. Одному дал поручение выйти в море с рыбаками и скрытно наблюдать за передвижением галер. Если покажутся пиратские камары, срочно вернуться в Анакопу и доложить. Другого человека он отправил к командиру своей флотилии с приказом быть готовым к боевому походу. Через день стало известно, что оправдались подозрения. Камары Нала проплыли в сторону Апсолии и Лазики. Апсха призвал сотню Куды, с темнотой они спустились к берегу, погрузились на суда и скрытно вышли в открытое море. На третий день с мачты царской галеры сигнальный увидел пиратов. Царь приказал остановить преследование, чтоб не обнаружить себя.

В это время у берегов Апсолии и Лазики шла более оживленная торговля. Византийские купцы, бессовестно пользуясь монополией, увлеченные легкой наживой, устремлялись туда, чтобы обменять свои товары, как правило, на рабов, лен и воск, свозимые в порты со всего Кавказа.

Пираты предпочитали передвигаться ночью, когда торговые суда становились на якорь. В одну из таких ночей Аергь – Бог разбоя – послал им добычу. Камариты внезапно атаковали стоявшее на рейде византийское судно, они захватили спавший экипаж и рабов, перегрузили все добро к себе, затем, чтобы скрыть следы преступления, подожгли корабль. Поднявшиеся к небу клубы дыма возвестили царя о произошедшем. Он отдал приказ приготовиться и ждать. Через несколько часов до их слуха стал доходить голос рулевого и плеск воды. Апсха приказал поднять флаг и зажечь огни на галерах. Пираты оторопели от неожиданной встречи. Они обнаружили перед собой развернутую полумесяцем царскую флотилию, причем на каждой камаре стояли по двадцать сотников, готовых вступить в сражение. Поникшие гребцы бросили весла, растерянный предводитель пиратов свесил голову. И тут они услышали:

– К вам обращаюсь я, царь абазов. Вы нарушили главный закон Абазии и достойны страшного наказания. Мои воины свяжут вас как предателей, и вы обязаны беспрекословно подчиниться.

¹ Легкие деревянные суда, первоначально выдалбливались из цельного ствола дерева.

Разбойники в надежде на милосердие, преклонившись на колени, подчинились своему царю. Только обезумевший Нал не шелохнулся, он отрешенно смотрел в воду, пока связывали и переправляли на галеры его подчиненных. Вдруг он резко поднял голову и дерзко посмотрел на царя.

– Они наши общие враги, Апсха. Что из того, если я граблю их суда, это Богом данное абазам право, ты не можешь его отменить.

Царь оставался суров и непреклонен.

– Я пленил и продал в рабство тысячи человек и свою свободу ценю превыше всего, Апсха....

– Связать предателя, – перебил Апсха дадала. Десять сотников окружили дадала, расклав легкую камару из стороны в сторону. Пока воины восстанавливали равновесие, дадал выскользнул и нырнул в морскую пучину. Апсха побелел от гнева. «Мы не уйдем отсюда, пока не найдем его тело», – сказал он и отправился к освобожденным торговцам. Счастливые и возбужденные, они громко молились своему Богу, прославляя спасителя. Царь выслушал до конца их сладкие речи и пригласил присесть.

– Властью, данной мне абазам, я прекратил пиратство у наших берегов и покровительствую морской торговле. Последний, не подчинившийся мне, на ваших глазах ушел под воду. Впредь будет мир и у этих берегов. Вы же, по прибытии в Анакопу, как свободные люди сами решайте, остаться ли у нас в гостях или путешествовать далее. Нужные товары мы обменяем на наши...

– Извольте, благороднейший, – перебил старший из купцов, – мы ничего не возьмем, пусть наши товары будут справедливым вознаграждением за нашу свободу. Мы знаем цену доблести, милосердия и справедливости. Во всех концах земли, где ступит наша нога, мы будем прославлять тебя – архонта¹ Абазгии. И если мы сможем быть тебе чем-то полезными – сочтем за великую честь, – купцы наперебой отвешивали поклоны. Слабое освещение скрывало маску презрения на лице царя: «Я променял непокорного, но отважного воина на этих лицемеров и пройдох».

– Моему народу нужно железо. Византия, бесчестно пользуясь торговой монополией, завышает цены на товары в несколько раз. Если вы разделяете мои мысли о возможности справедливого обмена, приходите в Анакопу.

– Конечно, милосердный царь, мы так и поступим при первом...

– Не спешите давать ответ, все хорошенько обдумайте... – прервал их Апсха. – После пережитых потрясений вам нужен отдых, располагайтесь под моим навесом.

Он вышел на палубу в окружении воинов и взгляделся в посветлевший горизонт.

– Позовите Куду, – распорядился царь. Посыльный вскоре вернулся с сотником.

– Найдите тело дадала.

¹По-гречески правитель (гр. Archon – начальник, правитель).

– Апсха, мы не сможем его найти, он прыгнул в пучину в боевом облачении, скорее, он ушел на дно.

– Дадал был достойным воином, мы предадим его земле по абазскому обычаю, отправь несколько камар к берегу по течению. Бросьте в море сети и тяните их по дну, так мы найдем его тело.

Пять камар подняли весла и, медленно сносимые течением к берегу, отошли на поиски, вслед за ними вышли еще пять. Абазы бросили донные сети и потянули их по следу первых. Пока продолжались поиски, Апсха переходил с кормы на корму, изучая бескрайние морские просторы. Первые лучи восходящего солнца заиграли на седых гребнях большого Кавказа, к юго-востоку прорисовывались коричневые хребты Лазики, к югу прорезая рассветную дымку белыми главами. Ближе к Босфору¹ они понижаются и растворяются за горизонтом. Апсха любил море – грозное дитя природы, за его величие и простоту, за то, что отсюда по-другому начинаешь оценивать окружающий мир. Здесь доброе сердце становится добрее, здесь познаются верность и мужество.

«Я борюсь за свободу абазов, но сам ее теряю. Неужели это неизбежно...». В тяжкие минуты, когда царя угнетали такие мысли, он задумывал побег. Побег из дворца, далеко от людей, где не бывает предательства и человек по-настоящему свободен. В своих размышлениях он заходил в тупик и тогда, внезапно прозрев, возвращался к своим обязанностям.

Наконец с отплывших камар поступил нужный сигнал. Апсха оживился и поблагодарил Анца за ее доброту и покровительство. Помимо тела дадала, отнесенного сильным течением к берегу, абазги взяли хороший улов рыбы и несколько античных амфор с затонувшего в древности судна. Они радостно вели груженные камары, выбиваясь из сил. Царский флот снялся с якоря, когда время перешагнуло за полдень. Царь сидел на корме своей галеры и разглядывал поднятую со дна амфору. Наверное, он испытывал те же чувства, что и наш любознательный современник, прикоснувшийся к частичке древности.

Гребцы налегали на весла в такт барабанному бою кормчего, так и не успевая угнаться за идущим к закату впереди них солнцем. Через день царский флот подошел к Севастополю, где в бухте стояли византийские галеры. Апсха предложил греческим купцам сойти на берег, те вежливо отказались и абазы прошли дальше. Царь вглядывался в очертания когда-то родного города и заметил серьезные перемены. Большая часть крепостных стен была скрыта, на галерах царя суеда, похоже, что византийский гарнизон снимался. Его сердце наполнилось тревожным холодом, он понял, что за этим последует беда. Абазская знать жила за счет караванных путей, приводивших купцов в абазские порты, откуда товары вывозились во все концы империи. Уйдут военные гарнизоны, торговые суда побоятся заходить в Абазию, заглухнут пути через перевалы, обнищавший народ заропщет, возобновятся междоусобные

¹Пролив между Европой и Малой Азией, соединяющий Чёрное море с Мраморным.

войны и вражда, распадется Абазия на кланы и погибнет. Это будет похуже ромейского гнета. «Я не успел осуществить задуманное, – холодок пробежал по спине царя, – у Абазии нет своих купцов и торговых галер, нет единой обороны и всеобщих сборов. Я запретил устраивать набеги на соседей. Те быстро разбогатели, мы же из того ничего не извлекли». Да и боги абазов, как казалось ему в такие минуты, не могли сладить с покровителями враждебных сил. Такие мысли в минуты малодушия не казались ему крамольными. Когда не удавалось заглянуть в будущее, он говорил себе: «Я бесстрашно иду по гребню судьбы, и когда будущее станет настоящим, тогда и поглядим». В то же время в его памяти всплывали дядины слова – «нет границ кроме тех, что создал человек». Внутренние колебания ранили царскую гордыню, заставляя делать то, что другим не по силам.

В сумерки галеры подошли к столице. По приказу царя пиратские камары, груженные греческим добром, вместе с купцами отправились к берегу. Сам Апсха вместе со своей сотней и плененными пиратами продолжил путь к устью Хышпсы¹ – в резиденцию западного правителя. Смерд, исходящий от трупа Хашы дадала,² завернутого в дельфинью шкуру и подвязанного к мачте галеры, ежедневно усиливался, вынуждая торопиться. Уставших рабов сменяли на веслах абазы, не останавливая движение для передышки. К вечеру следующего дня суда обогнули мыс великого Питиунта и вскоре дошли до места назначения. Не дожидаясь рассвета, Апсха со своими воинами и телом дадала подплыли к берегу и вошли в ущелье, чтобы вскоре достигнуть крепости.

Печальная весть облетела весь край. Тут же выдвинулись представители родов. Началась панихида по погибшему. Родственники и приближенные дадала облачились в траур, женщины, распустив волосы, причитая, громко оплакивали высокого родственника. По приказу царя были посланы гонцы к соседним зухам и брухам. Апсха настоял, чтобы к вечеру следующего дня был завершен погребальный обряд. При большом скоплении людей подготовленное тело правителя отнесли в Священную родовую Рощу, завернули в бычью шкуру и подвесили к кроне огромного дуба. Ровно через год сюда вернутся родственники покойника и предадут кости родовому склепу. Царь отказался от прощального слова, посчитав достаточным свое присутствие. По завершении обряда участники ритуала вернулись в крепость и сели за траурное застолье. После нескольких кубков вина, поднятых согласно поминальному ритуалу, царь взял слово.

– Сегодня мы прощаемся с отважным воином и вашим дадалом, да будет ему легкой и приятной вечность в другом мире, чтоб вы не были потревожены Апсцваху,³ покуда не вернется он с того света обратно. Вы знаете, что дадал ослушался закона и был наказан богами. Я не допустил на берег ваших сыновей – его соучастников в морском разбое.

¹Река в западной части совр. Абхазии.

²Предводитель общины из долины р.Хашпсы.

³Царь мертвых.

Поникшие предводители и старшины слушали, не проронив ни слова.

– Плененные, они сидят в трюме моей галеры. Я хочу спросить вас, старейшины, какое наказание они заслужили?

Подавленные старцы сидели, притупив взоры. Никто не решился что-либо ответить.

– По нашим законам они заслуживают быть проданными в рабство, – переждав паузу, продолжил Апсха. – Если вам добавить нечего, я приму решение.

– Дад, да упадут на мою седую голову все беды твои и народа абазов, – поднялся старец очень преклонных лет. – Мы попрощались с моим младшим братом, мир его праху. Нет в том вины наших сыновей, томящихся у тебя в плену. Они исполняли волю дадала из долга. И то, что Апсцваху забрал душу моего брата – единственного виновника, искупает все ими содеянное... Мы полагаем, что твое решение будет справедливо. А те, кто в плену у тебя, – защитники наши, готовы погибнуть ради тебя и славы Абазии.

Другие старшины одобрительно кивали головами, не осмеливаясь встретиться взглядом с разгневанным царем. Не открываясь собравшимся, Апсха отправил сотника на галеру за пленными.

– Сегодня мы должны избрать нового правителя, – обратился Апсха вновь, – который будет помыслами и трудами своими радеть о преумножении доброй славы Абазии. Здесь присутствуют дадалы и старейшины из всех родов. Скажите, кто он – первый из первых, достойный этой чести?

Присутствующие, озадаченные, посмотрели по сторонам, затем друг на друга и задумались. Задумался и царь, дожидаясь ответа.

– Может, бросить жребий? – предложил кто-то, поверивший в свою удачу.

– Вашу судьбу и будущее Абазии мы не можем доверить случайности, – отказал Апсха. – Раз вы молчите, я предлагаю выбрать правителем Геч дадала, человека решительного и мудрого, мужественного, справедливого, милосердного. Выскажитесь и вы, абазы, – нетерпеливо добавил он.

– Да благословят Всесильные боги твои слова, – снова заговорил старейшина, брат покойного дадала, – многие из нас согласны с тобой. Геч дадал сможет объединить нас добротой и мудростью, чего так не хватало моему погибшему брату, мир праху его.

– Что говорить?! Ему мы готовы присягнуть, нет в его роду порочных и зазнаек, он достоин, – послышались отовсюду смелые возгласы.

– Если кто-то из вас против него, выскажитесь, – предложил царь. В ответ воцарилась тишина.

– Тебе даем слово, новый правитель, – обратился Апсха к Опситу.

Избранник поблагодарил за теплые слова:

– Клянусь нести с честью и достоинством возложенное на меня, и если когда-то я отступлюсь и предам родную Абазию, пусть Божественное Светило испепелит меня, имя и род мой пребудут в позорном забвении. Тебе, царь абазов, клянусь хранить верность и подчиняться по собственной воле в миру и на войне, покуда живо тело мое и разум не помутится.

– Видят боги, – добавил царь, – решение наше принято всем миром. И да помогут они вершить нам благие дела.

– Воистину так, – поддержали остальные.

В залу вошел сотник и доложил, что пленники доставлены в крепость. Апсха дал знак, их ввели в залу, где проходило собрание. Смущенные, они склонили головы и притупили взоры.

– Очень скоро Абазии понадобятся воины, – взял слово царь, – я надеюсь, что вы искупите свою вину кровью, если на то будет воля богов. А сейчас, после присяги своему царю и новому правителю, вы вновь обретете свободу и вернетесь в свои семьи.

Обрадованные царской милостью пленники преклонились на колени и присягнули на верность. «...По первому призыву мы придем к тебе с оружием в руках», – были последние слова прощенных. Им вернули оружие и усадили за общий стол. «Туман рассеялся» – оживились люди.

Вскоре царь покинул залу, предварительно попросив дадалов задержаться на день, чтобы присутствовать на Совете. Сопровождаемый сотниками, он удалился на галеру.

Ранним утром приглашенные собрались под вековой липой, свидетельницей многих клятв и клятвопреступлений. На этот раз царь нарочито опаздывал, давая возможность выговориться собравшимся. Между прочим, так узнают сокровенные мысли и нынешние правители. Увлеченные редкой возможностью встретиться, они не сразу заметили одинокого всадника в красном плаще. Апсха подъехал к липе и резко осадил коня. Дадалы почтительно окружили своего царя. После короткого приветствия Апсха тотчас перешел к делу.

– Абазию ждут большие перемены. Василевс снял Севастопольский гарнизон и разрушил крепостные стены.

– Слава «Еиха зымчу» и Матери-Богине, свершилось благое, – раздались возгласы абазов, – скоро сто лет, как они отобрали его у нас и правят по-своему.

– Вслед за военными уйдут из Абазии купцы и караваны. Мы должны быть готовы к войне, если ее не избежать.

– А что, если мы отправим посольство к персидскому царю и отложимся от ромеев, – решительно заявил кто-то из присутствовавших.

– Скорее всего, Византия не простит измену и при случае направит против нас большое войско. Будет ли воевать Персия за Абазию? Мы не раз обращались к наместнику шаха в Иверии с просьбой о прямой торговле, но тщетно. Похоже, что им не до нас. Чтоб отложиться от Византии, нам надо иметь большое войско и много золота. Я надеюсь, что соседние общины зухов и многочисленные брухи последуют примеру Пыса и объединятся с Абазией. Этот союз оградит и вас от междоусобиц, грабежей и раздоров и возможных козней врагов.

– Среди наших есть думающие, что горы спасут нас от войны и разорения, ведь ни одно войско не пройдет через наши теснины и скалы, – начал Бруха дадал. – Так же думают и зухи. Но если в Абазию придет война, и мы пропадем без торговых связей, начнется грабеж, похищения и работорговля, мы все от этого пострадаем.

– И выживать, и побеждать лучше вместе, – подытожил немногословный Зуха дадал. К сказанному добавить было нечего... Собравшиеся единодушно вздохнули, почувствовав облегчение.

– Чтоб сказанное здесь правильно завершить, – продолжил царь, – через неделю жду вас в Анакопе, мы заключим договор, и ваши сотники начнут обучаться военному искусству вместе с нами...

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ

Молодая царица старалась не тосковать в Анакопской крепости. За короткое время она с мальчишечьим задором перезнакомилась со всеми в округе, на белой кобылице в сопровождении кузена, оставшегося при абазском дворе, посещала окрестности и морской берег в поисках чего-то нового, неизведанного. Юность даже в царском сане не умеет быть сдержанной. После каждого ее возвращения нана царя только грустно вздыхала, скрывая свои тревоги и не желая обидеть молодую невестку. Очарованная ее смелостью и непосредственностью, она молчала, сколько могла. Царя ждали теперь две женщины, и его скорый приезд поставил бы все на свои места, но он все не возвращался.

– Дочь моя, да хранят тебя боги, побереги себя, ты царица абазов, – как-то раз завела нана разговор. – Внутри Абазии много агентов и врагов. Тебе надо быть осторожнее.

Невестка послушалась и больше не покидала цитадель. Ее дни, один за другим, похожие, как две капли воды, не кончались, а он все не возвращался. Временами она поднималась на смотровую башню и вглядывалась в море... Когда глаза уставали, царица по-детски надувала губы и беззвучно плакала. Когда-то неисчерпаемое девичье любопытство, теперь, подобно углям затухающего костра, превратившись в золу, разносилось порывами ветра. Она чувствовала внутри себя странные перемены, но поделиться необычными ощущениями стыдилась. Изю дня в день Анакопу посещали разные люди, одни оставались в гостях в ожидании царя, другие уезжали. Царица наблюдала за всеми со своего «поста». Из любопытства она научилась молиться местным богам, часто ходила в святилище и, подолгу оставаясь там, молилась Матери-Богине. Эта новая связь приносила ей умиротворение и уверенность в своем счастье.

Необычная красота, живость и отзывчивость характера молодой царицы умиляли и мужчин и женщин. Среди новых знакомых царицы оказался греческий купец Стефаний, прибывший в Анакопу по просьбе царя. Он не переставал удивляться искренности ее чувств и поступков, радуясь счастьем своего давнего друга. Стефаний был потомственным купцом из Константинополя, ему не были присущи ни римская чопорность, ни заносчивость. Он проявлял на удивление редкое уважение ко всем людям, с кем приводилось ему встречаться. Стефаний умел неподдельно любить людей, и они отвечали ему взаимностью. «Вы избранный народ, у вас есть то, чего во всей империи не сыскать», – с восхищением говорил он своему другу – абазскому царю. «Так вот почему василевс впился когтями в наше тело, не ты ли ему рассказал про нас, признавайся?» – отшучивался в ответ Апсха.

«Даже летний зной у вас какой-то особенный», – поговаривал Стефаний, коротавший время в цитадели в ожидании царя. «Что хорошего мы дали покорившимся нам народам? – размышлял он про себя. – Того меньше мы извлекли от такой дружбы (не имея в виду дьявольский металл, текущий из всех провинций и концов мира в Константинополь). Ведь не всякое богатство несет благоденствие и счастье. Собранные со всего мира богатства снова и снова уходят на бесконечные войны, все быстрее раскручивая колесо всеобщей гибели».

Погруженного в размышления друга застал вернувшийся в Анакопу Апсха. Не проявляя навалившуюся усталость, царь радушно обнял старого друга, они разместились в тени огромного ореха и завели долгий разговор. Спустя несколько часов Стефаний вспомнил, что царя ждут две любимые женщины – мать и жена. Смущенный своим промахом, он, сославшись на усталость, удалился. Первой к царю подошла мать.

– С возвращением, – сказала она и обняла сына. Апсха выслушал рапорт коменданта и направился в башню в свои покои. Молодая женщина не раз представляла встречу с мужем после долгой разлуки, но теперь все ушло из головы, от волнения заплетался язык. Она просто повисла на нем и зарыдала... Что было потом, семейные люди догадаются сами.

Государственные дела отложили на завтра, после торжественного ужина и гости, и хозяева разошлись отдохнуть.

Рано утром бодрый и счастливый царь был на ногах и отдавал указания подчиненным. Он отправил гонца к Псху дадалу и успел осмотреть любимых лошадей, когда вышел во двор греческий гость. Друзья решили прогуляться и веселые направились вниз по склону к реке. По пути они много смеялись, вспоминая проведенные в Константинополе годы учебы, приключения молодости. На берегу горной реки они перевели дыхание и повели серьезный разговор. Расположившись поудобней, Стефаний поведал о развернувшихся в империи гонениях против не принявших новую веру. Епископы активно расширяют свою власть при помощи Кесаря, по всей империи разрушены эллинские храмы, их имущество конфисковано в казну, и на их месте возводятся христианские церкви. Не принявшие христианства объявлены вне закона. Многие знатные горожане, во избежание гонений, смирились с новой политикой. Говорить о религии стало небезопасно, потому никто не спорит с укрепившимися церковниками. Дошло до того, что закрыли Афинскую школу неоплатоников, семеро лучших философов бежали во враждебную Византию Персиду.

– Еще одно грозное орудие в руках самодержца, – подключился к беседе Апсха. – В Абазии много граждан Рима, через которых он внедряет новую веру и политику. Они внушают абазам не соблюдать древние традиции, не подчиняться дадалам и правителям, не платить обязательные подати, обещая людям освобождение от нашей власти. Мы хорошо помним недавние события в Абазии, когда возмущенный народ низложил своих правителей. Абазы позднее поняли, что сладкие речи лишь путь к гибели. Начались смутные времена и хаос. Византия не успела закончить задуманное только из-за войны с Персией. Абазы вовремя опомнились и избрали себе новых царей.

– Да будет твое царствование счастливым и долгим. Но, мой друг, мне кажется, что кесарь просто выжидает, чтоб в удобное время напасть и обезглавить Абазгию. Пока его войска заняты в Лазике, можешь спать спокойно. Как только будет заключен договор о мире с Персией, бросай все и уезжай с семьей подальше.

– Эх, Стефаний, ты прекрасно знаешь, что абазы не избирают царем предателя.

– Да, но борьба бессмысленна. Если не покоритесь, вы все погибнете. Ты должен стать уступчивее, хотя, пожалуй, это уже не имеет значения.

– Благодарю за преданность, друг, хочу напомнить тебе, что абазы мечтают о достойной смерти...

– Не будет достойной смерти, не заблуждайся, царь. Византия давно потеряла всякое представление о достоинстве. Там правят неумная корысть и гордыня – таков наш цивилизованный мир. Римляне придут и захватят вас силой, они будут строить новый мир со своим Богом, понятный и доступный им. Вы можете иметь свое место в их мире, взгляни на будущее с другой стороны.

– Такого будущего я не увижу и слышать не хочу о нем. Все, что делали мои предки и я, возвеличивает Абазию. Я не смогу пойти против себя и трудов многих поколений. Абазам не нужны чужие правила и порядки, мы уйдем в горы и будем убивать своих врагов.

– И с каждым разом твое войско будет таять, а в Абазгии будут рождаться поколения, не знающие ничего о своем царстве. Новый мир им будет более понятным, и ваше сопротивление умрет вместе с вами. Через несколько десятков лет Абазгию никто не отличит от других провинций империи. Таково будущее твоей страны, царь.

– Ничто не вечно, Стефаний. Второй Рим повторит историю первого. Задолго до вас сюда приходили другие народы. Оглянись, что-нибудь говорит тебе об этом сегодня? – горячо возразил Апсха.

– Тобой движет та же гордыня, царь. Сегодня ты стремишься объединить соседние племена и создать сильную армию. Затем ты начнешь силой присоединять непокорных. И когда в твоих руках будет достаточно власти и богатств, ты захочешь покорить заморские земли. Вот тогда ты не станешь размышлять о благородстве, потому как станешь настоящим тираном. Так было, есть и будет...

– Если бы я не знал тебя хорошо, – после затянувшейся паузы начал Апсха, – я бы принял тебя за заклятого врага и велел бы отрубить голову.

– Чему нас учили, друг, лучшие философы нашей школы? Если ты напращешься, то вспомнишь, в чем заключается превосходство среди двух противников.

– Я никогда не забывал об этом, Стефаний, – оскорбился царь.

– Так в чем же дело? Используй это оружие против могущественных врагов так же умело, как и против личных...

Утомленные долгим спором собеседники на время умолкли. На лице царя играли страшные маски. Его взгляд задержался на огромном валуне, который рассекал течение потока на два рукава. «Сколь долго тянется борьба камня и воды, и в этой битве тоже не видно победителя? – задумался Апсха над увиденным. – И сокрушающий поток уступает настоящей твердыне». Обрадованный своему открытию, он вновь обратился к другу.

– Стефаний, извини, больше о политике я с тобой не заговорю, даю тебе слово. Но и ты не вправе обвинять меня в склонности к тирании. Я много раз хотел убежать из дворца – туда, где нет рабов и господ, где можно по-настоящему насладиться свободой. Борясь за свободу, я становлюсь рабом своей мечты. Рабом своей страны и народа, избравшего меня царем. Я поступил бы, как сердце велит, если бы не страх за судьбы других. Я самый несчастный из абазов, не имеющий права на ошибку. Тебе это неведомо, ты счастливый человек, Стефаний. «Со стороны легко быть советчиком», – крутилась мысль на его языке.

– Такова участь царей и богов, друг мой. Я люблю тебя по-прежнему и боюсь за тебя больше, чем ты сам. «Возможно, это последняя наша встреча», – подумал и опечалился Стефаний.

Они обнялись. Теперь можно было вспомнить о возвращении в цитадель и запоздавшем завтраке. Умывшись в горном потоке, отправились той же тропой обратно в цитадель.

– Я думаю, что ты выполнишь последнюю просьбу приговоренного, – зловещая шутка царя прозвучала как-то по-настоящему.

Стефаний, не подав виду, одобрительно кивнул.

– Я хочу отправить в Константинополь на учебу одного юношу, там его надо будет поручить одному бывшему сенатору, хорошему другу моего дяди Пыса.

– Это все, что Августейший желает? – пошутил Стефаний. – Вы можете не сомневаться во мне, мой господин.

– Изволь так не шутить, друг, ты можешь меня рассердить. Я вызову тебя на бой, и ты падешь в жестокой схватке, не выполнив моего поручения.

– Это у тебя всегда получалось лучше, я не буду рисковать, просто сдамся твоей милости. Весь мир знает о твоём великодушии, царь абазов...

Друзья искренне посмеялись, какое-то время они продолжали весело подшучивать друг над другом.

В этот день Апсха принял двух советников. Один из них доложил, что Севастопольский гарнизон перевезен на галерах в Трапезунд. Что царь Аписилии отказался выслать свое войско в Лазик, что персидские войска, обойдя прибрежные крепости византийцев, беспрепятственно приближаются к границам Аписилии. Ввиду того, что центральные шелковые пути Кавказа заняты персами, а ситуация в Абазии нестабильна, аписилийский путь остается единственным для Византии. Империя сделает все, чтобы не потерять эту артерию.

Питиунтский гарнизон оставлен для защиты крепости, но воинам приказано не выходить за ее пределы ввиду возросшей опасности со стороны местного населения.

«Время пришло», – подумал Апсха. По его сведениям Абазия запаслась оружием: на каждого воина по два меча, по топору и луку, по четыре копья и тысяче стрел. Оружие спрятано в трех опорных пунктах. Осталось объявить сборы и бросить клич... «Крепости и корабли будем строить после, если Всемогущий Аергь дарует нам победу»... Тут он вспомнил, что у него остались незавершенные мирские дела. Он с грустью подумал о матери и молодой жене. Сколько несчастных женщин будет после этой войны?! Из разговора с женой он понял, что она беременна. Это хороший предлог, чтобы не вызывая чьих-либо подозрений, отослать ее к родителям. Другое дело мать – ее не обманешь, она будет сопротивляться отъезду. «Помогут боги, появится и предлог», – успокоил он себя.

Царь взял в руки пергамент и перо, чтобы четко обозначить план действий. Обычно он диктовал слуге, на этот раз он не мог ему довериться.

1. *Отправить половину оружия и казну в горное общество Псху дадала, казну спрятать в тамошней Аныхе. Если кто и проболтается, ни один абаз не посмеет грабить святилище.*

2. *В ближайшие дни я вместе с сотней прибуду в Севастополис и объявлю населению, что я их царь, потребую признания и повиновения.*

3. *Срочно отправить Апсита в Константинополь с письмом от Псху дадала.*

4. *Дождаться прибытия новых союзников от зухов и брухов с их сотниками, объявить сбор всех дадалов по Абазии.*

5. *Я им предложу отправить послов к персидскому царю, дабы заручиться военной поддержкой.*

6. *Как только будут гарантии военной помощи, нападаем на Питиунт, изгоняем византийцев.*

«Если боги благословят задуманное, мы соберем двадцать тысяч отборных всадников, и столько же останется в резерве на случай затяжных действий».

Апсха пробежался по написанным строкам и остался доволен. Свернул пергамент в свиток и заложил под одежды за пояс. Теперь он направился к святилищу в надежде получить одобрение у богов. В пути он заметил – что-то теребит его душевные струны. Он остановился и задумался: «Может, что-то важное забываю?» И тут его осенило: виной недовольства стало то, что он писал на языке врага. «А ведь у абазов нет своего алфавита. Откуда ему быть, если абазы до сих пор презируют торговлю, а ведь именно торговцы разносят по всему миру знания. Им более всего нужны учет и записи. Что-то с этим надо будет придумать...» – подумал он и прибавил шаг...

Прошел в ожидании еще один день, не принесший новостей. К вечеру Апсха вызвал сотника и приказал быть готовыми к утреннему походу в Севастополис. Кит поспешил подготовить людей в дорогу. Перед выездом из Анакопы царь объявил домочадцам о радостном ожидании и необходи-

мости отъезда молодой жены в отцовский дом до рождения ребенка. Эта новость не обрадовала молодую царевну, зато мать осталась счастлива. Воспользовавшись ее умилением, он намекнул, что и она могла бы сопровождать невестку, хотя бы до пределов своей родины.

Ранним утром следующего дня Апсха вместе с сотней выехал в Севастополис. Анакопские юнцы забрались на стены и с завистью следили за блестящим отрядом, пока тот не растворился в рассветной дымке. Затем они спрыгнули на землю и, подражая воинам, затеяли нешуточную драку, окончательно разбудив спящий город...

Молодая царевна поднялась в свои покои и выплеснула горе, бросившись на подушки. Ей казалось, что счастье, улыбнувшись ей издали, безвозвратно ускользнуло. Дочь аланского царя, ставшая по воле судьбы царицей Абазии, не владела ничем. Любая крестьянка на ее родине была более свободна. Ей же доверили только ожидание.

Страдания и слезы подобно бальзаму врачуют душевные раны. Никому неизвестно, как они лечат, как делают чище и мудрее. Никто из живых не скажет, сколько для этого надо перестрадать. Ведь не нами придуман этот мир. Рожденные для счастья, мы долго учимся и боремся с неизбежным, растрачивая жизнь порой без остатка и впустую. И когда, наконец, приходит яркий свет прозрения, оказывается, наступает время уходить... Если вы прониклись отчаянием – остановитесь. «Научитесь понимать себя и распознавать судьбу свою» – единственный рецепт древних для разумного счастья. Познавший себя – познает мир, в котором нет победителей и побежденных. И только время вершит свой суд, распознавая в бездне достойных.

Жители Севастополиса не обрадовались вооруженным абазам, возглавляемым самим царем. За долгие годы византийского правления они привыкли к сытому рабству и, похоже, были весьма довольны. Появление вооруженных абазов их насторожило. По приказу царя были созваны старейшины на главную площадь города. Помимо них здесь собрались представители разных племен, занимавшихся присущими им ремеслами. Так что абазов оказалось меньшинство.

– Я – царь Абазии и Севастополиса, приветствую вас, – обратился к людям Апсха. – Прошло немало времени, как ромеи, нарушив договор, захватили наш город и окрестные поселения. Но теперь справедливость торжествовала. Всемогущий Бог, подаривший нам свою землю в глубокой древности, изгнал чужеземцев и вернул ее нам.

«Слава ему, слава», – воскликнули сотники.

– С этого времени я от имени всех абазов буду править вами и защищать вас. Надеюсь, что вы рады воссоединению и поддержите нашу власть. Вместо византийцев вас будут охранять лучшие воины Абазии. Вы должны будете обустроить и содержать их в счет обязательных податей. И если кто-либо посягнет на нашу землю, вы можете сами принять участие в ее защите, как и подобает свободным людям. Мой представитель будет управлять и чинить суд, пока вы не изберете Совет Старейшин и дадала, как было в прежние времена... Если кто-либо желает взять слово, мы готовы выслушать.

Но никто не вызвался говорить, люди молча разошлись по домам.

После короткого обсуждения было решено разместить воинов на горе, что нависала над Севастополем. Оттуда открывался прекрасный обзор Анакопы на запад и части Аписии на восток. Царь возложил на сотника Кита обязанности военачальника и временного правителя. В случае возникновения опасности на границах Абазии, он должен был подать сигнал в Анакопу и первым встретить врага до появления основного войска. Царь сильно спешил, переночевав у знатного купца, он с рассветом выехал с телохранителями обратно, на ходу отдавая поручения новому правителю Севастополя. Перед расставанием он посоветовал Киту устроить застолье для горожан и внимательно к ним приглядеться. В его обязанности входило также проведение учета населения по сословиям и определение для них десятины. На этом они попрощались.

Апсха гнал своего коня, телохранители, едва поспевая, недоумевали от подобного темпа. А он спешил в надежде, что новые союзники уже поджидают его в цитадели.

Тем временем в Анакопу прибыли Псху дадал и Аписит. Здесь их встретили женщины и Стефаний, и они убедили гостей задержаться до возвращения царя. Псху дадал увлекся беседой с сестрой, тем временем Аписитом занялся Стефаний. Ему понравился абазский юноша, он улыбнулся себе, распознавая тайные замыслы царя. И так как им предстояло проделать вместе немалый путь, они быстро подружились. Аписит увлеченно слушал рассказы о морском путешествии и прекрасном Царьграде, куда сходились тысячи племен и стекались несметные богатства. Более всего его удивило, что там любой может добиться наивысшего положения и так же легко все потерять, даже голову. Тысячи искателей удачи со всех концов земли устремлялись туда в поисках своего счастья, и ему предстояло испытать в этом городе свою судьбу. Аписит надолго не покидал родного очага, но это его не пугало. Он бродил по Анакопе, возбужденный впечатлениями и великими мечтами. «Подобно воину света, он сможет сразиться с главным злом в самом его сердце. Он будет жить и учиться в Константинополе во имя своей мечты. И если его жизнь в рассвете сил неожиданно оборвется, найдется та единственная красавица, что будет втайне от всех, искренне горевать по нему». Поглощенный своими мыслями, он чуть не столкнулся с молодой царицей во внутреннем дворе цитадели. Молодые люди встретились взглядами, Аписит оробел. «Это знак, посланный мне свыше, – решил он, – и у меня непременно будет своя царица, такая же красивая, как она». «Вот он каков – молодой абаз, покоривший Аланию, – молодая женщина не осталась равнодушной. – Я могла бы принадлежать ему, и была бы более счастлива...». Аписит попытался быть вежливым:

– Приветствую тебя, царица, да упадут на мою голову все беды твои и Абазии, – срывающимся от волнения голосом заговорил он первым.

– Да не обойдет тебя слава героя, воин Абазии, – взволнованно ответила она. – Я слышала, что отправляешься в Константинополь, наверно, это очень увлекательно, я бы не отказалась от такого путешествия, – с грустью добавила она.

– На этом настаивают мой дед и Апсха, – сдержанно ответил он.

– Счастливого возвращения, Анакопа будет ждать тебя, Аписит, – царица развернулась и ушла, не дожидаясь ответа.

К вечеру вернулся Апсха, отсутствие союзников его разочаровало. Он поздоровался на ходу, не скрывая раздражения, и призвал Псху дадала. Они удалились в дальнее помещение. Царь подал пергаментный свиток своему дяде. Тот внимательно прочел и поднял глаза на собеседника:

– Ты сделал должное. Да благословят Всевышние твое решение.

Затем они обсудили детали плана и перешли к составлению послания. После неоднократных исправлений получился следующий документ:

«Командующему войсками Армении и Востока, Бессу.

Я, Царь Абазии, данным мне свободными абазгами правом, поставил своих воинов на земле Севастополя. Впредь они будут нести защиту восточных границ. И если на нашу землю ступит нога врага, он получит достойный отпор.

С одобрения богов царь Абазии Скепарна.

Анакопия, 6401 г. от Сотворения Мира, месяц жатвы».

Послание они скрепили печатью и отложили в сторону. Потом они снова склонились над пергаментом и написали рекомендательное письмо в Константинополь.

«Предъявитель сего письма есть абазский юноша Аписит, удостоившийся чести быть отправленным в Константинополь с содержанием за наш счет под твое временное покровительство. С пожеланием долгих лет, твой друг Псху дадал». Сохранился до наших дней лишь последний абзац этого документа.

Они призвали Стефания и Аписита, вручили свиток и поведали им о скором отъезде в Константинополь.

– Дад, отправляйся в Ануху к родным, завтра утром вы отплываете, – обратился к внуку Псху дадал.

Затем, посоветовавшись, решили, что далее медлить нельзя, как можно быстрее надо собрать всех дадалов Абазии. С этой целью десять гонцов немедленно выехали из Анакопы. Сход назначили на первый понедельник – в запасе оставалось пять дней. Этого времени вполне достаточно, чтобы выполнить первый пункт из плана царя. Псху дадал сам вызвался осуществить это важное задание. Под покровом ночи он выехал из Анакопы в сопровождении царской сотни. Никто из воинов не подозревал, что навьюченные лошади надрываются под тяжестью царской казны. В тюках были спрятаны, кроме золотых и серебряных монет, драгоценные камни, ювелирные изделия, дорогое оружие, богатые ткани, одежды. За Анухой к каравану прибавились тяжелые арбы, груженные оружием из пещерного тайника. Все это надлежало в целости перевезти за каньон в горное общество Пыса и без задержки вернуться обратно. «Пока все идет по плану, кроме одного: новые союзники так и не прибыли», – размышлял царь, поднимаясь в свои покои.

Там его ждала переполненная тревогами молодая жена. Апсха впервые испытал чувство вины перед женщиной, оно усиливалось выражением укора на ее лице. Он многое мог бы объяснить этой невинной душе, если бы она была готова...

– Девочка моя, я вижу, как ты страдаешь.

Смягчившись, она повисла на нем. – И я переживаю, вспоминая о предстоящей разлуке. Даже здесь, в Анакопе, мы редко видимся. Но ты сильна духом и способна справиться, я верю в тебя – мой маленький хищный зверек. И когда ты родишь Абазии наследника, мы снова будем вместе.

– Я понимаю, я стараюсь, мой отец ведь тоже царь, но я боюсь – я же женщина, – срывающимся от волнения голосом ответила она.

– Чего ты боишься, родная? Твоей жизни ничто не угрожает, и в Абазии, и в Алании вы в полной безопасности, поверь мне.

– Мой царь, я, как и абазы, смерти не боюсь. Страшнее жить, потеряв надежду на счастье, ведь это главное для женщины. У аланов еще недавно был обычай, когда жену умершего мужчины хоронили вместе с ним, но ведь абазы милосерднее...

Царь, изумленный, отошел к окну и задумался. «Воистину царская дочь. Ее надо как-то отвлечь, успокоить, но обманывать близких грешно, даже если ложь придумана во благо. Как сказать ей то, что созрело в голове, ведь даже себе в этом тяжело признаться».

– Мой господин, меня посещают недобрые сны, у меня недоброе предчувствие, боюсь, что мы не увидимся, будь моим мужем в последний раз, – она спрянула лицо, сгоравшее от стыда. Он – великий воин, вершитель судеб не мог совладать с собой перед этой девчонкой, готовящейся стать матерью. Они слились в любовных объятиях, напроочь забыв о святом предписании предков, о небесах, обо всем остальном, что под ними...

Когда улеглись страсти, само собой продолжился разговор.

– Любимая, абазам часто приходится воевать, и когда удача отворачивается от воина, он может погибнуть. После каждой войны остаются вдовы и сироты. И когда война неизбежна, каждый воин готовит себя... Есть у нас обычай – выдавать вдову замуж за брата погибшего, ты, наверно, слышала об этом.

– Вы всегда следуете этому правилу? – не смогла скрыть своего удивления царица.

– Вдова возвращается в родительский дом со своим приданным и ищет нового мужа, если не имеет детей... У меня нет братьев ни старших, ни младших. Если со мной что-то случится, ты должна будешь найти новое счастье.

Она вырвалась из объятий и прижала его губы ладонью:

– Не смей мне такое говорить, пусть меня похоронят рядом с тобой...

– Нет, ты молода, красива и знатна, любой мужчина с радостью возьмет тебя в жены. А потом, кто будет воспитывать нашего ребенка? Опомнись!

Она обмякла и зарыдала. Девичье воображение нарисовало ей жуткую картину.

– Не спеши рыдать, не гневи богов. Я говорю с тобой как с царицей, а ты словно девчонка – плакать. Слушай меня внимательно. Если твой муж будет абазой, то наш ребенок останется при тебе, пока не повзрослеет. Если же ты уйдешь в другую страну, то ребенка оставишь на воспитание моей матери. И еще: если будущий правитель Абазии захочет взять тебя в жены и тебе он приглянется, не отказывай, моя душа будет спокойна. На этот раз почти все, а ну повернись ко мне, я начинаю забывать твою лучезарную улыбку.

Он и сам неподдельно заулыбался, почувствовав облегчение, сравнимое лишь с военным триумфом.

– Я выполнил свой долг, поведал тебе то, что знает любая абазская женщина. А теперь все забудь, не терзайся, будем жить по-прежнему.

Она молча кивнула головой, но заснуть не смогла, так и пролежала до утра с закрытыми глазами. Он же, утомленный ураганом пронесшихся ощущений, сладко уснул.

Апсит уже был в Анакопе, когда царь вышел во двор, пробужденный первыми лучами солнца. Он доброжелательно кивнул юноше и пригласил к завтраку. Подоспел и Стефаний. За трапезой Апсит понял, что царь берет на себя все расходы, связанные с ним. Для этого он выделит средства купцу Стефанию, который в свою очередь будет выдавать их попечителю Апсита... Одно оставалось туманным – как долго он не увидит свою семью и Абазию? Что ж, наверно, там его научат распознавать судьбу, и когда время придет, она ему непременно подскажет.

После завтрака они отправились к морскому берегу. Там их ждало купеческое судно, вокруг крутилось множество людей, вплоть до любопытных подростков. Кто-то пришел отправить послание в Константинополь, кто-то проводить отплывающих, другие просто поглазеть. Среди провожающих стояла едва живая мать Апсита и притихшие ее младшие сыновья. Апсит спрыгнул с коня и заключил в объятия самых дорогих людей. «Нан, сынок, пусть Всесильная Аныха защитит тебя вдали от дома, я горжусь тобой, не забывай нас, возвращайся», – все это говорила она, пряча от сына материнские слезы. «Нана, я за тебя спокоен, у тебя такие защитники!» – Апсит потрепал головы младших братьев. Тут подошел к ним Апсха.

– Время не властно над тобой, жемчужина моя, Щаца, вот уже и дети твои подросли, так долго мы не виделись, – тепло поздоровался он с двоюродной сестрой.

– О, как я рада тебе, дорогой мой брат. На твоём благородном лице написаны заботы об Абазии. Да оправдать бы нам твои надежды, – словно ручей, струящийся по камушкам, ласкали слух слова-молитвы женщины.

Отплывающие люди поднялись на галеру. Снявшись с якоря, она на веслах медленно отошла от берега. Наконец, матросы поймали в паруса сильные потоки воздуха, взяли курс и, ускоряя ход, ушли от абазских берегов.

– С возвращением, Аpsит, – кричали родственники. «С возвращением...» – шептали губы царя Абазии. «С возвращением...» – вторила им Анакопа.

НИ ВОЙНЫ, НИ МИРА

В понедельник с утра к Анакопе начали съезжаться со всей Абазии дадалы. Царь уже знал, что брухи и зухи отказались быть абазам союзниками, «дабы остаться свободными, как испокон веков было», – заявили прибывшие от них послы. Подавив в себе первые порывы гнева, он отправил им свой царский ответ: «Я не хочу считать вас трусами, но скоро весь мир узнает, глупцы ли вы, иль мудрецы».

К обеду собрались все двадцать дадалов. Главный жрец Аныхи попросил благословения богов, после чего начался Военный Совет.

– Как вы знаете, волею Всевышнего византийский гарнизон оставил Себастиполис и удалился в Трапезунд,¹ – взял слово царь абазов. – Справедливость восторжествовала. Абазская сотня во главе с Китом расположилась в Себастиполисе и защищает наши восточные границы. В Аpsилию уже вошли войска персидского шаха Хосрова под командованием Набеда.... Когти льва, вцепившегося в наше тело, слабеют. Мы все помним, как совсем недавно самодержец нарушил договоры, скрепленные в древности прежними царями, и отменил наше право властвовать. Обманув абазов мнимой свободой и подкупив многих золотом, он отменил наши древние законы. Если бы ни воля небесных покровителей наших, не было бы сегодня Абазии. Затем они разорили нас, установив свою торговую монополию. От такой несправедливости разорены и Аpsилия, и Лазика. На вырученные от продажи своих товаров деньги мы не можем у них ничего купить. Не далек тот день, когда римляне захотят напасть на Абазию, чтобы обезглавить ее вновь. Они убьют не только царя и верных дадалов, но и нашу веру в богов и святые Аныхи, идущую из глубины веков. Они принудят оставшихся в живых абазов креститься и поклоняться их Богу, рожденному от женщины...

– Что же нам делать, царь? – кто-то, не сдержавшись, задал вопрос.

– Нам надо ударить первыми и очистить Абазию от римлян, пока империя снова не окрепла. Быть может, решительность и внезапность только и спасут Абазию.

– Изгнать их мы, допустим, сможем, но как потом воевать с Римом, если Хосров – владетель половины мира со своими многочисленными войсками не может с ними справиться? – задался вопросом Гега дадал.

– Персидский шах с сочувствием смотрит в нашу сторону. Если мы отправим к нему послов с просьбой о военной помощи, наверняка он не откажет. Не зря, надо полагать, он направил свое войско к аpsилам, – добавил Аpsха.

¹Город в Малой Азии, на северо-востоке Турции, на берегу Черного моря, у подножия Калат-дага.

– Если заручиться поддержкой царя половины мира, то можно начать войну, – поддержал Геч дадал.

– Если войны не избежать, нам надо врага заставить врасплох и ударить первыми, удача будет на нашей стороне, – включился в беседу Псху дадал. – Мы сегодня готовы к войне лучше, чем когда-либо ранее. А им сейчас тяжело. Ведь никто не сомневается, что в планах Византии уничтожить наши царства и веру нашу, сам Кесарь говорит об этом открыто.

– Византийские поселенцы не скрывают раздражения по поводу нашей сотни в Севастополе, – добавил Гума дадал. – Они в один голос твердят, что очень скоро империя справится с внешними врагами и возьмется за внутренних. Первыми станем мы – абазы. Они говорят, что «окончательно выбьют из варваров свободный дух и привьют мечом любовь к новой вере».

– Похоже, что время политических интриг закончилось, Византия будет идти напролом, сминая все помехи на пути. Если мы все одинаково представляем свое будущее, то объединимся и примем решение о дальнейших действиях. Наверно, у Царя есть что предложить, – высказался правитель западной Абазии Геч дадал.

– Пусть говорит, послушаем, – раздали дружные возгласы собравшихся.

Над площадью, где собрался Совет, нещадно палило солнце, повернув свой пылающий диск самой горячей стороной. Все живое забило в густую тень, чтобы переждать зной, даже деревья свернули листву, спасаясь от солнечных ожогов, они с удивлением наблюдали за предводителями абазов, не замечавших ни солнце, ни овладевшую ими жажду. Боги, наблюдавшие за всем, сжалившись, порой посылали легкий ветерок, освежая потные лица мужчин. Ни один абаз не уступил и не скинул с себя ни броню, ни верхнюю одежду, тем более что-либо из многочисленного оружия. Это тоже было выработанное правило – «ацас¹», подчеркивающее судьбоносную значимость Высшего Совета.

Апсха снял с головы позолоченный шлем и снова обратился к собравшимся.

– Первые среди абазов, нам надо немедленно отправить к персидскому шаху послов с просьбой о неотложной военной помощи. Персы потребуют взамен признания своей власти в Абазии и гарантии нашей верности. Если их требования будут выполнимыми, мы их удовлетворим. Посланнику надлежит убедить шахиншаха в важности принятия решения. Присутствие персидского отряда среди нас заставит задуматься самодержца. Я думаю, что интересы Персиды сегодня близки с нашими, по крайней мере, они терпимее к чужой вере, всем известно, что в Персии даже христианские церкви обладают правами. Другое дело Византия.² Эти безумцы насильно искореняют веру своих собственных отцов, изгоняя лучших и мудрейших из своей страны, не признавших нового Бога.

¹Закон.

²Константинополь.

– Кого отправим в Персию, царь?

– Предлагаю правителя Геч дадала и Псху дадала.

– Одобряем, одобряем, – хором заполнили площадь голоса участников Совета.

– В случае неожиданной войны, я – царь абазов, данным мне правом становлюсь предводителем всех воинов страны. У каждого дадала должна быть в постоянной готовности сотня. Еще пять сотен должны быть готовы через день и еще через день все остальные резервы. На случай длительной войны у нас есть тайники с оружием. В наших крепостях, закрывающих входы в ущелья, должны круглосуточно стоять караулы. Заранее подвезите больше провизии и постоянно следите за морем...

– Как нам быть, если враг вздумает высадиться у наших берегов? – спросил Иаш Дадал.

– Не подпускайте их к берегу, забрасывайте стрелами их суда и лодки, приготовьте для этого случая горящие стрелы. Атакуйте их до последнего и отходите, устраивайте засады и преследуйте. Тяните время, пока не подойдет помощь. На этом мы завершаем наш Совет. Сегодня вы – гости Анакопы, а завтра разъедетесь и займетесь насущными делами.

Каждый новый день Апсха находил повод и откладывал отъезд жены в Аланию. Сегодня он твердо решил заняться этим. Воспользовавшись свободным временем, Апсха удалился к себе, чтобы написать письмо персидскому шаху.

В большой прохладной зале каменного дворца накрывались столы, возбужденные участники Совета громко переговаривались. Многие из них были боевыми друзьями и родственниками. Былое напряжение спало, они шутили и смеялись в полный голос, уверенные в своей счастливой судьбе.

Апсха, Геч дадал и Псху дадал в отдельной комнате составляли письмо. Писарь выводил краской греческие слова, едва поспевая за диктовавшими. После нескольких исправлений окончательный текст гласил:

«Шахиншаху Эрана и Анэрана Хосрову Аноширвану.

Великий шахиншах.

Я – Скепарна, сын Бага, царь абазов, обращаюсь к тебе с пожеланиями долгих лет и великих побед над врагами империи. С помощью богов мы отложились от римлян. Мы готовы признать твою власть и стать союзниками в войне и в мирное время, если окончательно избавимся от римской угрозы. Мы ожидаем нападение римлян на Абазгию, взывая к твоей мудрости, просим об оказании военной помощи».

– Остальное передайте устно, – добавил Апсха, скрепляя послание перстной печатью. – Если попадетесь римлянам, то должны уничтожить пергамент и выкручиваться по своему усмотрению. Сами знаете, с недавних пор они перестали нам доверять. Только будучи уверенными, что попадете к шаху, вы можете говорить о своей миссии. Проще и безопаснее всего выйти к войскам Набеда¹ в Аписии. Уж он переправит бы вас к самому шаху без всякого риска.

¹Полководец шаха Хосрова.

– Все ясно, Апсха, решение Совета будет выполнено, – пообещали послы.

Апсха вручил Геч дадалу свиток и призвал гостей к застолью.

Вопреки абазской традиции, трапеза завершилась быстро, еще до заката солнца дадалы разъехались. Перед самым отъездом послов Царь о чем-то вспомнил и попросил их задержаться. Послы так и сидели в седлах, пока он не вернулся с подарком для шаха. «Персы любят золото, этот дорогой меч преподнесите Хосрову», – велел Апсха. Меч на самом деле был богато отделан золотом и рубинами и не мог не понравиться даже персидскому шаху. Послы одобрительно кивнули и выехали из Анакопы. А царь, втайне от всех, направился по гребню горы к ущелью реки Псы¹. Удаляясь от цитадели, он прибавлял темп и, наконец, словно мальчишка, побежал к реке по узкой извилистой тропе. Ветки кустарников и колючек цеплялись за одежду, хлестали по лицу, а он и не думал останавливаться. Он бежал, потому что не мог летать, бежал от людей, несущих рабство, чтобы быть свободным какое-то время, забыться в мечтах, остаться наедине с богами, услышать священное дыхание природы, распознать небесные знаки и омыться в священном источнике Псы.

На смену короткой летней ночи в Анакопу пришло утро, радующее всех, кроме тех, кому предстоит расставание. Повсюду суетились собиравшиеся в дорогу и провожавшие их люди. Апсха убедил мать сопроводить отъезжавшую в Аланию невестку до приграничной крепости, где она сможет какое-то время погостить у братьев. Вместе с ними Апсха отправил красавиц рабынь и несколько верных служанок. Затянувшиеся сборы женских вещей и вещичек едва закончились к обеду, после короткой трапезы, наконец, все заняли свои места. Начальник сотни сопровождения, недовольный заданием и раздраженный стоявшим пеклом, осмотрел безразличным взглядом свой отряд и тронулся в путь. «До свидания», – говорили глаза любимой женщины. «До скорого возвращения», – шептали пересохшие губы царя. Через какое-то время отряд вышел на предгорную дорогу, что ведет через Ануху к караванному пути. Царица часто оглядывалась назад, уверенная, что муж провожает ее с Анакопской башни. Порой ей казалось, что она различала одинокую мужскую фигуру меж башенных зубцов, и это вселяло в нее надежду на лучшее...

День клонился к вечеру, когда в Абазии влетело страшное известие. Весть уже облетела половину страны, когда прибывший в Анакопу тайный агент докладывал царю, как персидское войско, вошедшее в Апсилию, бесчинствует и грабит апсиров. Персидский отряд, отправленный в Цибилум, вошел в крепость и был принят начальником гарнизона с подобающими почестями. Но, увы, командиру отряда понравилась красавица-жена начальника гарнизона, и он взял ее силой, осквернив честь и гостеприимство апсила. Оскорбленный муж, узнавший обо всем, убил перса и перебил весь его отряд. Командующий Набеда не одобрил этот случай, но из опасений

¹Совр. Псырдза.

апсильского восстания не тронул начальника Цибилума. Одним словом, персы в Апсии не прижились, и в Абазии против них насторожился народ. «Побоявшийся огня в кипятке угодил, – размышлял он. – Все это очень плохо, абазы не потерпят подобного обращения. И у Абазии будет два могущественных врага – Византия и Персия». Опустошенный запоздалым открытием, теперь он понял, что придется надеяться только на свои силы. Но их не так много. К сожалению, в Абазии немало людей, готовых подчиниться византийскому владычеству. Размышляя о будущем, он так и не лег спать: сперва ходил из угла в угол, затем выскочил во двор и кружил по нему до утра. Когда тело обессилело, головная боль начала стихать. Еле добравшись до спальни и растянувшись на тахте. Тяжелый нездоровый сон сковал тело царя.

Тем временем сотник Кит, временный правитель Себастополиса, снарядил отряд к границе с Апсией, к Клисурской крепости, чтобы узнать о настроении апсиров и намерениях персов. Начальник крепости с радостью принял абазов, устроил им традиционное застолье. Апсилы поведали Киту обо всем в мельчайших подробностях, и услышанная история глубоко возмутила молодого абазу. Он понял, что абазы ошиблись в своих надеждах на Персию, апсилы первыми поплатились, скоро придет их черед. «Почему так странно устроен этот мир, – размышлял молодой воин. – Неужели сильный не может быть справедливым, и чтобы понять чужое несчастье, самому нужно страдать?» В гарнизоне находился некто, видевший своими глазами войско Набеда в Лазике. Он, впечатленный количеством персов и их вооружением, долго рассказывал о построении персидской армии; о боевых слонах, закованных в доспехи и сминающих все на своем пути, подобно мифическим исполинам. Однако влажный воздух им не подошел, они часто болеют, и, похоже, что в Апсилию персы их не привели.

Абазский отряд возвращался в Себастополис, и Кит принял решение безотлагательно навестить царя. С такой мыслью отправились в Анакопу из своих владений и некоторые дадалы. Первым прибыл Иаш дадал. Он был в летах, но крепок телом и духом, когда-то в молодости он слыл удачливым налетчиком. Чтобы испытать свою удачу, он вступал в схватку с самым сильным противником. Как-то раз его отряд напал на стоянку пастухов. И каково было разочарование юноши, обнаружившего троих стариков. Он громко изливал свою досаду на богов, решивших над ним «посмеяться». Одного из старцев развеселил такой монолог.

– Арпыс,¹ ты зря ругаешь Всесильных, поверь моему опыту, они всегда правы, – попытался убедить будущего дадала пастух.

– Твоих советов мне только и не хватает, – нагрубил ему в ответ удалец. Старец помрачнел:

– Я не буду с тобой драться на мечах, боюсь, не удержусь и снесу твою глупую голову. Для начала давай стрелять в мишень, и я докажу тебе, что в жизни побеждает опыт.

¹Юноша.

Юноша, считавший этих «никчемных» пастухов своей добычей, презрел старца.

– Почему ты решил, что я задарма буду забавляться с тобой?

– В таком случае, заключим сделку, – предложил пастух. – Если я проиграю, все наше стадо достанется тебе, в противном случае ты уйдешь и впредь перестанешь нападать на честных людей.

Пока юноша раздумывал, один из его молодчиков схватил козла за рога и поволок. Козел заблеял что есть мочи и уперся копытами. В мгновение ока пастух вырвал из земли алабашу и метнул в наглеца. Посох успешно пролетел тридцать шагов и деревянным концом треснул грабителя по голове. Налетчик упал и застонал от боли, а козел, воспользовавшись свободой, рванул к своему стаду, увлекая его за собой в непроходимый подлесок. Этот случай развеселил будущего дадала. Он согласился на противоборство с пастухом. Противники натянули луки и прицелились в коршунов, паривших высоко над головами. Старец первым спустил тетиву, и она достигла своей цели. Сраженный коршун камнем упал к ногам. Стрела, запущенная молодчиком, прошла рядом с птицей, выбив перо из хвоста. Оно закружилось в потоке воздуха, медленно снижаясь к земле под пристальным взглядом раздосадованного лучника. Когда оно коснулось земли, молодой абазы поднял глаза, полные ненависти и отчаяния.

– Этого не может быть, – выдавил он из себя.

Пастух с сочувствием смотрел на своего противника и, молча, ждал, когда тот признает свое поражение. Иаш резким движением обнажил меч и кинулся на пастуха. Старик успел отпрянуть, проявив завидную сноровку, обнажил свой меч и первый нанес удар в правое предплечье. Старец не стал убивать юношу.

– Твоя жизнь отныне принадлежит мне, – сказал он, – один раз ты бесчестно нарушил договор, если ты еще раз нарушишь свое слово, боги проклянут твое имя и твой род. Арпыс, стать достойным никогда не поздно, – с такими словами старец отпустил поверженного... Налетчики вскочили в седла и поспешили удалиться. После этого случая Иаш преобразился, не вымершие в его сердце добрые начала пробудились. Поначалу абазы удивлялись переменам, потом поверили и избрали своим дадалом, о чем впоследствии никогда не жалели.

Иаш дадал, огорченный событиями в Апсилии, прибыл в Анакопу за советом. Апсха обрадовался неожиданному визиту, потому как сам нуждался в поддержке. К вечеру в Анакопу прибыли Анухские старейшины, приехал из Себастополиса и сотник Кит. Некоторое время царило мрачное молчание. Никто не решался первым затронуть главную тему, пока сам Апсха не начал разговор.

– По-настоящему надеяться нам не на кого, кроме как себя. Я имею сведения, что персидский военачальник получил приказ от своего царя идти к нам на помощь. Мы примем персидское войско, как подобает, чтобы не восстановить против себя могущественного «союзника». Однако поста-

раемся сделать все, чтобы персидское войско не задержалось надолго. Это время нам надо использовать для подготовки своего войска, боеспособного и в контактном бою, и в случае длительной осады. У противника армия сильна, их главное преимущество – в умении подчиняться приказам своих военачальников.

– Ты прав, Апсха, – поддержали старейшины, – нам многому предстоит научиться, а времени мало, особенно теперь, когда запах крови стоит на губах.

– Есть вещи, которым можно по-настоящему научиться только в деле. Если наши дадалы все как один приведут свои отряды и будут беспрекословно подчиняться в бою, византийцам нас не одолеть. С завтрашнего утра я начну объезды и осмотр отрядов, вскоре мы лучше будем знать свои силы.

Все это время Иаш дадал и Кит не проронили ни слова, бывалые воины понимали, что царь прав, и это вселяло в них спокойствие. Однако Кит понимал, в сколь невыгодном положении находится он со своей сотней, об этом он решил поговорить наедине. О том думал и царь. Защищать Себастополис от византийцев он не находил разумным решением, потому как стены крепости снесены и поблизости нет достойного укрытия для большого гарнизона. Скорее, абазская сотня будет сигнальным постом и временным препятствием для вражеских отрядов. Апсха был уверен, что византийцы пойдут на Анакопу – главную твердыню абазов. Кроме того, опасность угрожала другим крепостям западной Абазии – Абаата¹ и Хашпста. Овладев этими опорными пунктами, византийцы могли чувствовать себя в безопасности и совершать карательные экспедиции во внутренние области Абазии с наименьшим для себя риском. Для разговора на эту тему он отозвал в сторону Кита и Иаш дадала.

– У византийцев есть глаза и уши повсюду. Наши действия для них не будут неожиданными. Поэтому наращивать силы на восточной границе бессмысленно, это ослабит внутренние резервы и не предотвратит высадку десанта. Они будут действовать стремительно, иначе мы успеем объединиться в удобном месте, и уничтожим их. В случае, если враги высадятся близко от Себастополиса, тебе, Кит, следует немедленно поднять свою сотню и атаковать с безопасного расстояния, задерживая их продвижение к Анакопе. То же самое должен делать Иаш дадал со своими отрядами. В итоге враг будет сильно потрепан до решающего боя, а мы успеем укрепиться в удобном месте. Наши сотни должны будут жалить врага со всех сторон, как можно дольше не вступая в решающий бой.

– Что слышно от византийцев? – спросил Иаш дадал.

– Как знать? Скорее всего, они ждут, пока апсилы и абазы окончательно рассорятся с персами, а затем предпримут решительные действия. Нелегко распознать их замыслы. Зато с нами Всесильные боги, верховные покровители наши. Оставайтесь в Анакопе до утра, завтра отправитесь обратно.

¹Гагрская крепость.

Гости приняли приглашение и остались на ночь. На рассвете тревожный стук в дверь разбудил царя. Взволнованный начальник гарнизона доложил, что уже несколько часов постовые наблюдают в море подозрительные огни, с рассветом стало ясно, что это ромейские военные галеры приближаются к абазским берегам. Апсха отдал приказ о боевой готовности и, захватив оружие, выскочил во двор. «Вывести из лагеря сотни к берегу, отправить гонца в Ануху за резервом», – скомандовал он, поднимаясь на смотровую башню. В рассветной дымке, устилавшей бездыханный морской горизонт, Апсха разглядел несколько галер, шедших на веслах. «Для десанта маловато, – подумал царь, – и куда они держат путь? Анакопу почти прошли». Сотни разных мыслей напали на царя: «Ведь может быть, что это отвлекающий маневр, главные силы идут следом или в другом направлении?» Он напрягал свою интуицию. Но она молчала или же говорила таким слабым голосом, что ему не удавалось ее услышать. Справа и слева от Анакопы было спокойно, не было сигналов, ничего не говорило о высадке десанта.

– Анакопские сотни выдвинулись к берегу, Апсха, – доложил начальник.

– Подайте мне коня, я поеду следом, анухский резерв придержу у стен Анакопы, – распорядился царь.

Едва Апсха влетел в седло своего вороного жеребца, тот стремглав понес седока в прибрежную низину, оставив позади замешкавшихся телохранителей. Апсха быстро догнал свои сотни и повел их на запад, за пределы Псынской бухты, в сторону Цекварской,¹ посчитав, что это место самое удобное для вражеских замыслов. Отряд быстро поравнялся с вражескими галерами, растянулся в цепочку и сбавил шаг. Апсха осмотрелся, обнаружив поблизости Иаш дадала и Кита, подозвал их к себе.

– Вам надо срочно вернуться к своим сотням. Мы не знаем замысла врага. Похоже, что эти галеры пусты, может быть, они нас отвлекают.

Иаш Дадал и Кит одобрительно кивнули и повернули обратно на Себастополис. Они тоже обратили внимание, что греческие суда слишком быстро идут, и заподозрили, что на них нет византийских воинов. Абазский отряд теперь шел по прибрежной равнине. На галерах не могли не заметить сухопутного преследования. Византийцы подняли свои флаги, показывая абазам: мол, это мы – ваши союзники, к чему такая суэта и враждебность?

Чтоб не возбуждать тревогу у врага, Апсха придумал хитрый ход. Он приказал рассредоточить воинов на пять отрядов, по числу сотен. В каждом удобном для десантирования месте по пути следования он решил оставлять по отряду. Одну сотню взял с собой, телохранителей со знаменем отправил вперед, оповестить дадалов западных общин, чтобы они вывели свои отряды к морскому берегу и ожидали его прихода. «Похоже, что на этот раз не будет битвы, зато приобретем опыт для будущего», – размышлял увлеченный кампанией Апсха, довольный своими воинами, легко понимавшими и выполнявшими приказы. По его замыслу получалось проверить и задействовать все абазские отряды от Анакопы до Хашпсты, причем неожидан-

¹В месте впадения в море совр. р. Цеквара.

но развернувшиеся события помогали провести реальный смотр абазских сил. Как бывалый стратег царь понимал, что весть о сегодняшних событиях стремительно докатится до Константинополя, и ему было важно продемонстрировать силу и слаженность своего войска.

Византийские галеры продолжали путь, еще раз доказывая всему миру, что для них не бывает невыполнимых задач. Абазские отряды продолжали преследование. В местах, где скалы забирали берег и преграждали дорогу, отряды сворачивали вглубь и, огибая непреодолимые препятствия по скрытым в глубине ущелий тропам, вновь появлялись у моря. Отряд, проходивший по землям того или иного дадала, умножался в численности. Уставшие сотни оставались сторожить удобные гавани, остальные двигались дальше. Наконец, абазы обогнули последний горный хребет и вышли к большой Питиунтской бухте, заканчивавшейся живописным мысом, покрытым гигантскими соснами. В их честь, как говорят старики, греки называли это местечко Питиунтом. Здесь уже стояли местные дадалы со своими сотнями. Апсха приветствовал открытой ладонью новое войско и вновь возглавил преследование. Усталость все больше одолевала воинов и их коней, а он, предвидя скорую развязку кампании, не останавливался на отдых. И на самом деле, византийские галеры неожиданно повернули к берегу, направляясь к Питиунтской крепости, где еще оставался незначительный гарнизон. Несколько тысяч вооруженных всадников, возглавляемых царем, живой цепью выстроились на мысу. Теперь появилось время передохнуть и призадуматься. Апсха вглядывался в ромейские суда, пытаясь выхватить того, кто, презрев угрозу, вел свои суда прямо на вооруженных абазов. Византийский стратег вне всяких сомнений плыл прямо к царю, безошибочно отличив его среди прочих. Это было бескровное сражение духом непримиримых противников. Неподвижные фигуры всадников, словно каменная армия из древнего мифа, внушали трепетное уважение. Ромеи спустили на воду небольшую лодку, едва в нее зашел византийский военачальник, гребцы тронули к берегу. Очень скоро суденышко врезалось в песок Питиунта. Из нее вышли на берег военачальник и двое его телохранителей. Апсха не увидел в этих лицах ни страха, ни колебаний, не было в них и заносчивости.

– Правитель Абазгии, – обратился ромей к царю. – Я прибыл сюда, чтобы выполнить приказ командующего римской армией в Понтийской провинции Бесса.

Абазы недружелюбно молчали, будто не видели и не слышали ромея. После недолгой паузы командир продолжил:

– Мне приказано перевезти Питиунтский гарнизон в другое место.

Апсха по-прежнему молчал, только глубоко в зрачках заиграли огоньки.

«Что они хотят услышать, почему молчат?» – занервничал командир, но постарался не показывать свои опасения.

– Восточным провинциям империи угрожают персидские войска. Мне приказано срочно перевезти гарнизон в Трапезунд. Если мы сейчас начнем сборы, до захода солнца отправимся в обратный путь.

Вороной жеребец царя перебрал копытами и встал боком, абазы подчинились поданному знаку и расступились, открыв ромеям проход в крепость. Обращенные, они направились в Питиунт, где их с нетерпением ждали не на шутку встревоженные и упавшие духом воины гарнизона. Казалось, судьба им на этот раз улыбнулась, но все могло перемениться в миг. Только приплывший военачальник казался уверенным в исполнении поставленной перед ним задачи. Он был наслышан и убежден в справедливости и гуманности царя абазов, которого византийцы называли не иначе, как правитель. Шедшие к крепости римляне чувствовали на себе тысячи ненавидящих глаз, перед ними приподнялись крепостные ворота, и вышел навстречу начальник блокированного гарнизона.

Апсха приказал дадалам расположиться на мысу и вокруг крепости, дабы непрощенные гости поторопились. Сам он отправился в укрепление Лыдза¹ дадала, находившееся рядом на холмах. Туда же прибыли Бзы, Гега и Гага дадалы, состарившиеся в походах славные воины Абазии. Апсха отправил с поручениями гонцов в Хашпста и Анакопу. Гостеприимные хозяева быстро накрыли стол и усадили утомленных переходом гостей. Апсха обратился к жрецу Лыдзаныхи² с просьбой о благодарственном молебне в святилище и передал ему ценные дары.

Апсха по-прежнему был молчалив. Прислушавшись, он уловил беседу местных воинов. Те, не скрывая раздражения, осуждали нерешительность царя. Они считали, что ромейские галеры и их содержимое могли стать легкой добычей, да и сама крепость дразнила воображение местных абазов. Это поколение еще помнило, когда их предки пропустили к себе соседей готов,³ захвативших и разграбивших римский город-крепость. Некоторые абазские кланы, укрепившиеся и впоследствии выставившие дадалов, вели свою родословную с этого памятного события, доказывая правду большинства: «для достижения цели любые пути хороши». Сам Апсха, будучи от природы человеком благородным, просвещенным и дальновидным, варварский грабеж просто презирал. Однако услышанное открыло ему глаза на многие обстоятельства. «Единение и пылкость дадалов в этой кампании не есть ли простой расчет? Увидеть бы их в реальной опасности», – продолжил размышления царь...

Едва последний римский солдат поднялся на борт галеры, как Апсха отправился в обратный путь – в Анакопу. Луна – покровитель путников в ночи – освещала путь и византийским галерам, и царскому отряду, торопившемуся домой. Она светила и ворвавшимся в пустую крепость абазам. Апсха не видел, как абазы сносили ненавидимые врата, собирали брошенные пожитки и сжигали то, что могло гореть. Возглавляемые местным жрецом, они ворвались в базилику,⁴ вывели старца и подожгли храм. Это стало триумфом неудержимой ненависти, объединившей свободных абазов против чуждого духа.

¹Историческое место в окрестностях совр. Пицунды.

²Древнее святилище в окрестностях совр. Пицунды.

³Германский народ II – IX веков, до VIII века игравший значительную роль в истории Европы. Около 230 года готы спустились в Причерноморье.

⁴Тип строения прямоугольной формы, которое состоит из нечётного числа (1, 3 или 5) различных по высоте нефов. Здесь: церковь.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

А о свободной Абазии доносилось эхо соседней войны. Царь нуждался в верном совете и не раз сожалел об отправленных в Персию посла, где они оказались в почетном плену при шахском дворе. До него доходили тревожные слухи о вероломстве и подозрительности персов, а продвижение отряда Набеда к границам Абазии затягивалось. По сообщениям агентов, их задерживало отсутствие дорог и мостов через глубокие изрезанные ущелья. И путь был столь опасен и труден, что боевых слонов и колесницы Набеда отправил обратно в Иверию.

Ранним утром в Анакопу прибыл гонец от сотника Кита, который доложил, что передовые отряды персов вошли в Севастополис и разбили лагерь в разрушенной крепости. Жители города, сочувствующие византийцам, заперлись в своих жилищах. Сам Кит отложил визит к персам и ждал дальнейших указаний. Апсха отправил гонца обратно с поручением не вступать в связи с персами, решив, что он с отборным отрядом должен встретить Набеда на подступах к Севастополису.

Апсха отправил телохранителей, поручив срочно собрать 500 лучших всадников Абазии. Затем он присел под могучим орехом и задумался о будущей встрече с иноземным сатрапом....

Из глубоких раздумий вывел его топот многочисленных копыт. «Коучоу», – отдавались эхом знакомые голоса. Возбужденные всадники, словно лава, идущая против законов природы, текли к вершине, в главную крепость Абазии. Военачальники отдавали короткие распоряжения, выдавали царские плащи, вынесли стяг, сотники бойко проверяли щиты своих воинов. Апсха поднялся на стену, приветствуя воинов открытой ладонью. Абазы привстали над седлами и громко поприветствовали своего царя.

– Скоро мы отправимся навстречу войску Хосрова – властителя половины мира, идущему защитить Абазию от посягательств Византии, – обратился к воинам Апсха. – Командующий персидской армией Набеда должен убедиться в доблести и достоинстве нашего маленького отряда. Удостовериться в нашем искреннем желании союза с Персией на долгие времена, – закончив речь, царь протянул руку. Оруженосец подал кожаные доспехи, украшенные золочеными пластинами; сотканый из золотой проволоки ремень и царский меч, блеснувший на солнце крупным рубином. Абази с удовольствием наблюдали за этим ритуалом, любясь статью своего предводителя. Гнедой жеребец, верный спутник и проводник царя, стоял рядом, предвкушая удовольствие выехать под своим хозяином. Горящие глаза чудо-животного как нельзя сочетались с изящной сбруей, отделанной накладными серебряными пластинами. Апсха вскочил в седло и в окруже-

нии телохранителей выехал из цитадели. Отряд проследовал через Ануху по подгорной дороге на восток, чтобы через Гуму и Иаштыху¹ выйти к Себастополису. Местами дорога была столь опасна, что не каждый всадник мог преодолеть ее трудности, не спешившись. «О возможном продвижении тяжелых персидских обозов и воинов говорить не приходится. Другое дело византийцы, господствующие на боевых галерах в Понтийском море, одинаково выносливые как на суше, так и на море, хорошо знающие не только Абасию, но и весь Кавказ. К тому же, в Абазии много людей, сочувствующих им, и об этом, наверняка, осведомлен Хосров», – размышлял царь. «Видимо, поэтому он держит в заложниках моих послов, очень осторожно ведут себя персы в Абазии. Дальше Себастополиса продвигаться им будет крайне трудно, да и нам это сближение ни к чему. Пусть ставят там свой лагерь», – мысленно подытожил Апсха.

Слух о прибытии персидского войска быстро разошелся по Абазии. И удивляться тут нечему, ведь эта относительно небольшая страна исчисляла 300000 лиц обоого пола. Обычно новость, зашедшая утром в один конец, передаваемая от соседа соседу, преодолевала путь от общины к общине, перелетая через непроходимые ущелья, к вечеру достигала другого конца страны. Причем издревле был установлен закон, по которому никто не имел права изменять услышанное, даже если бы оно казалось весьма разумным. К примеру: «персы идут», сорвавшись с уст первого глашатая, доходило неизменным, хотя за это время персы могли бы прийти, или остановиться лагерем, или вернуться обратно.

По пути следования царского отряда к нему присоединялись местные дадалы со своими воинами. На одном из привалов Апсха провел закрытое совещание. На нем царь впервые озвучил политику по отношению к персам. Он распорядился скрывать броды через реку и удобные тропы от чужеземцев, а в случае необходимости вести их через опасные места, чтобы внушить персам невозможность перехода. В то же время дадалы должны были проявлять дружелюбие и гостеприимство, помогать персам в поисках провианта и фуража.

¹Нагорные поселения.

ВЕЛИКИЙ ЦАРЬГРАД

Константинополь жил своей напыщенной жизнью. Казалось, ничто не может поколебать устои императорского двора и привычки многочисленных и самодовольных горожан. Римлян не смущало, что все вокруг подчинено их потребностям и желаниям, и может быть куплено на «всесильное» золото. И каково было удивление молодого Апсита, когда он начал видеть другую, не столь приметную сторону жизни горожан. Глубокое презрение ко всему чужому начало меняться, в его душе открылась великая тяга к тайнствам познания, в нем родилось новое, ни с чем несравнимое удовольствие от этого ощущения. Часами он бродил по старым кварталам города, выскальзывая на свободу из большого и светлого дома своего попечителя. Ежедневно после занятий Апсит спускался к порту, надеясь увидеть знакомого или хотя бы услышать новости из Абазии. Он усаживался у причала и вслушивался в незнакомую речь разных народов и племен, приходивших сюда за своей удачей. Но и тогда, когда моряки говорили по-гречески, их волновали сугубо личные дела. Тогда он вглядывался в противоположный берег пролива, куда приставали военные галеры и казенные суда и запрещено было появляться таким как он. Со временем Апсит научился заглушать свою тоску. Окруженный любовью и вниманием попечителя, его домочадцев и многочисленных друзей, он не жаловался на свою судьбу. Ежедневно на дому по несколько часов он изучал греческое письмо и латынь, арифметику и философию. К концу недели учителя вызывал к себе в кабинет старый друг Псху дадала Феофан и о чем-то с ним беседовал. В воскресные дни хозяин с семьей посещал литургию, по возвращении устраивалось праздничное застолье. За большим столом усаживались хозяин с хозяйкой, трое дочерей и младший сынишка, Апсит, его учитель и кто-то из частых гостей. Учитель вслух расхваливал способного ученика и уверял, что в ближайшее время его можно будет отправить в семинарию. Хозяева радовались успехам молодого абаза. Более того, им доставляло радость, что младшая из дочерей начала проявлять стремление к знаниям. Старшие давно посещали занятия и проявляли неплохие способности в науках и искусствах. Апсит, подстегиваемый самолюбием, изо всех сил старался угнаться за ними, а они будто не замечали его стараний, чем обижали гордеца. Главу семьи – человека мудрого и доброго – все это забавляло. Однажды он объявил, что уроки Апсита будет посещать и младшая дочь Мария, чем осчастливил девочку и напугал нагловатого учителя. Однако Апсита это решение поставило в затруднительное положение. Будучи не по возрасту стеснительным, он впадал в замешательство от малейшей ошибки, а улыбка учителя или насмешка маленькой девчонки его просто обижали,

он готов был бежать, куда глаза глядят. В такие минуты он чаще вспоминал любимого жеребца, оставшегося в Анухе. Когда туман сходил, он брал в руки не совсем понятные книги и часами вчитывался, пытаясь самостоятельно догнать своих сверстников. В один из воскресных вечеров хозяин дома позвал Апсита и усадил его рядом с собой.

– Дорогой Апсит, – начал он, – совсем скоро ты пойдешь в лучшую школу, где учатся дети первых людей страны. С недавних пор там правят пресвитеры, и главным предметом стало Слово Божье. Все учителя и ученики – верующие христиане, специальный чиновник следит за благочестием. В нынешние времена по-другому образования не получишь и не сделаешь карьеру. Мой мальчик, возможно, ты пока не готов к принятию новой веры, обдумай все, у тебя осталось немного времени.

– Дядя, но мой царь и родичи против новой веры, к чему мне все это, если я стану предателем. Отправь меня обратно в Абазию, там я смогу жить достойно, – не сдержался и вспыхнул Апсит.

Феофан посмотрел на юношу, затем отвел взгляд в небо. Они помолчали, думая каждый о своем.

– Не спеши, Апсит, принимать решение, я лишь стараюсь выполнить просьбу твоего деда и помочь тебе стать одним из нас. «Впрочем, это до конца не возможно», – подумал он.

Такие, как ты, способные и смелые люди добиваются в Византии невиданных высот. При императорском дворе много абазов, они пользуются уважением и доверием.

– Но они уже не настоящие абазы, они христиане, – возразил Апсит.

– Вера в Христа ничем не хуже ни вашей, ни иудейской, ни персидской. Не спеши отвергать то, с чем не знаком. Твои родичи могут заблуждаться. Поначалу и мы отвергали Христа, но теперь я понимаю, что единая вера имеет большое будущее для всех народов. Люди, говорящие на разных языках и имеющие различные нравы, становятся ближе и терпимее друг к другу. В этом всем скрывается большая тайная сила. Во времена моей молодости, Апсит, это было не столь заметно, как теперь... Я не думаю, что Псху дадал одобрит твое возвращение домой.

Апсит молчал, но оставался непреклонным. И тогда Феофан предложил написать письмо родным и действовать далее в соответствии с указаниями из дома. Идея понравилась обоим, и каждый надеялся на свою правоту.

«Я мечтал стать хорошим воином, – размышлял Апсит, – а тут одни книги и учителя, и это еще ничего, они ведь хотят сделать из меня предателя веры, простой, понятной и могущественной. Наши Анцва и Аныхи защитят меня повсюду, и дома, и на чужбине. А для того, чтобы прославиться, не нужно обречь свою душу на подобные испытания», – успокаивал себя он.

«Он мечтает о простом, совсем не предполагая о тайнах человеческих искушений. Пока он наивен и чист, наш диалог будет непрочным, – думал Феофан, – когда он познает ответственность за близких и Абазию, то научится уступать.... Это для начала. Затем пробудившееся честолюбие на

нине побед начнет диктовать новые условия, которыми вымощена дорога к власти над другими. Эта главная западня смертных не выпустит его душу до самой гибели. Через это проходят сильные люди, и в этом юноше абазские покровители не ошиблись...»

Утром к Апситу зашел слуга и передал приглашение хозяина принять участие в конной прогулке верхом. Юноша часто ходил в конюшни Феофана, что конечно не осталось незамеченным. Он был счастлив проехаться верхом, если бы ему разрешили, он выбрал бы гнедого жеребца с крутым нравом, так сильно похожего на коня царя Абазии. Апсит набросил на плечи плащ и выскочил во двор, где царила суматоха. Слуги вели под узды лошадей, кучер крепил колесницу, предназначенную хозяйке и младшим детям. Феофан дружелюбно поприветствовал взволнованного юношу.

– Этот жеребец будет тебе по нраву, – он указал на любимчика Апсита, – однако будь осторожен, мои конюхи так и не объездили его по настоящему.

Апсит кивнул головой и поспешил к жеребцу. Умное животное потянулось к наезднику, чтобы удовлетворить свое любопытство. Апсит смело накинул узду и закрепил седло, не дожидаясь лошади. Оба, гордые и довольные, вырвались на свободу. Им хотелось бежать, однако у хозяина были другие планы. Феофан и две старшие дочери уселись на коней, хозяйка с младшими расположились в колеснице, и процессия неторопливо выехала со двора к большому парку на холмах. Там часто проводили время знатные горожане, красуясь одеждами и драгоценностями, выставляя напоказ породистых лошадей и дорогие колесницы. В парке встречались политики и военачальники, чиновники и купцы, обсуждались дела и принимались решения. Никто не мог случайно попасть на холмы, элита ограждала свое спокойствие от посторонних.

Апсит еле сдерживал коня, ему не хотелось показаться нетерпеливым, он начал осматриваться по сторонам, чтобы занять себя от скуки. То же самое делали его спутники, придавая лицам важные и заинтересованные выражения. Поначалу Апситу казалось, что он что-то упускает из виду, он вглядывался, но ничего особенного не узрел. Когда ему эта бессмысленная затея надоела, он снова заскучал и вспомнил родную Ануху. Чистые сердца бегут от позерства и пустоты. Пройдя сквозь тернии судьбы и повзрослев, мы наполняемся житейским разумом. Апсит же сейчас мечтал о подвиге и славе. На лице его заиграла светлая улыбка. Старшие девчонки тихо хихикали, наивная Мария обрадовалась перемене в его настроении, только Феофан, окунувшись в свое далекое прошлое, безошибочно прочел сладкие юношеские мысли.

Процессия выехала на просторную террасу, с которой начинался прекрасный парк, оборудованный дорожками для скачек, площадками для спортивных развлечений и состязаний. В тени деревьев, у родников были расставлены мраморные скамьи и столы. Там восседали разодетые матроны, окруженные свитой и поклонниками. Молодежь крутилась на спортивных площадках, гарцевала на выхощенных лошадях. Апсит выехал на бего-

вую дорожку и отпустил узду. Жеребец все понял и с места рванул в карьер, удивляя своей прытью случайных прохожих. Вдоль дороги не спеша прогуливались верхом группы всадников, услышав приближавшийся топот, они спешно сторонились и укрывались плащами от поднятой пыли. А Апсит гнал жеребца, все остальное не имело ни малейшего смысла, потому как он гнался за попутным ветром. И только боги судили этот забег...

Уставший жеребец начал сдавать, наездник заметил в стороне большой ручей и направился к нему. Благодарный конь стал жадно пить. Апсит скинул плащ и вошел в прохладную воду. Конь, заигрывая, последовал за ним. Посетители парка оживились, любопытные подъезжали поближе разглядеть странного незнакомца. Апсит же купался и пел песню о любимых горах и лесах, чистых родниках и водопадах своей родины, о дружбе и верности коня и всадника, о меткости лучника и смелости воина. Очарованные греки слушали Апсита, понимая гимн без перевода. Немного позже Апсита разыскали слуги спальничего¹ императора и попросили навестить их господина.

Апсит предстал перед ним, уважительно склонив голову.

– Из какого ты рода? – взволнованным голосом по-абазски обратился к нему чиновник. Апсит поднял голову и осмотрелся. Этот статный византиец оказался абазом, удивленный юноша от неожиданности не нашелся с ответом.

– Меня зовут Ефрата, – продолжил чиновник, – в детстве меня похитили дружинники абазского царя, оскостили и продали византийскому купцу, как какое-то животное. Благодаря славной внешности я попал в императорский дворец, получил образование и должность, вот уже сорок лет я не видел родных... Я рад встрече с тобой, кто бы ты ни был.

– Меня зовут Апсит, отца – Кит, а деда – Урым, мы анухцы.

– Значит, ты из родственников нынешнего царя, внук славного Урыма, расскажи мне про нынешнюю Абазию.

Апсит не спешил рассказывать. Его смутило, что этот пожилой, красивый человек, полный сил и достатка, ни разу не навещил родного очага. Разве это не повод для недоверия?

– Как абазы относятся к своему царю, что думают про Византию и Персию? – нетерпеливо расспрашивал Ефрата.

– Абазия свободна и стоит твердо на двух ногах, все свободные люди добровольно подчиняются своему царю, справедливому и милосердному, – уверенно и спокойно ответил Апсит.

– Что думают абазы об учении Христа?

– Мой дед Урым обошел все земли с востока до запада, он бы сказал, что нет земли красивее и благословеннее Абазии, потому как сам Всевышний подарил нам ее, нет веры чище и мудрее, потому как ее нам завещал вместе с землей Он сам.

Ефрата был удивлен ответами юного Апсита.

– Я не буду спрашивать, почему ты здесь, ты ответил и на этот вопрос.

¹Начальник царских покоев.

Их первая встреча на чужой земле запомнилась навсегда. Тогда они не предполагали, что им еще не раз предстоит увидеться...

Отсутствующего долгое время Апсита уже разыскивали. Старшие девчонки съехали с дороги в сторону, убедившись, что их никто не видит, предались развлечениям. Младшая Мария подняла шум, вынудив и отца приняться за поиски. Она гоняла кучера с колесницей по аллеям парка, пока не обнаружила Апсита, говорящего с незнакомым человеком в укромной части парка. Девочка обрадовалась и закричала. Возница, угождая ей, остановил колесницу рядом с Апситом и незнакомцем.

– Мы думали, что ты потерялся или попал в беду, – с упреком и обиженной миной на лице выскочила из колесницы Мария, – а ты вон как... Она была заметно взволнована. Апсит молчал, Ефрата улыбнулся и отошел. Тут подъехал Феофан, увидел детей и успокоился. Ефрата, окруженный слугами, спешно удалялся, не пожелав общаться при людях.

Появление на «запретных» холмах абазского юноши и его приключения стали предметом сплетен в первых константинопольских домах. Впечатлительные дамы описывали друг другу красоту и статью юноши, другие говорили о его необщительности и скрытности, кто-то вслух предположил его царское происхождение, в чем вскоре уже никто не сомневался. В дом к Феофану начали чаще захаживать городские сплетницы, пытаясь выяснить все до мельчайших подробностей. Однажды пришел высокий чиновник из императорского дворца. Старшие дочери как-то по-другому начали смотреть на Апсита, а Мария просто светилась от счастья, гордясь тем, что она первая заметила привлекательные особенности гостя. Вскоре в дом пришел священник из ближайшей церкви с расспросами, а христианин ли Апсит. Если да, то почему не посещает обязательные воскресные службы. Вся эта суэта изрядно надоела домашним, а Апсит жил своими мыслями и мечтами, изредка вспоминая про отправленное в Абазию послание. Прошел месяц, а ответа все не было, но он не задумывался о причинах задержки. Его новое увлечение жеребцом и элитным парком заполняло все свободное время. Феофан чаще обычного задерживался при дворе, среди горожан росло нервное напряжение – обострилась войны с персами за Колхиду¹. Бесконечные военные кампании Византии выработали у горожан особый характер, их не трогали ни победы, ни поражения на поле боя, если это как-либо не отражалось на их торговых делах или карьере. Устои второго Рима оставались непоколебимыми. Огромной империей правил энергичный, честолюбивый Юстиниан, еще при жизни нареченный Величайшим, Благодетелем, Трофееносным, Присночтимым Самодержцем. Он умело вступал в выгодные союзы даже со вчерашними врагами, подкупая одних и держа в страхе других. Покоренным народам прививался вкус к золоту и торговле. Империя за бесценок скупала сырье, предлагая взамен свои общественные идеалы, моду и страсть к потреблению всего иноземного. Строились новые города, крепости и дороги, по

¹Здесь: Лазика.

которым происходил оживленный обмен товарами и ценностями. Привыкшие к благам вожди и царьки добровольно продавались, становясь проводниками имперской политики на своих землях. Вовремя поняв выгоду от новой религии, окончательно победившей во всей Римской империи, они устремились к христианизации своих народов, дабы окончательно сломить дух к сопротивлению. Юстиниан весьма удачно справлялся со своей исторической миссией, умело используя влияние христианства для упрочения своей власти.

Однажды вечером Феофан вызвал к себе в кабинет Апсита. Вошедшему юноше он показал свиток пергамента, прибывший из Абазии. Феофан знаком усадил юношу и вручил ему послание. Апсит глянул на нетронутую печать, это была тамга¹ деда Урыма. Он развернул пергамент и прочел про себя. Все это время Феофан молча наблюдал за ним. Прошло достаточно времени, прежде чем Апсит познал свой промах. Опомившись, он начал перечитывать вслух.

«Твои родичи приветствуют тебя, Апсит. Благодарим за внимание и заботу твоего попечителя – почтенного Феофана и его домочадцев.

Твой дед Псху дадал находится вдали от Абазии, он был бы рад твоему посланию. Отца и дяди тоже нет рядом, твои братья стали прекрасными наездниками...

Не бойся того, чего не знаешь, непонятное кажется странным и опасным, как тайна рождения и смерти. Но никто не оплакивает родившегося младенца от того, что ему предстоит когда-то умереть.

Ты не случайно оказался далеко от дома. Научись распознавать свою судьбу, дад, и все сегодняшние сомнения покажутся пустяками по сравнению с грядущими. Это есть короткий путь к твоей цели, каким бы нелепым он тебе не казался. Твой дед – Урым (бывший начальник римской когорты).

Слушай свое сердце – оно не подведет и спасет тебя, да защитит тебя святая Аныха, сыночек. Нет дня, чтоб я не молилась за тебя Всевышней Матери-Богине, да не иссякнет тепло очей ее и сердца. Твоя нана».

В кабинете снова воцарилась тишина. Душевные струны Апсита были надорваны, ему хотелось бежать в глушь, чтоб в укромном месте, подобно раненному зверю, спрятать боль и глубокие раны.

Едва успел Феофан пожелать спокойной ночи, как юноша помчался в свою комнату. Привычная обстановка казалась враждебной, он выскочил во двор и направился в конюшню. Вывел жеребца и помчался верхом навстречу ночи к холмам, чем-то напоминавшим родные Анухские. Апсит скакал напрямую, не разбирая дороги в ночи. Жеребец нес, не уставая, по лицу и голове больно хлестали ветки деревьев и кустарников.

В это время молча глотала слезы у открытой ставни в своей спальне маленькая девочка, подслушавшая разговор отца с Апситом...

¹Родовой знак, подтверждающий собственность владельца.

Апсит прискакал в парк на холмах. Преодолев немалый путь, он испытал легкую усталость тела, зато духом слегка приободрился. Усевшись на траву под вековым дубом, он мысленно перелистывал страницы своей жизни, пытаясь вспомнить эпизоды, где принимал собственные решения. Их было не очень много, тогда для уверенности он начал заглядывать в истории людей, которые его окружают. Он вспомнил деда Урыма, абазского царя, своих родителей, хозяина дома Феофана и сделал для себя новое открытие. Оказалось, что любое сложное решение рождается в сомнениях, когда сердце и разум вступают в диалог. И этот непростой договор обретает силу только тогда, когда одна из сторон чем-либо жертвует. И чем важнее принимаемое решение, тем большая жертва приносится на алтарь заветной цели. Он понял, что не бывает идеального решения, и, кем бы ты ни был, надо уметь уступать. Так поступали все, которых когда-либо знал Апсит. Теперь он посмотрел на мир другими глазами. От радости ему захотелось поделиться новыми мыслями с кем-нибудь. Таким собеседником оказался жеребец. Он внимательно выслушал откровение Апсита и многозначительно мотнул головой. Юноша заглянул в умные глаза животного и громко рассмеялся: «А ты это понял, похоже, раньше».

Теперь Апсит не вспоминал о письме из Анухи. Ему было стыдно что-либо вспоминать. Так бывает с каждым, кто когда-то чувствовал, что еще раз повзрослел.

Апсит взял под узды жеребца и отправился пешим домой.

Солнце раскидало во все стороны предрассветный бледный свет, когда Апсит перешагнул порог дома Феофана. В прихожей одиноко горела свеча, отбрасывая тени от разных предметов. Апсит не сразу заметил девочку с заплаканными глазами. Впервые он всерьез взглянул на нее. От счастья девчонка затрепетала, ее глаза, полные обиды и укора, засветились теплом и любовью. Растроганный Апсит подошел и обнял ее за плечи.

– Прости меня, Мария, за глупость, я причинил вам немало боли.

Девочка закивала головой, протестуя:

– Тебе, наверно, не нравится у нас, ты скучаешь по дому, по своей родной Абазгии. Я постараюсь, чтоб тебе не было так одиноко, ведь мы не такие, как ты, правда?

– Нет, Мария, вы хорошие люди и очень добры ко мне. Я сам должен был во всем разобраться. Мои сомнения позади, теперь будет все иначе.

Она с надеждой подняла глаза: «Значит, мы будем настоящими друзьями».

– Да, если судьба не разлучит нас.

Вскоре поднялись домочадцы, Апсит дожидаясь Феофана в прихожей. Ровным голосом юноша объявил попечителю о своем решении остаться в Константинополе и следовать его советам.

– Главное, – подытожил он, – достичь своей цели, оправдать доверие родной Абазгии.

– Аpsит, ты принял решение, которое навсегда изменит твою жизнь, – остался довольным Феофан. – Я рад за тебя, мой мальчик. В ближайшую субботу в кафедральном соборе мы проведем твоё крещение, я все устрою. Затем ты поступишь в семинарию, в воскресные дни вместе с нами будешь посещать церковь.

– Феофан, я хотел бы готовить себя к воинской доблести, и Византии, и Абазии нужны хорошие воины и стратеги.

– Твоё желание легко выполнимо. Все мальчики этой школы посещают уроки военного искусства, впоследствии лучших определяют в первый легион, расквартированный во дворце императора.

ВСТРЕЧА С ПЕРСАМИ

К вечеру царский отряд вошел в Акуа (Севастопольс). Он остановился в укреплении сотника Кита. Царю доложили, что Набеда предпочел остановиться в уцелевшей Клиссурской башне. Туда он направил своих гонцов с устным посланием о намерении встретиться. Набеда принял послание, но выезжать в Севастопольс отказался, предложив встретиться в Клиссурах. И вот Апсха выдвинулся со своим отборным отрядом. Абазы парадом прошли через город и вскоре появились у Клиссурской крепости. Завидевшие их персидские воины всполошились, однако, повинаясь приказу начальника, пустили к себе. Набеда сразу отличил среди всех царя, да и Апсха безошибочно узнал персидского начальника. Это был немолодой коренастый смуглолицый перс с умным и усталым взглядом. «На таком лице ничего не прочтешь», – думал царь, легкой походкой направляясь к «гостю».

– Да ниспадет на главу царя Хосрова благодать богов, да защитят они от гибели и позора его славного полководца и персидское войско, прибывшее в Абазию.

Толмач быстро перевел сказанное царем.

– По приказу владетеля половины мира шахиншаха Хосроя Аноширвана я прибыл с войском в Абазию для защиты от вероломных ромеев наших новых союзников. Приветствую тебя – царь абазов.

Едва толмач перевел слова Набеда, присутствовавшие воины обеих сторон огласили площадь единым кличем в знак мира и согласия. Набеда пригласил царя в башню, там их ждала трапеза на роскошных коврах, сопровождаемая танцами прекрасных баядерок.¹ Абазский отряд спешился и слился с персами....

Так состоялась первая встреча новых союзников. Набеда до конца оставался немногословным. Апсха так и не смог что-либо узнать о военных планах или о судьбе своих посланников в Персию. Не добившись вразумительного ответа, Апсха пояснил Набеда, что в случае военных действий с ромеями ему понадобятся эти лучшие в Абазии военачальники. Набеда одобрительно качал головой, временами закатывая глаза к небу, давая понять, что на все есть воля его всемогущего господина, мудрого царя половины мира, пока половины – убедительно добавляли его многозначительные жесты.

После короткого предутреннего отдыха они встретились вновь, и Набеда поинтересовался, где лучше всего расположить персидское войско. Царь выдержал паузу, будто погрузился в раздумье.

¹Танцовщицы Востока.

– Во всей Абазии нет крепости, которая вместила бы столь многочисленное войско. Только Себастополис с окрестностями могут вас принять, если разрушенные стены вас не остановят. «Ну и хитер», – добавил царь про себя.

«Ну и хитер», – подумал Набеда, равнодушно улыбнувшись в ответ.

Вскоре союзники расстались, не добившись ни доверия, ни военного соглашения, предоставленные в выборе решений самим себе. По всему было видно, что Набеда нехотя выполнял приказ шаха, и нынешняя кампания его не воодушевляла. Военный демарш персов носил политический характер. Он это прекрасно понимал и потому серьезно опасался за свою карьеру. Нахождение долгое время вдали от центров активных действий не сулило ему ни славы, ни богатства. В этом крае золото встречалось редко, даже царь не носил золотых украшений. «Что же нам тут делать? Не защищать же, в самом деле, честь этого нищего народа», – недоумевал Набеда, но открыто роптать не смел, что не мешало ему вести закулисную игру. Наученный инцидентом с апсильским комендантом, он постоянно отправлял провокационные донесения в Персию, полные недоверия к абазам и их царю. Обладая проницательностью и особым коварством, он изучил местные нравы настолько, что без труда мог создать ситуацию, развязка которой была бы ему на руку.

О том, что Набеда коварен и опасен, почувствовал и абазский царь. Он отдал под командование Кита еще четыре сотни, забрав с собой в Анакопу только оруженосцев. Киту приказал не спускаться к персам во избежание ссор и провокаций. Ослушавшегося приказа велено было, как изменника, привязав к столбу, заколоть копьем. «Гибель одного или нескольких ослушников может предотвратить новую войну», – размышлял Апсха.

Медленно протекало тревожное время, не принося царю радостных известий. Доверенные люди сообщали, что торговцы и ремесленники разными способами выехали в Византию, пополняя ряды недовольных. Уже много месяцев не приставали к берегам торговые галеры, заглохли караванные пути, народ нищал и роптал. Изредка контрабандисты, рискуя жизнью, подплывали по ночам на маленьких суденышках к абазским берегам, доставляя нужные им товары взамен на невольников. Вновь начались грабежи, по ночам на дорогах стало опасно. Неспособные справиться с этим злом дадалы, почувствовав легкую наживу, примкнули к разбойникам и даже возглавили некоторые их отряды. Когда-то обиженные царем люди могли открыто заявлять, что не признают его власти над собой, что предпочитают жить по древним родовым законам, чем следовать за ним. С великим трудом собранное воедино царство разваливалось, и Апсха не знал, как с этим бороться. «Чем так – уж лучше открытая война, – в отчаянии горячился царь, – только она сумеет отрезвить обезумевший народ». А поводов для этого хоть отбавляй.

Привыкшие к безделью персидские воины все более назойливо, словно заноза в неудобном месте, раздражали местных жителей. Военные казнокрады больше не платили им денег за провиант и фураж. Все, что хотелось, они забирали силой у людей. Когда закончились запасы у иноплеменного

населения, пришел черед абазов. Однако они сами не упускали возможности пожить за чужой счет и не собирались отдавать свое добро. Как говорят в народе: «Нашла коса на камень». Под страхом казни абазские сотники не вмешивались в эти разборки.

Приключился случай, когда персидский отряд в поисках провизии удалился от Себастополиса в земли Гума дадала. На этих роскошных долинах, вложенных в ущелья, пасся без всякого присмотра общинный скот. Опьяненные возможностью легкой наживы, персы согнали стадо и погнали к крепости. Они не подозревали, что с высоких утесов под покровом девственного леса за ними наблюдали зоркие глаза гумских налетчиков, ждавших своей наживы, безрассудных и отчаянных, не считавшихся ни с чужой, ни со своей жизнью. Их предводитель – близкий родственник Гума дадала по имени Джыр – подал знак, и все затаились. Простое убийство, хоть и чужаков, не было забавным, кроме того, ослушаться приказа царя сулило несчастье. Неслышно, словно звери, они спустились со склонов и по тайным тропам вышли к главной дороге, опередив персов. Увлеченные борьбой с непокорными животными, персы вымотались и потеряли всякую осторожность, не лишнюю в разбое. Когда они приблизились к месту засады, абазы завывали по-волчьи. Напуганное стадо без колебания повернуло обратно в горы, сминая на узкой дороге своих погонщиков. Пролилась первая кровь, резкий запах которой ударил в головы напуганных животных. В еще большей панике, влекомые инстинктом, они ринулись назад. Персы так и не успели опомниться, как обезумевшее стадо сбросило их в отвесный обрыв и растоптало оставшихся на дороге. Ободренные удачей, гумцы беззвучно растворились в лесу.

Весть о случившемся не сразу дошла до города. Несколько спасшихся персидских коней сами нашли обратную дорогу к крепости. Напуганные персы ни на шаг не отходили от лагеря, еще теплилась надежда на возвращение хоть кого-нибудь. В ожидании прошло несколько дней. Наконец командир решил сообщить обо всем Набеде. Персы снарядили большой отряд и отправились на поиски в окрестности Себастополиса. Они долго ходили, пока кто-то не додумался посмотреть в небо. Там вдалеке, над гумской дорогой кружили в небе хищные птицы – падальщики. Вскоре они обнаружили и само место гибели отряда. Все это время трупами животных и людей питалось хищное зверье окрестных лесов. Смердящие остатки их пищи с удовольствием доедали черви и насекомые. Картина произошедшего была ясна. Командир все понял, отряд повернул обратно в крепость. Никто из них не подумал о захоронении обглоданных тел. По персидским обычаям труп человека не предают земле и не кремируют, а в голом виде оставляют в безлюдных местах. И чем раньше труп будет съеден нечистыми животными, тем быстрее его душа попадет на небеса. Значит, умерший жил согласно учению Зороастра.¹ Сей обычай был принят абазами как уродливое искажение человеческой морали, еще один повод для ненависти и вражды.

¹Религия, основанная в VIII или VII в. до н. э. реформатором древней иранской религии по имени Заратустра (греч. Зороастр). Священная книга зороастризма – Авеста.

Утром командиру персидского гарнизона предстояло объясниться с Набеда, и он чувствовал, как слабо держится голова на тонкой шее, и ничто не предвещало чудесного спасения. Все чаще он задумывался о побеге, но это уже был край цивилизованной земли, а бежать за край было не менее опасным. Он бы с легкостью придумал красочную историю о вероломном нападении врага и зверской расправе с персидскими воинами. Однако прекрасно понимал, что подчиненные непременно донесут обо всем, и тогда ему не миновать позорной смерти лжеца и предателя. Ну а покончить с собой ему не хватило мужества. Ничего не оставалось, как отправиться на суд Набеда.

«Неужели в этой чужой, недружелюбной стране я должен бесславно окончить свои дни?», – рыдал перс по пути к Клиссурам.

О том же думал и Набеда, тяжело переживая приговор своему тщеславию. Может, поэтому он спокойно выслушал историю о гибели своих воинов. К удивлению и радости нерадивого командира, начальник отправил его обратно в Севастополис, приказав ждать дальнейших указаний. Набеда же немедленно вызвал писаря и продиктовал ему письмо для шаха.

«Наместник Бога на земле, властелин половины мира Хосрой Аноширван – шахиншах Эрана и Анэрана.

Выполняя Ваш приказ, я привел свой отряд в Абазгию. Передовые части я поставил в разрушенном византийцами городе Севастополисе. Город и страна Абазгия настолько малы, что негде разместить большой отряд. По причине их страшной бедности здесь нет провианта для воинов и фуража для коней. Здесь нет дорог, люди коварны и недружелюбны к нам. Наши воины болеют неизвестными болезнями и умирают от них большим числом.

Жду ваших дальнейших указаний, мой Господин».

С доверенным посыльным письмо отправилось в глубь империи, а Набеда, снедаемый томительным ожиданием, предался утехам с наложницами. Он надеялся, что шах Хосров понимает, насколько легко потерять разнородное войско, утомленное бессмысленным бездельем. Отряд Набеда состоял из диких племен, условно подчинившихся Сасанидскому Ирану, прославившихся грабежами, насилием и разбоями. От безделья они напились и устраивали межплеменные разборки и побоища. Разрозненными группами они бродили по округам в поисках легкой наживы и развлечения. Только постоянная угроза могла объединить его отряды. И если бы неожиданно появился противник, исход встречи был бы для персов весьма плачевным. Набеда с нетерпением ждал наступления зимы, это был бы крайний срок их бессмысленной кампании.

«Заканчивается сентябрь – время сбора урожая, – мыслил абазский стратег, – два месяца до начала зимы, тогда персы удалятся из Абазии на зимовку. Эта кампания не принесла нам спокойствия и уверенности. У нас нет пути назад. Войны с Византией нам не избежать. Скорее, персы больше не вернутся. Абазия разобщена и ослаблена, мы оказались на перепутье. Как учесть ошибки, которые не совершал, как найти правильный ход, один

из тысячи, чтобы сохранить свое царство и свой народ. И это не все. Нужно спасти веру предков, наши обычаи и устои, только так мы сможем считать себя абазями. Сердце шепчет, что ради главного надо чем-то жертвовать, но в этом перечне все главное. Мы готовы пожертвовать своими жизнями, но, возможно, этого будет мало. Чем мы готовы жертвовать еще? Властью и нажитым богатством? Зачем врагу наше оружие и кони? Они хотят владеть нами всецело, и телом, и душой, словно собственными рабами. И наша родина должна будет стать провинцией, как говорил Стефаний. На меньшее они не согласны... Я могу распорядиться своей жизнью, но как быть с другими, поверившими в меня? Ведь это целый народ, который желает только одного: родиться и умирать свободными...

Вечером к Анакопе подъехала группа всадников. Они были немногословны и попросили встречи с царем. Апсха принял гостей – дадалов от зухов и брухов – тех самых, что не вступили в абазский союз. После общих разговоров гости решились рассказать о цели приезда. Слово взял Бруха дадал. Он поведал о том, как плохо живет им из-за ухода торговых караванов, что участились межродовые конфликты, молодежь занялась разбоем. Угоняют скот и лошадей, участились похищения людей, возродилась торговля рабами. «Если в скором времени не поменяются времена, мы сами друг друга перебьем. Соседние племена на западе возобновили пиратский промысел – все же лучше, чем убивать друг друга. Мы решили, что сегодня единственная возможность выжить – возобновление пиратских рейдов к берегам Лазики и Трапезунда. Из наших земель плыть туда далеко. Если ты позволишь, царь, воспользоваться Псынской бухтой для стоянки наших камар, мы готовы делиться с тобой наживой. Все равно войны не избежать, так что плохого, если мы сообща потрепем нашего врага».

– Торговых судов в нашем море почти не осталось, неужто вы думаете нападать на боевые галеры василевса? Или вам не жаль свою глупую молодежь? Не пройдет и месяца, как наступит страшное возмездие. Не готовые открыто отстаивать свою свободу, вы надеетесь безнаказанно грабить. Одумайтесь, вы бесславно погибнете от рук легионеров. То, что Византия наш враг, – истинно. А вот кто вы для нас – до сих пор не ясно! Или свобода, вера и честь для вас ничто по сравнению с наживой?

– Ты прав, Апсха, в своем гневе. Мы готовы вступить в военный союз с Абазией на случай войны. Прав ты и в том, что нашим камарам не сравняться в бою с ромейскими галерами. Мы горцы, у нас нет своего флота, но у тебя же он есть. На своих галерах греки перевозят золото и всякие грузы для воинов, что стоят в крепостях по берегу моря. Они не ждут от нас подобной вылазки, а потому станут легкой добычей. Они бесчестно грабят нас на суше, мы будем им мстить на море. В казне василевса от этого не убудет.

– Вы хотите бросить вызов императору?! Так знайте, вы развяжете ему руки. Они придут на сотне галерах, высадутся на наших берегах, и будут убивать каждого, кто способен носить оружие, остальных будут

пленишь и продавать на невольничьих рынках. Они надругаются над нашими женщинами, осквернят святыни, сожгут города и села, заберут все, что можно унести. Это будет гибель для всех нас. (В глубине души Апсха надеялся, что Абазия может избежать этой участи).

Воцарилась пауза, лица собеседников искажились от напряжения. И тут царь понял, что гостей ему не переубедить, пелена опутала их умы. Ему надо выиграть время, пойти на любую уловку, чтобы помешать их намерениям.

– Оставайтесь на ночь в Анакопе, завтра вы получите окончательный ответ, – бросил Апсха и вышел из дворца, поручив придворным обслужить почетных гостей.

Царь прохаживался по двору, обдумывая план дальнейших действий. Он мысленно обращался к Всемогушим богам с просьбой послать ему решение, или намек – как спасти этих несчастных. И боги сжалились и послали ему прозрение...

Он подозвал к себе начальника гарнизона и повел его к восточному склону Анакопской горы, откуда открывалась панорама моря до самого Севастополиса. Отсюда обозревался амфитеатром спускавшийся к морю Гумский хребет, являвшийся в свою очередь отрогом Главного хребта. А внизу пролегал Псынское ущелье, разделяя их на два противоположных «острова». Казалось, если перекинуть через ущелье мост длиной примерно в тысячу шагов, окажешься на том месте, куда указывал Апсха.

– Здесь мы разобьем лагерь, – посвящал военачальника в свои планы царь. – Эти ветхие деревянные жилища надо укрепить и обнести стеной; здесь устроим главные ворота, перерезав узкую тропу. Вдоль стен построим деревянные дома, удобные для проживания в них семьями. Старый колодец почистим и углубим. В тех местах, где склоны не достаточно круты, выкопаем глубокие рвы. Наш новый лагерь вместит все сотни, перекрыв дорогу, ведущую из Псырта¹ в Ануху к Священной Аныхе. Помнится мне из рассказов, что и в давние времена абазы стояли здесь лагерем, в этом месте им не раз удавалось отбивать атаки и выдерживать осаду врага. С завтрашнего утра приступайте к работе.

– Место для лагеря самое подходящее, не даром его прозвали орлиным гнездом... Твой приказ будет выполнен, – поспешил отрапортовать комендант, немало удивленный подобным разворотом событий.

Апсха нетерпеливо дожидался рассвета, чтобы объявить гостям о своем плане защиты страны. Несмотря на достойный прием, дадалы чувствовали себя невольниками, ожидавшими приговор. После совместного завтрака царь пригласил гостей пройти в отдельную комнату.

– Уважаемые дадалы, я хочу предложить вам путь, который спасет и ваши народы, и Абазию, – царь был заметно возбужден. – Ваши речи стали для меня прозрением, и если решимость быть нашими союзниками в ратном деле непоколебима, я готов предложить самый верный способ. Вчера вечером я приказал начать строительство боевого лагеря в тысяче шагах от

¹Селение, примыкающее к Анакопии с востока, совр. Псырдзха.

Анакопы, на противоположном уступе. Абазы издревле отражали там натиски противника. Лагерь будет раз в десять больше Анакопы. Там смогут одновременно проживать десять сотен со своими домочадцами. Я готов взять на службу мужчин из ваших общин за денежное вознаграждение. Часть из них может приняться за расширение русла Псы, где мы сможем надежно скрывать свои галеры и камары. Сообща мы сможем защититься на море и на суше. И когда мы по-настоящему укрепим, начнем перерезать сосуды, соединяющие великую империю... Призываю вас взглянуть на место, где вскоре будет стоять неприступный лагерь.

Ошеломленные дадалы молча последовали, чтобы с высоты птичьего полета обозреть грандиозные идеи царя. Не менее сотни мужчин расчищали от древесной растительности местность под Анакопой, полные решимости претворить мечту своего царя. Они кололи и тесали каштаны и дубы на брусья для изгороди-частокола. Из липы и граба заготавливали балки и стропила для будущих жилищ и навесов

– Оттуда, – царь указал рукой в сторону реки, – до самого моря будет вырыт широкий и глубокий канал, способный вместить нашу будущую флотилию. Согласитесь, без всего этого мы слабы и уязвимы.

Дадалы внимательно слушали царя, то, с каким жаром и убеждением он пересказывал свою идею. Пламя его души искрами расходилось повсюду, покоря сердца очевидцев. Для них подобное решение было невообразимо гениальным и дерзким и, конечно же, неосуществимым. Эти суровые люди, привыкшие защищаться в природных бастионах и непроходимых местах, не знавшие крепостей и не вступавшие в бой на открытой местности, были покорены смелостью и решимостью царя. Апсха взглянул на лица дадалов и понял, что, наконец, приобрел союзников.

– Нам пора возвращаться, – прервал молчание просветленный Бруха дадал, – для того, чтобы вернуться со своими сотнями. Взгляды собеседников скрестились, сумев объяснить друг другу большее.

– Да не спадет с вас ласковый взор Всесильных и покровительство Аергья¹ в пути, – царь вышел проводить гостей до главных ворот. Они поднялись в седла и по абазскому обычаю подняли в знак мира и согласия открытую ладонь. Едва они тронули, как Апсха попросил их задержаться и вернулся во дворец. Вскоре он подошел, держа в руке два небольших мешочка.

– Здесь двести серебряных, в каждом по сто, это половина вознаграждения. Монеты раздайте тем, кто прибудет с вами на службу в Абазию. Я жду от вас две сотни.

Дадалы с благодарностью приняли аванс и тронулись в дорогу. Апсха тоже не остался в цитадели. Окруженный щитоносцами, он отправился туда, где должна была решаться судьба Абазии.

Стоит отметить, путь в будущий лагерь был длинным и изнурительным. Сначала всадники извилистой тропой по крутому склону спустились к подошве Анакопской горы, затем свернули на восток к реке Псы, чтобы в

¹Бог, покровитель путников и разбоя.

удобном месте, где склоны не так опасно круты, перейти на противоположный берег. Отсюда вновь начинался резкий подъем, ведущий к «Орлиному гнезду». Этот путь своими крутыми изворотами и скальными свесами был очень похож на Анакопский – кони быстро устали и сбавили ход. Апсха занял себя размышлениями. «Надо отдать поручение, чтобы комендант организовал приемку зерна у населения по фиксированной цене... Прежде всего, надо строить амбары и жилища для воинов-строителей. Жилые навесы и конюшни могут иметь односкатные дощатые кровли, покрытые отмученной глиной. Надо пригласить лучших плотников и кузнецов Абазии, предостаточно работы будет и для гончаров, понадобится много черепицы и посуды... Отправлю письмо Стефанию в Византию, чтоб он выслал к нам несколько плотников-корабельщиков, не забыть бы осведомиться об Апсите». Вот уже завиднелись силуэты работников. Сотники, узнавшие царя, радостно приветствовали его. Здесь трудились и простые абазы со своими рабами.

Всадники спешили у колодца в тени орехового дерева. К ним на встречу поспешили военачальники. Кто-то торопливо достал из колодца воду для питья и омовения. Приехавшие с удовольствием освежились и отметили для себя мягкий вкус прохладной воды. Весть о приезде царя и его хорошем настроении разошлась по округе. Люди шли к тенистому месту посмотреть и послушать своего вождя. Кто обратился с просьбой, а кто с жалобой, и на всех он нашел время и проявил царскую заботу.

Апсха сообщил собравшимся, что задумал великое дело, и свершится оно с их помощью. «Новый лагерь станет для вас кровом в мирное время и убежищем на случай войны. Это будет укрепленное поселение, где будут жить ваши семьи и работать мастера на все руки. За стенами лагеря в достатке земли и для выпаса скота, и для выращивания проса. Женщины могут заниматься выделкой шкур и ткачеством. Отсюда близко до Анухи и Псырты,¹ где выращивается много льна. Лучшие кольчужницы и кузнецы будут на казенном обеспечении. Издревле наши льняные ткани считались лучшими у греков. И хоть караванные пути временно закрыты, мы найдем, кому их выгодно сбывать. Каждый участник основания лагеря может рассчитывать на отдельное жилище, а желающие держать оружие – на экипировку за счет казны.

– Да свершится задуманное тобой, Апсха, – отвечали обнадеженные абазы. Первыми на призыв царя откликнулись воины и простой люд, не способный на ратную службу по причине своей бедности. Если сотники по долгу службы выполняли приказ, то простолюдины надеялись заработать на воинское снаряжение, чтобы стать равными среди своих соплеменников. Самым почетным считалось быть всадником. Всадник должен обладать хорошим конем под седлом, убраным сбруей и обученным боевым командам. В общинах жили люди, умевшие за короткий срок обучить и подготовить коня к сражению. Эта услуга недешево стоила. Далее, всадник

носил кожаные доспехи или стальную кольчугу на стеганом платье, шлем или шишак. На руки надевали перчатки и налокотники из кожи или железа. У воина должно было быть два ремня. Первый кожаный собирал одежду, на него закрепляли нож, оселок, кремь и огниво. Второй ремень одевался поверх доспехов, на нем закреплялся меч и боевой топор. И это еще не все. Главной гордостью абазского воина был боевой лук и колчан со стрелами. Щиты у абазов были маленькими и легкими, делались из прочного дерева, защищались металлическими пластинами или грубой кожей. И как ни странно, самым дорогим оружием был лук, как правило, он был составным из разных материалов, украшен золотой насечкой и выгравирован. Очень часто богатые абазы предпочитали изысканные луки иностранного производства, завозимые разными путями из Персии, Византии и других стран. И ничто так не тешило абазу, как хорошее и красивое оружие. Желание владеть им чаще всего толкало его на преступление.

¹Поселение в окрестностях р. Псы, совр. Псырдзха.

ВДАЛИ ОТ ДОМА

Новые истины, приходящие к нам с опытом или даруемые свыше в награду или в наказание, имеют свойство выводить нас из очередных лабиринтов повседневной жизни. Сердце победителя наполняется радостью и уверенностью, бытие обретает новый смысл, давая пищу посветлевшему разуму. И когда везение становится столь частым, что внушает чрезмерную уверенность в собственных достоинствах, мы становимся жертвами новых ловушек судьбы.

Нельзя сказать, чтобы юный Апсит с радостью ждал собственные крестины. Веселое настроение домочадцев, словно малая тень от большого предмета, передавалось и ему, скорее, забавляя. Более других прониклись праздником девочки, они шумно спорили о своих будущих нарядах. Жена Феофана готовилась к торжественному приему. Составлялись списки гостей и меню, прислуга затеяла грандиозную уборку. Один Апсит слонялся без дела. Из беседы с попечителем он выяснил, что среди гостей будут важные персоны из дворцового окружения.

В середине недели произошло радостное событие. К Апситу заглянул друг абазского царя Стефаний. Они уединились в одном из портиков в глубине сада.

– Я получил письмо из Абазии, от Скепарны, – сообщил Стефаний, – он спрашивает о тебе, что ему ответить?

– Как там поживают мои родные, он ничего не написал?

Стефаний в знак отрицания качнул головой.

– Скепарна очень скуп на слова, но мне кажется, что он задумал что-то важное. Абазия на пороге перемен, я это чувствую по тону написанных строк. Все говорит, что он в приподнятом настроении.

Феофан пригласил меня на твои крестины, ты не против, Апсит?

– Я буду безмерно рад твоему присутствию, ты единственный, кто объединяет меня с родиной. (Стефаний признательно склонил голову). Я хотел бы заручиться твоей помощью. Дело такое: мне нужен крестный отец, и когда ты пришел, я подумал, что ты не откажешь.

– Видишь ли, Апсит, я родился и живу здесь, но так и остался чуждым всей этой суе. Ты первый, кому я откроюсь. Меня крестили родители в младенчестве, это не был мой выбор. Отец – знатный человек при торговой палате – не сменил свои убеждения, он выбрал путь к спасению своего положения. В молодости я часто осуждал его за это, но теперь знаю, что он оградил меня от самостоятельного решения. Я не помню, чтобы он говорил что-нибудь о церкви или ее служителях, но его взгляд становился суровым при их упоминании. Он так и ушел из жизни свободным челове-

ком. «Во все времена человек грешил и утверждал, что на то есть воля богов, также непостоянных в своих суждениях и поступках. Сегодняшний человек, делая свидетелем самого милостивого Бога – Христа, именем его милосердного, совершает страшнейшие преступления, неведомые варварам. Именем Бога уничтожили столько людей, племен и народов, сколько не погибло за всю предыдущую историю человечества. То-то еще будет впереди», – его слова, прозвучавшие приговором современному миру, хорошо запомнились Апситу.

– Стефаний, я принял решение, и оно мне далось не просто. Если не ты, так пусть будет крестным отцом Феофан, он хороший человек, и будет рад этому.

– Доверься ему, Апсит. Его мудрость тебе придется познавать долгие годы. Его любят, его словом дорожат окружающие. Он никогда не будет тебя тяготить.

– Смог бы я после всего, Стефаний, хоть на неделю отправиться в Ануху? Мне так хочется взглянуть на родных.

– Тайком проделать этот путь не сможешь. Тебе придется предстать пред Скепарной. Не забывай, что ты неслучайно здесь оказался. Кроме того, попасть нынче в Абазию напрямую невозможно, ведь там стоят персидские войска. И византийский флот туда не ходит. А поскольку в Понтийском море сейчас орудуют пираты из ваших племен, считай, попал не домой, а в рабство. И вскоре ты окажешься здесь же, только в другом месте – на невольничьем рынке Константинополя.

– В таком случае, Стефаний, расскажи царю все, что знаешь, что я сделал свой выбор, и стану христианином, что буду учиться в первой семинарии, буду овладевать науками и боевыми знаниями во благо будущего Абазии. И когда он пожелает моего возвращения, я предстану без колебаний, преодолев немалый путь. У меня остается надежда, что Апсха меня не отвергнет.

– Я одобряю твое решение. Ведь если бы Скепарна вовремя одумался и не упорствовал, возможно, его ждала бы другая участь. Слишком много «если», которые толкают непримиримые стороны к кровопролитию. Как и в те далекие времена, когда право на жизнь завоевывалось грубой силой, «просвещенный и цивилизованный» мир ничем не брезгует и ныне.

– Стефаний, если по-другому устроить мир, незачем рождаться мужчинам? Моя жизнь и многих других не имела бы смысла. Как абаза, я не хотел бы умереть от старости, хоть и в тепле и почете.

– Апсит, ты так рассуждаешь, потому что до старости тебе пока далеко. А жизнь полна смысла и без войны и ненависти. Настоящие воины жертвуют собой не ради пустой славы, а во имя любви к жизни и ближним. Спроси об этом своего деда – славного Урыма, царя Скепарну. Убивать ради славы и наживы недостойное занятие, этим, к сожалению, не гнушается большинство. Как бы долго ни шли войны, победу определяет не итог сражения, а смысл воюющих сторон. Я знаю много блестящих побед, закончившихся несчастьем для победителей.

– Но мне важнее вкусить триумф при жизни, затем я готов к смерти.

– Добившись триумфа, ты непременно захочешь насладиться им. Насладившись победой однажды, ты невольно становишься рабом своего тщеславия, которое будет требовать все новых и новых побед, связанных с кровью и жертвами. Как ты понимаешь, любой триумф нацелен на массы, которые создают себе кумира, любят и почитают его. Но преданность толпы весьма ненадежна. Ей ничего не стоит своего кумира повергнуть ниц и растоптать, чтобы доказать своему истеричному «эго», что поистине всесильно только «оно». Вчерашний герой, увенчанный лаврами, начинает остерегаться масс, он понемногу отдалается, превращаясь в тирана. И когда тирания становится поистине невыносимой, против нее восстают все силы: толпа, ее новые духовные лидеры и новые герои, готовые рисковать своей жизнью в угоду той же толпе. Тирана низвергают, глумясь над его бездыханным телом. Его место занимают новые герои – любимчики толпы, обрекая себя и других к бесконечным повторениям.

– Ты не хочешь быть ни кумиром, ни частью толпы, ни чьим-то идеологом. Ты отстранился от общества, Стефаний, но что получил взамен?

– Вспомни, о чем мы говорили выше. В моей душе безраздельно правит любовь. У меня нет врагов, я счастлив и готов быть полезен каждому, кто способен принять мою помощь. Я посвятил свою жизнь другому, я философ и созерцатель, моя плоть с удовольствием подчиняется разуму, а разум находится в гармонии с душой и небесами.

– По твоему разумению, Стефаний, все мои устремления бессмысленны, я никчемный человек, посвятивший свою жизнь пустому.

– Твои шаги бессмысленны для тех, кто их пережил, для тебя же они важны и судьбоносны. Для того, чтобы прийти к финишу, надо взять старт, но и не каждый стартующий достигает финиша. В тебе есть мужество и упорство, мы верим в тебя, Апсит.

Может быть и так, твердость юноши поколебалась, он усомнился в себе. Ничего нового вроде Апсит сегодня не услышал, он задумался и вспомнил частые рассказы дедушки в родной Анухе, вспомнил слова-молитвы любимой матери, обрывки фраз царя и первых людей Абазии. Говорили о том и древние книги, попадавшие в разное время в руки Апсита. Только его сердце и разум не были открыты.

Затянувшийся диалог исчерпал себя, утомив его участников. Гость поторопился по делам. Апсит не удерживал Стефания, ему хотелось одиночества. Вокруг портика пели птицы, скрывавшиеся в зелени деревьев, неожиданно закричал павлин. Апсит окинул взором знакомый парк. Внутренний голос подсказывал, что не стоит впадать в уныние, забывать о молодости, о свободе и любви. И это последнее слово более всего настораживало Апсита. Он оглядывался по сторонам, будто кто-то мог прочесть его сокровенные мысли и посмеяться над ним. Втайне от всех, несмотря на гложущую душу природную стыдливость, он признался себе, что любовь может быть главным смыслом жизни.

Апсит прислушался к себе и понял, что проголодался. Такой финал душевной драмы рассмешил моего героя. В другое время он постеснялся бы признаться в слабости своего брэнного тела.

Ранним субботним утром домохозяева Феофана были на ногах. Раньше обычного был устроен завтрак – все спешили завершить различные приготовления. Феофан пригласил Апсита в кабинет и по-отечески обнял отрока.

– Прими в подарок новую шелковую хламиду и сандалии, через полчаса придет цирюльник, сегодня ты должен выглядеть по-особенному.

Апсит раньше других завершил свой туалет и скучал во дворе. Первыми к нему присоединились Феофан и учитель, затем пришли Мария и старшие девочки, дольше других задержалась крестная мать – супруга Феофана. Здесь их ждали колесницы и лошади под седлами. Наконец, большая процессия отправилась к кафедральному Софийскому собору. Широкие улицы Царьграда с трудом вмещали всех путников, торопившихся по своим делам. Вырвавшиеся на свободу сорванцы стайками спешили на городские площади в поисках новых развлечений. Два дня в неделю в Византии посвящались церкви и Богу. Посему в эти дни на улицах его городов становилось необычайно многолюдно. С утра толпа стремилась на рынки за покупками, в обед посещали церкви, затем устраивались званые приемы, если не было препятствий по причине постов. Люди ели и пили: счастливые благодарили Бога, несчастные просили Его милости. И те и другие находили счастье в хмельном, сытном веселье. Привычки богатых горожан сводились к тому же, отличаясь лишь размахом и изысканностью.

Представительная процессия подошла к святым вратам кафедрального собора. Отсюда начиналась длинная вереница людей, просящих подавание. Шедший во главе Феофан раздавал щедрую милостыню. Удивленный Апсит шарахался в сторону от протянутых рук, настолько диким ему показался обычай попрошайничества. Мария поспешила к нему на выручку: положила в его ладонь несколько медяков и с радостной улыбкой бросила остававшиеся монеты в протянутые руки. Растерявшийся поначалу Апсит свыкся с обстановкой. Следуя примеру других, он опустошил свою ладонь и поторопился. У входа в собор стоял Стефаний со свертком в руке. Знакомые тепло поздоровались. К Апситу вернулись мысли о великом и божественном. Теперь он внимательно вглядывался в величественные фронтоны, арки, мраморные колонны, увенчанные капителями, и недостижимые своды огромного храма. Зрелище покорило душу впечатлительного юношу. До этого он сомневался, что всемогущий Бог захочет жить в жилище, словно человек. Теперь он подумал, что если ему захочется передохнуть, то это лучшее из мест, что способен предложить ему человек. Внутренняя отделка и богатое убранство храма еще более подкрепили его мысли. «Что, если сейчас он находится здесь и наблюдает за мной?» – Затрепетало сердце Апсита. Многочисленные посетители вели себя кротко и трепетно, подтверждая его размышления. Только сейчас Апсит почувствовал всю ответственность принятого им решения, он подтянулся и сосредоточился. После крещения он обязан будет служить другому Богу, лгать и лицемерить после присяги

недостойно. Страшная гримаса исказила его лицо, время остановилось, события, лица – все смешалось в голове. К юноше подошел Стефаний и подобрал его безвольно свисшую ладонь. Его теплый, уверенный взгляд вернул Апсита. «Мой мальчик, ты вправе растеряться, вспомни привычные ощущения в абазском святилище, ведь это то же самое. Бог один, он не там, где ты его ищешь. Неважно, на каком языке ты обращаешься к нему, богат ты или беден, умен или глуп, стар или молод, – он живет в тебе», – Стефаний прикоснулся к груди Апсита. Чудесным образом юноша вышел из оцепенения. «Сегодняшний шаг важен скорее для общества. Всю свою жизнь ты потратишь на поиски своего Бога, главное, что он нашел тебя первым».

Апсит улыбнулся и поспешил за крестным отцом в левый предел, где проводился обряд крещения.

Вскоре в соборе началась божественная литургия. Новоокрещенные христиане впервые окунулись в атмосферу единения и таинства, очищающего молитвенным словом и песнею.

По христианскому обычаю Апсита нарекли новым именем Пантелеймон, в честь некоего святого. Ему не понравилось новое имя, но он решил: «В Абазии никто об этом не узнает». Теперь на шее у него висел на кожаной тесемке золотой крестик – подарок крестной матери. В новой праздничной хламиде и кожаных сандалиях, с крестом на шее и с модной прической он ничем не отличался от других посетителей храма, лишь редкий пытливый ум смог бы распознать в его огненном взгляде и поступи наивного и вспыльчивого горца.

Утомленный долгой литургией, он смотрел по сторонам на свежее выкрашенные фрески и иконы в человеческий рост. «Неужели Бог и его сподвижники могут выглядеть как обычные люди?» – недоумевал Апсит про себя. Тут он вспомнил рассказ своего деда Урыма про некоего Симона из Канна, одного из апостолов Иисуса, пришедшего в Ануху проповедовать абазам новую веру. В очень преклонных годах он бежал из Римской империи «на край земли» после казни своего учителя. В ущелье реки Псы, что протекает по Анухе, он обжил пещеру, скрываясь там от врагов, диких зверей и непогоды. Анухцы из жалости приносили ему пищу и вино, но в свою общину не принимали. Его повадки и речи показались им странными и опасными. Он любил длинно говорить и при встрече с охотником или просто прохожим заводил рассказ о своем господине – учителе, отдавшим свою жизнь ради спасения всего человечества. Из уважения к сединам абазы не перебивали старца, чьи речи казались им сумасбродными. Слух о проповеднике дошел и до абазского царя и он вызвал старца для объяснений. На Совет были приглашены старейшины со всей Абазии. Симон предстал перед ними. Ему вежливо предложили сесть на скамью, но он отказался. Взволнованным голосом он начал рассказ про своего господина – сына Бога – от беспорочного зачатия до самой казни на Голгофе. Его речь длилась с утра до заката солнца. Никто из абазов не перебил старца. Когда Симон, утомленный, остановился, ему предложили ужин и ночлег. Проповедник торжествовал. Казалось, его речи тронули суровых абазов, никто из

них не выразил ни раздражения, ни усталости. С легким сердцем он принял пищу и отошел ко сну. Наутро снова продолжился Совет. Симон удивленно заметил, что абазы так и не расходились на ночь. Он укрепил свой дух молитвой и снова предстал перед ними. Теперь вопрошали абазы.

– Скажи, Симон, твой господин – сын божий – человек, рожденный от женщины?

– Верно, так.

– Ты говоришь, что он господин над каждым от рождения и до самой смерти.

– Верно, он господин всего живого, и после смерти мы предстанем перед ним, неся ответ за дела и помыслы наши, – отвечал Симон.

– Верно ли, что ты призываешь нас признать его Господом-Богом, преклоняться и молиться о его милости при жизни и после смерти?

– Именно так, это единственный путь к спасению ваших душ.

Видно было, как ответы старца возмутили старейшин. Теперь взял слово главный жрец.

– Ты, чужестранец, призываешь нас быть рабами от рождения до смерти, и после смерти наши души окажутся в вечном рабстве. Ты призываешь нас признать Господом-Богом человека, рожденного от женщины, преклоняться и молить его о милости. Твои речи вредны для свободных абазов. Раз ты искренне веришь в своего Бога, то легко примешь смерть по нашему решению и еще до заката солнца предстанешь перед своим господином.

Удовлетворенные принятым решением, старейшины разъехались по домам, абазские сотники схватили Симона и повели его вниз по течению реки в глухое безлюдное место, где и предали смерти разгневанного старца.

И сегодня абазы помнят то место, где когда-то казнили апостола. Апсит по-другому задумался над древней притчей. Почему суровые абазы не забыли место казни, ведь казнь или убийство – весьма обыденное дело даже и сегодня? Неужели наши предки были впечатлительнее нас? Или пятно позора за убийство немого старца несмываемо даже веками.

Кто-то положил свою теплую ладонь на плечо Апсита, вернув его из далекой Анухи в кафедральный Собор. Апсит оглянулся и увидел Ефрата.

– Поздравляю тебя, юный абаз, с приобщением к христианству. Я рад, что ты встал на истинный путь, который откроет для тебя прекрасное будущее. С верой христовой тебе откроются все врата: и земные и небесные.

Апсит благодарно склонил голову.

– Если понадобится помощь, можешь рассчитывать на мое покровительство. И когда придется спасти заблудшую Абазию, мы должны будем положиться друг на друга.

Апсит понял намек, но постарался скрыть свои чувства. В этой незнакомой стране откровенничать опрометчиво. В поисках подсказок Апсит обращался к эпизодам родной Анухи. С ранних лет дед Урым брал его с собой на общинные сходы, где решались самые разные общественные вопросы: проводилось обсуждение событий и разбирательство жалоб и обвинений. Перед его глазами вставали яркие эпизоды, когда старейшины примиряли

поссорившихся соседей и даже кровных врагов. Разве можно примирить стороны, если говорить все, что в голову взбредет?! «Умный человек и в родню, и во враги согдится», – по возвращении с удачно улаженного дела любил поговаривать Урым. Однажды Аpsит пристал к деду с расспросами:

– Даду, как вам удалось их примирить, они же такие разные, и, к тому же, у каждого своя правда.

– Аpsит, с каждым надо говорить на понятном ему языке, тут нет секретов. Сколько бы ни было правд, истина одна, к ней мы и подводим враждующие стороны.

Многочисленные посетители храма высыпали на улицу, чтобы продолжить привычные дела. Феофан и его званые гости отправились домой, чтобы приступить к праздничной трапезе. Несмотря на осеннее время, полуденная жара торопила блестящую кавалькаду всадников и колесниц в прохладу парков, под сень тенистых деревьев. Многочисленные гости Феофана быстро заполнили двор, тенистые аллеи и портики сада. Почтенные матроны расселись на мраморных скамьях, выставя напоказ увядающие прелести, покрытые дорогими нарядами и украшениями. Они увлеченно обсуждали последние сплетни императорского двора, изредка отвлекаясь на приветствия мужской половины. Дочери Феофана с подругами ходили по тропам парка, временами громко посмеиваясь, переходили на шепот, чтобы великие тайны девичьих сердец не выскользнули на свободу. Неугомонная детвора носилась, передразнивая и перекикивая диковинных обитателей парка. Рабы сновали взад-вперед, накрывая столы изысканными блюдами и напитками. Скучал лишь один Аpsит – главный виновник торжества. Он удалился в дальний угол сада, где бил из-под земли родник, остудил разгоряченное тело и успокоил душу. У него не было ни друзей, ни знакомых среди сверстников, с кем же ему еще быть. Он уселся и отрешенно смотрел на воду...

– Аpsит, вот где ты, а мы все тебя ищем, – звонким голосом ворвалась в его мир розовощекая Мария. – Все уже давно готово, ждут тебя.

Аpsит улыбнулся в ответ и последовал за ней.

Грех не отметить, что византийцы были прекрасными мастерами устройства застолий и пиров. На манер античных предков они умели подбирать слова, поднимать тосты и веселиться. Аpsит сидел в кругу почетных гостей между Феофаном и Стефанием, скромно ел и пил, благодарил за поздравления и добрые пожелания.

ТРАХЕЯ¹

Строительство боевого лагеря забирало много сил и средств из царской казны. Здесь уже работали десятки кузнецов и плотников. Легкие навесы, расставленные вдоль укреплены, защищали ремесленников от солнца и непогоды. Молодой человек по имени Крит, был приставлен смотреть за качеством строительных работ. Благодаря природному дару он успешно освоил механику и строительное дело в Константинополе. Как лучшего выпускника класса, по приказу императора юношу командировали в Лазику для укрепления прибрежных фортов на случай очередной войны с персами. Счастливый юноша отправился морем на первом попавшемся ромейском судне. Однако судьба распорядилась иначе. Абазские пираты захватили судно у берегов Лазики, людей пленили, а все добро перенесли на свои камары. Позже многие пленники выкупили себя за большие деньги. Крит за неимением средств превратился в раба и предпочел остаться в Абазии, нежели быть проданным в другие страны. Из багажа у него осталась на руках лишь книга Ветрувия² о правилах фортификационных построек, оказавшаяся ненужной пиратам.

Юноша не унывал, он легко переносил все тяготы судьбы, укрепляя свой дух мудрыми советами учителей-философов из школьной жизни. «Высокий дух легких путей не ищет», – шептал он себе под нос и усердно крестился в самые тяжелые минуты жизни. Лишенные высокомерия к своим рабам, абазы полюбили молодого грека и часто приглашали к себе на семейные трапезы. Со временем им открылись его знания и талант. Царь абазов неожиданно для всех пригласил Крита в цитадель. После долгой беседы Апсха подарил рабу свободу и назначил приличное жалование в обмен на верную службу новой родине. Его карьера шла в гору, очень скоро он был назначен начальником строительной службы при дворе царя. Абазы нехотя подчинились приказу царя и тяжело выполняли поручения чужеземного начальника. Но и тут выручил «его величество случай». Крит легко завоевал сердце пленительной дочери начальника Анакопского гарнизона и с согласия ее родителей стал зятем и полноправным членом местной знати. Для полного признания ему осталось совершить несколько подвигов, но Крит не ходил в боевые походы, не участвовал в разбойничьих набегах, избегал охоту на дикого зверя, считая это никчемной тратой времени. Одним словом, не спешил никого удивлять

¹По-греч. – труднодоступная, суровокремнистая.

²Римский архитектор и инженер 2-й половины I века до н. э. Автор трактата «Десять книг об архитектуре».

своей доблестью. Он чаще всего сидел с книгой или составлял не понятные другим чертежи и рисунки. Все же абазы надеялись, что при соответствующих обстоятельствах зять видного военачальника не посрамит чести и обязательно отличится своим мужеством и отвагой.

Крит стоял у сооруженной им песочницы и специальной палочкой рисовал на песке предполагаемую линию обороны, основные ворота, прикрытые специальным лабиринтом, и дополнительный узкий проход во внутреннем дворе. Слева и справа от них он расположил две двухэтажные привратные башни, выступающие вперед. Там, где боевой лагерь возвышался над обрывом, он обозначил пунктирную линию, предполагая, что здесь достаточно расчистить крутые склоны от растительности. Северную оборонительную линию он спустил чуть ниже, оставив узел пересечения двух дорог, идущих на Ануху и Псырту за северными воротами. Этот проход был широким и менее защищенным, поскольку рассчитывался не для встречи с врагом, а для связей лагеря с внутренней Абазией. По всему периметру деревянных стен он разместил жилые казармы и навесы для воинов и их семей. Причем высота односкатных дощатых крыш, набитых отмученной глиной, была им рассчитана так, чтобы они служили одновременно мостками для защитников стен от неприятеля. Что касается стен, то Крит их наметил из каштанового бруса, закопанного вертикально в землю двумя сплошными параллельными линиями частокола, пространство между которыми надо было засыпать камнем и глиной. В случае, если неприятелю удастся поджечь внешнюю линию, такая забутка должна была защитить внутреннюю. Он осознал, что ему не хватает опыта боевых операций, ему не нравился строительный материал – древесина. Несмотря на это, Крит был доволен своим проектом, только немного волновался в ожидании заключения царя.

В назначенное время к месту встречи начала прибывать военная знать. Немного погодя подъехал и сам Апсха. После бурных обсуждений последним по проекту высказался Апсха.

– Более всего мне понравилась конструкция стен, однако южные ворота остаются уязвимыми для огня. Предлагаю выложить воротный проем из камня, а брусчатые ворота заковать в медь или железо. Кроме того, здесь не предусмотрены ливневые и бытовые стоки и по всей линии в удобных местах необходимо закопать в землю большие сосуды для сбора дождевой воды на случай пожаров. По фортификации у меня все. Для охраны колодца придется соорудить навес и установить круглосуточный караул. Ты, Кыс, – Апсха обратился к одному из дадалов, – становишься комендантом нового лагеря.

Для присутствовавших такое решение царя стало неожиданным. Весьма часто возвышение одного из дадалов несло скрытую угрозу для карьеры других и воспринималось остро и ревниво. Царь, конечно же, знал об этом, потому его выбор и пал на Кысу, единственную нейтральную фигуру среди всех. По своей природе он не был человеком властным, жадным и мстительным. За ним не числились и яркие дела, но за честность одинаково уважали как в Абазии, так и у соседей.

Совет закончился, и все разошлись выполнять поручения. В напутствие Апсха предупредил, что через месяц Трахея должна стать боевым лагерем.

Можно было усомниться в назначенном сроке, если не знать характера Скепарны. Деятельный человек по натуре, он мог нести на себе невероятный груз и еще подбадривать тех, кто слабее духом. С его появлением в любом деле заканчивался разлад, и оно само начинало двигаться в гору. Он настолько посвящал себя достижению поставленной цели, что забывал о себе, о семье и прочих житейских радостях. Мысль о жене и младенце в ее чреве была спрятана в самом укромном уголке сердца, и когда удавалось отдохнуть, он предавался созерцанию любовных сновидений. Просыпаясь ранним утром, он с грустью вспоминал ночные грезы и немного тосковал. Рядом с ним не было никого из любимых. Скепарна точно для себя решил, что в ближайшем времени отправится через Псху в аланскую столицу. Идея военного союза с аланским царем была достойным поводом для свидания с женой. Утвердившийся в собственном решении, он спешил закончить начатое.

Этим утром судьба принесла ему два письма – две новости. С посланием из Алании в Анакопу вернулась мать царя. Она долгое время томила в крепости брата, не рискуя послушаться решения сына, но как только подвернулся достойный повод, материнское сердце не устояло – она отправилась домой. Мать и сын встретились в воротах цитадели. Скепарна чувствовал себя безмерно виноватым за то, что отдалил от себя ее, а она себя казнила за то, что столько времени терпела разлуку. Прошло несколько месяцев, как от брата, отправившегося с посольством в Персию, не было каких-либо вестей. Полюбившаяся невестка находилась в Алании в отцовском доме. Абазии раздирали интриги и внутренние конфликты. За это время не было и дня, чтобы женщина не молила Всемогущую Псхунуху о защите единственного сына. Он заглянул в материнские глаза и все понял.

– Не отсылай меня больше никуда, сынок, если дорожишь моей жизнью, – ласково попросила она.

– Да, Нан, да, больше мы не расстанемся, обещаю, – уверил счастливую женщину Скепарна.

– Сынок, я никому не смогла доверить и привезла с собой письмо от нашей милой Сатен. Возьми его, – протянула свиток пергамента царю.

Апсха обнял за талию мать и провел ее во дворец.

«Любимый муж мой, царь абазов, пишу тебе из отцовского дома, истомившись в надежде на встречу. Наш сынок становится все больше, заполняя все свободное место под сердцем. Приложив руку к животу, я нащупываю его сердцебиение и говорю с ним о тебе. В ответ он начинает шевелиться и толкаться. У нас будет непременно мальчик, твой наследник и защитник Абазии. Я чувствую это сердцем.

До меня изредка доходят тревожные слухи. Все вокруг оберегают меня и ничего не рассказывают. Это пугает и настораживает еще больше. Есть только один человек, кому я поверю – это ты, мой любимый супруг. Каждую ночь засыпаю с надеждой о встрече с тобой.

Твоя верная супруга, Сатен».

«Мы скоро увидимся, моя царица», – отправил царь мысленное послание в Аланию.

От прежней строгости мужественного человека не осталось и следа. Такое случается с теми, кто устал вершить судьбы других, кто мечется меж долгом и человеческими страстями.

Скепарна победил минутную слабость и вышел во двор. Он не спеша обошел цитадель, осматривая привычные виды окрестностей Анакопы. Море по-обычному катило добрые волны к берегам, помогая одним и препятствуя другим осуществлять свои намерения. Светило заглянуло в глубокие ущелья, радуя густую растительность и живых обитателей своими ласковыми лучами. Это утро не было похожим на другие. Апсха весело беседовал с воинами гарнизона, забрасывал шутками рабов и сам громко смеялся. Гуляя по цитадели, он случайно столкнулся с инженером Критом и комендантом Ксысом, покорно ожидавшими встречу с потерявшим время царем. Тут он вспомнил о назначенном совещании и позвал посетителей под сень орехового дерева. Крит доложил царю о произведенных работах, Ксыс дополнил рассказ, поведал о слаженной работе двухсот рабов анухских жителей и пятисот сотников, среди которых были двести наемников зухов и брухов. Скепарна увлек за собой подчиненных к восточному обрыву горы и показал на голубую змейку реки в глубине ущелья. Ближе к морю русло расширялось и разветвлялось на рукава, заболачивая прибрежную низину.

– Левый рукав реки прорезал более глубокий канал, он менее заиливается, а значит, больше подходит для нашей цели. Прежде всего, перекройте его дамбой из камней, чтобы направить всю воду в правый рукав. Затем углубите русло на десять локтей и расширьте на десять шагов. Обе стороны будущего канала необходимо укрепить каменной кладкой под откос, лишней землей засыпайте впадины в низинах, где застаивается вода.

– Позволь заметить, царь, что главный наш противник – это морская волна. В штормы она будет набрасывать песчаные валы, перекрывая горло канала, – добавил свое замечание Крит.

– Да, это может стать помехой для осуществления нашего решения, – согласился Скепарна.

Возникла пауза, Крит от волнения покраснел.

– Нет, конечно, – попытался найти объяснения инженер, – есть способы для защиты.

– Первый способ, – перебил Апсха, – направить русло канала под острым углом к морскому прибою. Затем соорудить высокий каменный вал, способный выдержать удары волн во время шторма. Этот вал должен заходить в море на некоторую глубину, чтобы противостоять подводному течению, способному засыпать наш ров песком и галькой за очень короткое время. Когда приступите к работам в море, вам будет полезен совет «морского быка» Тира, самого опытного морехода среди нас.

Подчиненные царя, соглашаясь, кивали головами, кто из абазов не знал славного Тира – опытного морехода и начальника флотилии.

– Некоторое время меня не будет в Анакопе. Надеюсь, что к моему возвращению две сотни наших союзников под вашим началом справятся с поставленной целью.

– Будет выполнено, Апсха, – ответили они и покинули цитадель.

Проголодавшийся Скепарна направился во дворец. Как во времена его далекого детства, мать хлопотала на кухне, готовя любимые кушанья сыну. Услышав знакомые шаги, нан вошла в залу, неся в руках поднос с аиладжем.¹ Сын встал навстречу, тронутый материнской заботой, наслаждаясь знакомым запахом любимого кушанья. Он принял поднос, снял горячий ком и отправил его в рот, обжигаясь и смеясь над своим ребячеством. Вот уже четыре с лишним десятка лет, как перерезали пуповину, соединявшую мать и младенца, а духовные нити, как ни странно, с годами становятся крепче. Всю свою жизнь и любовь нан посвятила ему, своему единственному ребенку. Она овдовела, когда сыну шел пятый год. Пережила трудные времена, когда могущественные враги семьи откровенно посмеивались над несчастной женщиной. В особо трудные минуты она вспоминала предсмертные слова мужа, слезы беззвучно стекали по щекам, облегчая страдания гордой женщины: «Воспитай нашего сына мужчиной, – с трудом переводя дыхание от крови, заполнявшей легкие, пробитое вражеской стрелой, он обратился к ней, – когда на его лице вырастет волос, ты поведай ему об убийцах. Пусть узнает, что это произошло не в честном поединке, узнает о тех, кто стрелял мне в спину и кто его покрывает. До тех пор не показывай виду, что знаешь что-либо, потому, как они не погнушаются и вашей кровью. Если даже они придут на мою траурную панихиду и возьмут слово во славу умершего, не навлекай на себя тень подозрения...

Наш единственный сын смоем мою кровь и возвеличит мое имя и вознаградит тебя за все».

Мать с ласковой грустью смотрела, как сын с удовольствием уплетал аиладж. Вдруг нахлынувшие воспоминания возбудили в душе женщины тревогу. Скепарна поднял глаза в поисках материнской улыбки, но тут же, растерянный, погрузил свой взгляд в землю. По ее щеке текла слеза. Женщина вспомнила, как выполнила последнее слово мужа.

Долгие годы она держала в тайне правду, не открыла ее ни братьям, ни братьям мужа, тщетно искавшим убийц.

По истечении года после смерти мужа истлевшие кости предала земле и вернулась в отцовский дом. Для родственников мужа это решение было неожиданным и вызвало пререкания, так как по древнему обычаю дети принадлежали роду отца и должны были расти в кругу братьев и сестер, а вдова должна была выйти замуж за холостого брата покойного. Для того, чтобы не обидеть род мужа, она прибегла к хитрости, объявив, что ее решение вызвано завещанием покойного. Ей не поверили, но принуждать к выполнению обычая не стали, допуская вероятность чего-то такого, о чем

¹Просыная каша, сваренная с сыром.

они могли не знать. При этом они взяли с женщины добровольную клятву у Аныхи, что она никогда не выйдет замуж, и Скепарна, как подрастет, вернется к братьям. На этом конфликт был исчерпан, но неприятный осадок остался навсегда.

В шесть лет Скепарна сел в седло, в десять пускал стрелы, в двенадцать метал копье. Когда он поборол всех сверстников округа, Псху дадал принял решение отправить отрока на учебу в Константинополь. Мать не противилась, понимая, что для выполнения завещания отца мало одной силы, необходимы ум, хитрость и опыт.

Три года не виделись мать и сын. Скепарна вернулся статным юношей, сильно напоминавшим своего бедного отца.

– Сынок, теперь ты настоящий мужчина. Моя совесть перед твоим отцом чиста, я выполнила первую часть его завещания. Вторую часть придется выполнять тебе, родной.

– С радостью, матушка, только скажи, что я должен сделать? – отвечал будущий царь.

– Ты должен отомстить за его кровь, и это не просто.

Юноша замер от неожиданности, он так долго надеялся узнать что-то о гибели отца, что не сразу нашелся с ответом...

– Что же тут необычного, матушка, и почему ты это держала в тайне?

– Сынок, не горячись, твой главный враг – это царь абазов и его приближенные дадалы, среди них и покровитель твоего рода Ануха дадал.

Юноша был потрясен. Он нервно ходил из угла в угол, не в силах ни есть, ни спать, ни думать о чем-либо другом. Мать какое-то время с болью наблюдала за муками сына и, решившись, снова затеяла разговор.

– Не падай духом, сынок, и не суетись. Посмотри вокруг – каждый мужчина имеет кровника. Действуй обдуманно, не спеша.

– За что они его убили? Расскажи все без утайки.

– Сынок, наш царь порочен. Последние десятилетия он открыто бесчинствует, при помощи верных дадалов похищает красивых мальчиков, оскотливает их и тайно отправляет в Константинополь на невольничьи рынки. В тот год, когда убили твоего отца, этот порок только зарождался. Однажды в вашем роду пропал мальчик, родичи кинулись искать, но пошли по обманному следу. Твой отец, человек смекалистый, тайно от других проследил и нашел в глубоком лесу жилище, где держали похищенных мальчиков. Их охраняли верные царю дадалы, исполнители этих дел. Твой отец решил разглядеть лица и подслушать разговоры разбойников. Он скрытно приблизился к сторожке, но собаки учуяли чужака и устроили погоню. Твой отец убежал сколько было сил, а затем поднялся на дерево и оттуда перебил псов стрелами. В логове разбойников начался переполох. Охрана вышла на поиски чужака, времени больше не оставалось, твой отец спрыгнул с дерева и скрылся незамеченным. Он понимал, что его непременно найдут по оперению выпущенных им стрел. Издревле повелось, что ваш род использует для этого перья белого орла, очень редкой и осторожной птицы. По ним они непременно вышли бы на ваш род, сынок, и беды не

миновать. Твой отец решил закончить начатое дело самостоятельно, чтобы не подставить других братьев. Выбрал удобное для засады место и приготовился к сражению. Очень скоро появились возглавляемые Ануха дадалом наемники из гуннов, служившие абазскому царю. Твой отец вышел из засады и предупредил о своем намерении. Завязалась перестрелка, твой отец убил многих, других ранил. Затем он бросил вызов Ануха дадалу, но его нигде не оказалось. Отец решил, что дадал бежал, и решил вернуться, чтобы освободить пленных мальчиков. Вот тут и настигла его в спину стрела дадала. Отец понял, что получил смертельную рану и поспешил домой в родную Ануху. Возвращался он той же тропой, но никаких следов недавней битвы уже не было. Не было ни убитых, ни их оружия. Тут его осенило: ему не показалось, там, у хижин, он слышал голос царя.

Чтобы защитить нас от преследований, я сказала всем, что собаки нашли труп мужа во дворе. Все вышло настолько правдоподобно, что его убийцы пришли на панихиду, сам царь сказал прощальное слово и пожертвовал золотые монеты. При всем народе клятвенно обещал найти убийцу и подвергнуть его страшной казни.

Похоже, время к тому приблизилось, и оно в твоих руках.

– Нан, я хочу попрощаться с тобой сегодня, так как рано утром отправляюсь в родную Ануху...

Позже я вернусь за тобой, может случиться так, что мы не скоро увидимся, не терзай себя переживаниями, все будет так, как предсказал отец.

– Пощади меня, отложим прощанье на утро.

– Я слишком долго, незаслуженно обласканный солнечным светом и твоей любовью, несу неотомщенную кровь собственного отца. Гони меня от себя, презренного.

Женщина вышла из освещенной комнаты во двор, чтобы скрыть слезы и угодить сыну. Тут она поняла, что сын ей больше не принадлежит. Только Всевышние и святая Аныха могут благословить и сохранить ей сына.

Рано утром юноша вышел из дома, оседлал коня и выехал. Заплаканные глаза матери провожали сына до околицы. Затем женщина босиком побежала к Священной горе, чтобы поклониться Псхунухе. Она судорожно повторяла слова молитвы, прося защиты и покровительства для самого дорогого человека, не замечая боли израненных острыми камнями ступней. Два года изо дня в день в любую погоду она проделывала этот путь к алтарю, моля о милости и оставляя в Чаше Даров свои скудные подношения. Когда кончилось все, что можно было опустить в Чашу, она принялась носить на гору неподъемные камни, чтобы ее телесная боль и усталость стали жертвой для всемогущей Матери-Богини.

Письмо из Абазии застало Стефания в Константинополе, собиравшегося ехать на виллу в провинцию. Он пробежал глазами по тексту и понял, что задуманная поездка отменяется. Неожиданное решение об отплытии в Анакопу намного радостнее. Воистину «пути Господни неисповедимы». В Абазии в это время золотая пора, когда поспевают фрукты и наливается

соком виноград, и не жарко и не холодно, лучший сезон охоты на дикого зверя. И главное, там его ждет единственный друг, способный на подвиг ради него, не правда ли, редкость для цивилизованного мира. Стефаний задумался и вспомнил нескольких плотников-корабелов, готовых ради номисмы¹ поехать хоть на край земли.

Тем временем Скепарна собирался в Аланию. Решение об отъезде он принял неожиданно, увлеченный сильной тоской и воспоминаниями. Конечно, рискованно было, пусть на короткое время оставлять Абазию, но и это испытание лучше пережить сейчас, пока нет для страны явной опасности.

Наутро из цитадели выехал эскорт в сторону подгорной дороги, ведущей в земли его матери и оттуда через перевал в земли аланского царя. Выехали налегке, предпочитая добывать пищу охотой на дикого зверя. На этот раз Скепарна допустил нежелательное исключение. Обычно в таких случаях полагалось на живописной поляне вблизи родника принести в жертву для Ажвейпшаа и Аергь барашка или козленка, дабы сопутствовала удача в пути. Телохранителям не понравилось несоблюдение обычая, однако из уважения к предводителю они скрыли свои недобрые мысли. Увлеченный мечтой о скорой встрече, Скепарна ничего не замечал. После шестичасового перехода отряд остановился на привал. Вынули из поклажи копченые сыры, вино, просяные лепешки и быстро перекусили. Тут же паслись стреноженные кони. Несколько воинов отправились в лес на поиски дичи, Апсха расстелил циновку у родника и прилег. Глубокий сон, подобно могучему великану, сковал его в своих объятиях. Он не слышал, как из леса вернулись его телохранители, принесли оленя, привязанного ногами к древку копья, напевая песню лесного божества Ажвейпшаа. Те, кто оставался в лагере, поспешили навстречу, не скрывая восторга и белой зависти к чужой удаче. Охотники быстро разделали добычу, посолили и разложили в кожаные мешки, чтоб на следующем привале его прокоптить. Апсха все спал, тогда охранники зажарили на костре потроха и съели их. После стольких трудов и их потянуло на отдых, они разлеглись под деревьями и задремали. Тем временем царю во сне явилось видение, будто находится он в шахском дворце, где восседает на роскошных коврах и наслаждается песнями и танцами прекрасных танцовщиц. Перед ним стоят подносы со всевозможными яствами, искушая душу даже сытого человека. Вдруг в залу заходит человек, им оказывается его дядя Псху дадал, отправленный им же в персидское посольство. Они обнялись, обрадованные встречей. Апсха усаживает дядю, и они заводят разговор. Псху дадал начинает рассказывать о многочисленных чудесах шахского дворца. «Тут львы и тигры ходят по залам, словно ручные кошки, ласкаясь к людям. А во дворе огромный слон вращает колесо, наполняя акведук родниковой водой. Для особо почетных гостей есть спальные комнаты, куда по приказу шаха приводят красавиц – жриц любви».

¹Денежная мера в Византийской империи.

В разгар беседы неожиданно отворяется дверь, и к ним заходит император Рима – Юстиниан. Скепарна тянется за оружием, чтобы напасть на ненавистного врага, но рука дяди останавливает его. «Посмотри на этого грека, это мой друг Феофан – попечитель Апсита, помнишь, я говорил, что он с кинжалом ходит на медведя»? Царь вспомнил когда-то услышанный рассказ и с недоверием принялся разглядывать вошедшего. Не выдержав тяжелого взгляда, грек обращается к Скепарне: «Несчастный, что так смотришь на меня, лучше открой глаза и оторви свою голову от циновки, а не то пеняй на себя». И тут царь силой возвращает душу в тело и пробуждается. Еще не совсем проснувшись, он понимает, что над ним нависло бездонное звездное небо, слух улавливает тревожный храп верного коня. Скепарна оборачивается в эту сторону и видит перед собой огромную морду старой медведицы, от ее зловонного дыхания царя едва не стошнило. Еле сдержавшись, он потянулся к рукояти меча, теперь он при оружии, но как одолеть огромное свирепое животное одним мечом, да еще и лежа на спине. Животное было сильно возбуждено и начало проявлять непраздный интерес к лежащему человеку.

В момент особой опасности в человеке возникает внутренний диалог между разумом и страхом, сметающим всяческие доводы. Для отчаянных людей вступает в силу третья величина – непокорность «всесильным» обстоятельствам. Высокий дух, закаленный опасностями, по своей «абсурдной» закономерности непременно берет верх, невзирая на риск расстаться со своим бранным телом. Скепарна хорошо знал повадки зверя, но он не захотел притвориться мертвым, потому что был первым среди равных. Он резко встал на колени и занес руку с мечом, зверь на мгновение замешкался, изучая повадки своей «жертвы». Далее должен последовать бросок и подминающий удар лапами. Апсха тем временем привстал с колен и нанес рубящий удар в левую ключицу медведицы. Этим приемом он часто заканчивал схватки, перерубая кожаные латы или кольчугу, затем тело человека до самого сердца.

Медведица выпрыгивает навстречу сверкнувшему клинку, получает удар и сваливается на Скепарну, подминая его своей огромной тушей. Зверь смертельно ранен, но не отказывается от борьбы. Открыв огромную пасть, он тянется к горлу, чтобы привычным приемом перекусить шею своего противника. Не в силах пошевелить телом и уйти от удара, Апсха успевает выхватить из-за пояса акинак и вытянуть руку навстречу зловонной пасти. Отточенный металл входит в глотку и пробивает шейные позвонки насквозь, парализованный зверь обхватывает горло человека, так и не успев сомкнуть смертоносные челюсти. Поединок закончился, все стихло...

От неожиданного шума проснувшиеся телохранители, почуяв неладное, зажгли факелы и кинулись на поиски царя. Потрясенные ужасающим зрелищем, они окружили окровавленное место схватки. Кто-то первый, опомнившись, начал стаскивать с царя огромную тушу мертвой медведицы. Апсха не шевелился. Убитые горем абазы не решались дотронуться

до него. «Что мы скажем своему народу? Как будем жить дальше с таким позором?» – витали в воздухе произнесенные слова. Кто-то скомандовал, царя уложили на циновку и понесли к роднику, чтобы смыть кровь и привести в подобающий вид. С него стянули одежду, обмыли лицо и шею, плечи и руки, грудь и живот. Вдруг один из охранников радостно воскликнул: «Посмотрите, он цел и невредим». Абазги ощупали тело царя. Громкая речь и холодная родниковая вода вывели Скепарну из оцепенения, он открыл тяжелые веки, огляделся и произнес: «Это не мир иной, не иначе, как я жив». Затем, поняв незавидность своего положения, он попросил плащ и сам выбрался из живительного водоема. Тяжелым шагом он направился к месту схватки, абазы шли вослед с поднятыми факелами. Апсха дошел до места и оцепенел, он вспомнил сон и поблагодарил Всемогущих за то, что по-прежнему любят и оберегают. А то, что испытаний не счесть, входит в их божественные расчеты. Абазы разглядывали распластанную тушу медведицы, изучали раны на ее теле и удивлялись мужеству и силе своего царя.

Принимая от охранника чистые одежды, Апсха распорядился:

– Разделайте тушу, из ее шкуры надо сделать чучело в память об особом случае. Внутренности мы приготовим сейчас и посвятим Ажвейпшаа. Не забывайте, на рассвете выходим в путь.

Много раз Апсха был на волоске от гибели, гордыня чаще всего приводит нас к жертвенному алтарю. Никто не знает заранее, где, когда и как ему суждено умереть, пожалуй, это тоже эликсир для мужества. Как бы ни было, пришло время, и предсмертное пророчество отца Скепарны сбылось. Выйдя из отчего дома матери, он напрямик направился в родную Ануху к своим братьям. Собрался весь род. С радостью приняли Анухцы повзрослевшего брата. Старейшина приказал привести быка к жертвенному алтарю Аныхи. Его по обычаю закололи и устроили большое торжество. Только не весел был Скепарна, будто в тягость ему праздник, устроенный в его честь. Тот же старейшина отозвал юношу и завел тайный разговор. Скепарна открылся старцу, он поведал ему о страшной тайне и нестерпимом желании, как можно скорее отомстить за кровь отца.

– Сынок, я знаю, как одолеть врагов. Если будешь прислушиваться, то выйдем победителями.

Скепарна отмалчивался, хотя мысль о том, что он должен думать о своем собственном спасении казалась омерзительной. Старец распознал чувства юноши и поспешил его успокоить.

– Я отец того мальчика, из-за которого погиб твой отец, я давно попрощался со своим сыном, как с умершим, и продолжаю жить. У меня еще трое сыновей – двое из них родились позже, теперь они мужчины, способные за себя постоять. Сынок, надо отомстить так, чтобы не погубить наш цветущий род. И это главное.

Скепарна поднял глаза на старца и смутился, конечно, тот был прав, гнев всегда плохой советчик в серьезном деле.

– Да, дядя, ты прав, я буду рассказывать о своих намерениях.

– С этого момента у нас общие намерения, Скепарна. Я не хочу и тебя потерять. Поговорю с мужчинами нашего рода. Среди них есть хорошие воины, числом до тридцати. Такой отряд способен на многое. Для начала мы выследим нашего дадала на очередном позорном деле, убьем его на месте и публично объявим анухцам о выборе нового дадала. В память о твоём отце анухцы поддержат тебя, это дело я возьму на себя.

– Разве могут анухцы выбирать сами себе дадала без царя? – удивился Скепарна, – Не послужит это поводом для открытой войны?

– По законам Абазии это так. Но мы объявим самого царя вне закона. Уже ни для кого не секрет, что царь похищает наших мальчиков и переправляет их на невольничьи рынки. Абазы поверят в тебя и станут рядом, чтобы отомстить за своих детей. Мы низложим и казним царя при стечении народа, а если абазы захотят выбрать себе нового царя – это их право. Главное, мы покончим со своими врагами.

– Теперь мне кажется, что важнее покончить со злом, угрожающим всей Абазии.

– Эх, дад, я прожил немало и не верю в справедливых правителей; ими движет жадность к власти и богатствам – ничто не в силах изменить их нравы.

– Дядя, я буду справедливым царем, защищать слабых и наказывать зазнавшихся. Я покончу с воровством и грабежами, буду преследовать убийства и межусобицы.

– Дожить бы мне до того времени, дад, чтобы спокойно уйти в мир иной... – старик поднял голову к небу и что-то зашептал, будто переговаривая с богами.

Прошла неделя, прежде чем старец пригласил к себе юношу.

– Скепарна, я сдержал свое слово, тридцать воинов из нашего рода готовы выйти под твоим началом. Сегодня будет лунная ночь, если выедешь в дорогу сейчас, то дойдешь до охотничьей стоянки ко времени. Там тебя будут ждать братья. В пути будь осторожен, наши враги учуяли опасность, они могут устроить тебе ловушку.

– Спасибо, дядя, я буду там вовремя.

Скепарна выехал к назначенному месту. Он никогда не был на этой стоянке, но постыдился спрашивать, будто он чужак какой. Выехав из Анухи, он очутился у развилки трех дорог. Здесь он задержался, изучая следы конских копыт. Чутье подсказывало: «Поезжай по средней». Он без сомнения прищипорил коня.

Ко времени, когда молодой Скепарна свернул с дороги и выехал на поляну, с неба засветился серебряный диск луны. Он шагом объехал пустырь, остановился и заглянул в обрыв. На него навалились сомнения, по спине пробежала тревожная дрожь. «Неужели я ошибся с местом встречи или меня бессовестно предали?» Скепарна еще раз прислушался – мирно журчащий ручей манил к себе. Юноша спешил, подошел и склонился к воде, чтобы заглушить живительной влагой терзающие душу сомнения.

Он не успел прикоснуться к воде, как ему на голову кто-то накинуд полы его собственного плаща и столкнул в родник. Когда Скепарна выбрался, его окружали пятеро воинов с обнаженными мечами. Юноша выхватил из ножен меч, сбросил с себя промокший плащ и ринулся на обидчиков. Завязалась неравная схватка, несколько раз он оказывался на волосок от гибели, но противники не спешили его убивать. Оттесняя противников резкими выпадами, ему удалось выбраться из ямы, выйти из кольца и захватить выгодную позицию. Теперь противники стояли напротив, пытаясь наносить удары по очереди. Скепарна почувствовал превосходство своего мастерства и удачными контратаками сильно смущал противную сторону. Прошло немало времени, ни одна из сторон не могла решить исход сражения. Над головой Скепарны пролетела горящая стрела и впиалась в ближайшее дерево. С противоположной стороны обозначились силуэты людей с горящими факелами в руках.

– Довольно, опустите мечи, – раздался чей-то властный голос. Противники Скепарны опустили мечи и замерли; застыл на месте удивленный юноша.

– Дадраа, самый молодой среди нас достоин быть нашим дадалом.

– Да будет так! – ответили ему многочисленные голоса. Из леса вышел вооруженный отряд с родовым знаменем Скепарны, теперь он распознал своих братьев, возглавляемых Рисмагом. Старец подошел и обнял юного брата. Возмущенный розыгрышем, Скепарна не шевелился.

– Не гнеvisь, дадал, не могли же мы встать под твое начало, не убедившись в твоей доблести. Мы все твои братья, обними каждого и запомни, теперь ты за всех в ответе.

Пока жарились сердце, печень и селезенка, абазы просолили мясо медведицы. Им не хотелось забирать шкуру в дальнюю дорогу, но нарушать приказ не стали. Теперь они вдоволь обеспечены едой на весь оставшийся путь. Апсха нанизал на деревянный трезубец жертвенные части и обратился с молитвой к хранителю всего живого в лесу – Ажвейпшаа. «Хозяин леса и пастух его обитателей, да приумножится живность твоя. Как всегда, мы посвящаем тебе достойную долю, прими ее в благодарность за удачную охоту, с надеждой на покровительство и удачу во все времена». Затем они разрезали части на кусочки, и каждый мужчина вкусил положенную ему часть. Остатки вместе с трезубцем Апсха положил в большое дупло грабового дерева. Туда же снесли все кости от разделанной туши. Самое время, казалось бы, поспать, но абазы расселись у костра и принялись рассказывать забавные истории. То тут, то там раздавался смех. Царь слушал, пока усталость и выпитое вино не одолели его. Воины выставили стражу и продолжали вполголоса веселиться.

Когда рассвет заглянул в лесную чащу, абазы спешно засобирались в дорогу. Апсха оглядел свой отряд и тронул коня. Они направились в сторону горной границы с Аланией. Царь ехал молча, вспоминая прошлое, обдумывая будущее. Телохранители оглядывались и тоже молчали, боясь

потревожить царские мысли. И вот – начальник охраны уловил блуждающую улыбку на лице царя, тут же подал знак – сопровождавшие радостно затагнули походную песню аррашва¹. Апсха оторвался от своих размышлений и поддержал подчиненных. Значит, все хорошо. Будто по команде кони прибавили шаг.

Совершив два привала, царь с отрядом прибыл в земли Пыса, где его с радостью приняли братья по материнской линии. Пока разрешалась праздничная суета, связанная с прибытием высокого родственника, завязался долгий разговор о семейных делах, урожае, политике и войне. Наутро Апсха попросил братьев проводить его к тайникам, где были спрятаны оружие и казна. Он убедился, что тайники надежны, переложил в свой кожаный мешок какие-то ценности и все вместе вернулись в крепость. Царь не спешил отправляться в Аланию. За завтраком он распорядился, чтобы часть отряда выехала вперед с известием о его прибытии. Своих братьев Пыса он попросил принять участие в этой поездке. План действий был уточнен, и отъезжающие быстро собрались в дорогу. Сам же царь изъявил желание посетить Аныху и поохотиться в окрестностях.

В землях Пыса было так много дичи, что охотники брали добычу на выбор, будто из собственного стада. Апсха решил поохотиться на горного тура – животное очень сильное и осторожное, способное перепрыгивать глубокие ущелья, цепляясь копытами за уступы скал. Еще он задумал подбить белых орлов, выщипать перья для оперенья своих стрел.

Местные знали место перехода туров с одной стороны ущелья на другую. В случае опасности осторожные животные переносились на противоположную сторону и скрывались от угрозы. Царь определил направление ветра и приказал небольшому отряду забраться на скалу, что справа. Сам он с одним помощником отправился на левую сторону ущелья по грозным, голым скалам туда, где боги, прикрывшись пеленой облаков, творят свои чудеса. Горы погрузились в сумерки, когда охотники вышли на исходный рубеж. Царь несколько раз углядывал силуэты гордых животных, но часто менявшееся направление ветра оповещало их о преследовании, и они успешно скрывались. Усталость одолела охотников, холодный туман сковал их тела, но никто не думал разжигать костер, это значило бы отказаться от цели. Изредка царь отпивал вино из походной сумки, заряжаясь теплом и силой. Вдруг Скепарна почувствовал, что время настало – вложил стрелу в лук, натянул тетиву и замер.... Встречный ветер донес до охотников звук ссыпающейся гальки. Царь прицелился и пустил стрелу в вожака стада, самца с огромными рогами. Помощник тоже пустил стрелу, чтобы сократить агонию жертвы. Предсмертный крик вожака вывел стадо из оцепенения, оно ринулось в обратную сторону. До полной темноты оставалось очень мало времени. Царь срезал туры рога и поспешил вниз, чтобы переночевать в пихтовом лесу у костра, а не на голых скалах. Наутро охотники спустили освежеванную тушу тура. Апсха попросил братьев приготовить

¹Военная походная песня.

ритуальный просяной хлеб и особые части дичи для подношения святой Аныхе. В полдень приготовления закончились, и процессия, возглавляемая жрецом, начала восхождение к жертвенному алтарю Псхуныхи. Абазы просили у Всемогущей защиты и покровительства, каждый думал о своем, но всех объединяли светлые чувства и мысли. После ритуальных возлияний Апсха подошел к каменной Чаше Даров, здесь он узнал много семейных вещей. Рядом с Чашей горкой лежали сотни камней, поднятые сюда его матерью. Пройдут века, но память о силе материнской любви ничем и никем не сотрется.

Первую встречу с братьями Скепарна запомнил навсегда. Утром братья присягнули молодому дадалу и в добром духе приступили к охоте. Ажвейпшаа был особо щедр и послал им множество дичи. Туши разделявали, солили и коптили. Поохотившись вдоволь, братья решили вернуться обратно в Ануху. Чтoб не вызвать подозрения властей, отряд возвращался тремя группами в разное время. Старейшина рода выехал вместе со Скепарной, чтобы в дороге обсудить планы на будущее.

– Дад, до меня дошли слухи, что твое возвращение на родину встретило убийц отца. Скоро они узнают, что ты сблизился с нами, надеюсь, это помешает вероломному покушению на тебя. Твой отец был лучшим воином, может, поэтому он предпочитал быть одним, что его и сгубило. Мне хочется верить, что ты, Скепарна, пойдешь дальше своего отца...

Юноша понял намек старика и лишь склонил голову в знак согласия.

– По возвращении домой тебе надлежит явиться к анухскому дадалу и заявить о своей готовности служить под его началом.

– Если он потребует присягу на верность, я не смогу солгать, лучше мне там не появляться.

– Нет, Скепарна, для тебя он сделает исключение, сам твой визит напомнит о старом грехе, что испугает его лживую душу. Он будет всячески обхаживать и ублажать тебя. А если ты сошлешься на спешные дела и захочешь удалиться – он только обрадуется. Главное, тебе не потерять спокойствие и не возбудить в нем подозрение. В последнее время он стал очень осторожным и мнительным... Возьмешь с собой моего старшего сына Чина.

– Сколько человек его охраняют, дада?

– Всегда по-разному, обычно это его сыновья и племянники числом до десяти и более, такие же негодяи, особенно опасен его старший сын Хмыч – зазнайка и задира, к тому же сильный воин. Он еще и жесток, в поединке он не знает пощады.

– Значит, я буду первым, – спокойно ответил Скепарна.

– Ты что-то задумал, – в глазах старика пробежали тревожные огоньки, – чтобы ни было, пусть покровительствуют тебе Всесильные боги и святая Аныха.

Больше разговор не клеился: Рисмаг, недовольный, насутился; Скепарна ушел в свои мысли, тайно улыбаясь в ус.

Скепарна остановился в Анухе в доме младшего брата Рисмага. Братья настойчиво предлагали выстроить акауцв на месте отцовского, порушенного временем. Юноша под разными предлогами отпирался, братья долго недоумевали, пока, наконец, не смирились с его упрямством.

Время шло, Скепарна не забывал о совете Рисмага. Однажды собрался навестить анухского дадала. Он выехал со двора и направился к главной дороге, обдумывая грядущие события. Время и расстояния сближаются, когда ждешь неотвратимые события. Конь Скепарны остановился у крепких ворот усадьбы, преграждавших путь к широкому двору и большому дому с каменным цоколем. Тринадцать лошадей стояли на привязи, переминаясь с ноги на ногу в дань какой-то древней традиции. Под ореховым деревом в середине двора сидели мужчины и о чем-то громко разговаривали. Свесившись с лошади, Скепарна протянул было руку, чтобы скинуть воротный затвор, как вдруг услышал за спиной: «Есть здесь хозяин?!». Это был Чина, посланный вдогонку Рисмагом. На его лице было заметно плохо скрываемое недовольство. На призыв во дворе откликнулись. Подбежал мальчик, открыл ворота и пропустил гостей во двор. И тут же побежал обратно, показывая на перевязь, чтобы помочь спешиться и привязать коней. Прибывшие направились к ореховому дереву. Мужчины обменялись приветствиями. Чина представил своего спутника. Кто-то из них вспомнил славного Бага, и завязался новый разговор. Для себя Скепарна понял, что эти люди – представители других кланов Анухи – также ожидают приема дадала. Сам же он с вечера отбыл в Анакопу и должен скоро вернуться.

Развалившиеся в тени деревьев хозяйские псы встрепнулись и побежали к воротам, скуля и лая. Разговор под ореховым деревом прервался, Скепарна напряг слух и зрение...

Через какое-то время послышался топот копыт и на дороге появился небольшой отряд всадников с развевающимся на ветру стягом Ануха дадала. Все сидевшие под деревом заблаговременно встали – решение их вопросов напрямую зависело от благосклонности и настроения этого человека. По лицам ожидавших было видно, что тут каждый за себя. Скепарна, потеряв всякий интерес к происходящему, направился к привязи, намереваясь уехать со двора. Тут и произошла их первая встреча. Юноша вложил левую ногу в стремя, когда дадал был у привязи и собирался спешиться. Лица стоявших группами анухцев напряглись в ожидании развязки столь дерзкого поступка. Подбежавший к своему господину мальчишка, почувствовав неладное, замешкался. Дадал задержался в стремях и громко выругался, слуга засуетился еще больше и подошел не с той стороны, конь испуганно покосился, отпрянул и встал на дыбы, чуть не опрокинув почтенного всадника. В это время Скепарна уже был в седле, к дадалу стремглав подбежали охранники, сбили мальчишку с ног, успокоили коня и спешили хозяина. Теперь все свирепо рассматривали непочтительного юношу, из-за которого чуть не произошло несчастье.

– Ануха дадал, позволь поприветствовать тебя от имени всего моего клана, – решил смягчить обстановку подошедший к привязи Чина. – Мы с братом пришли, чтобы отметить свое почтение и наладить знакомство, – Чина рукой указал на дерзкого всадника.

– К чему это все, неужели мои годы не заслуживают более привычного способа знакомства, – дадал сделал вид, что смягчился и простил за оплошность. – Юноша, подойди ко мне, твое лицо мне напоминает лик старого друга, да не отойти тебе в мир иной, пока он не воскреснет. Чтоб молния сразила меня, если ты не его сын.

Скепарна сошел с коня, подошел к дадалу, придерживая одной рукой за узду, и склонил голову.

– Мое имя Скепарна, я сын Бага, закончил семинарию в Константинополе и вернулся в родную Ануху, чтобы прославить свой род и Абазию.

– Никто из моих подчиненных не высказывался подобным образом, наверное, твое сердце полно удали и отваги, молодец Скепарна. Вижу, ты готов продолжить добрые дела своего отца, возвеличить светлую память о нем. – Дадал сделал несколько шагов к ореху и обратился к ожидавшим приема анухцам: – Расходитесь, вас я приму завтра, сегодня у меня много дел. Затем он пригласил юношу под дерево, усадил в тени и отеческим голосом начал расспрашивать. Двое телохранителей с хищными лицами крутились рядом, пока он не отослал их в дом, приказав быстро приготовить угощения для почетного гостя.

– Расскажи, сынок, чему тебя учили в столице, какие новости политики и военного дела ты привез с собой.

– Я обучался разным наукам и военному делу у лучших мастеров империи. Меня вербовали в первую дворцовую когарту, но я отказался.

– Почему ты отказался – это большая честь для абазского юноши? И возможность для блестящей карьеры.

– Я не мог оставаться более, обещал матери вернуться после окончания учебы.

– Ты, конечно, правильно поступил, но теперь, наверно, мучаешься от скуки?

– Не то слово, мучаюсь. Если поначалу новые знакомства занимали меня, то теперь уже все надоело. Хоть бросай все и отправляйся, куда глаза глядят.

– Эх, дад, горячее у тебя сердце, иди ко мне на службу, станешь правой рукой, скучать будет некогда. Подумай день, другой, но не затягивай – свято место пусто не бывает. Назначу тебе жалованье, будешь верно служить – моя благодарность тоже возрастет. А сейчас пойдем в дом, вместе отобедаем.

– Спасибо за приглашение, но я вынужден отказаться, мне с братом надо поторопиться домой, есть дело, не терпящее задержки.

Дадал особо не настаивал, лично проводил посетителей до ворот и напомнил о своем предложении. Так он и стоял, пока силуэты всадников не скрылись за холмом. Еще долго после этого он мысленно возвращался

к этой встрече, почесывая правую ладонь, с неприязненным и опасливым выражением лица. Необычное поведение дадала насторожило его близких. Еще больше насупился суровый Хмыч. Он догадывался о причинах беспокойства отца, но первым не заговаривал.

– Дад, Хмыч, чувствую, старость закралась в меня, все мне не так. Я хотел бы, чтоб дадалом Анухи после меня стал ты.

– А что может помешать этому, отец? – усмехнулся сын.

– Ты забыл, что абазы свободные люди, они сами выбирают себе дадала. Ты мужественен и силен, но свиреп и жесток, тебя боятся и не любят.

– Зачем мне их любовь, я повергну любого, кто перейдет мне дорогу, не этому ли ты меня учил, отец?

– Иногда и мне становится страшно. Я тебя учил и другим вещам, но это ты усвоил лучше.

– Этого щенка я уберу по твоему приказу или по собственному желанию. Зачем его приближать и посвящать в наши дела? Разве мало было неприятностей от его отца Бага?

– Потому я и хочу привлечь его. Тогда анухцы отвернутся от него, а у нас появится возможность потерять его в каком-нибудь набеге.

Мое сердце не спокойно за тебя, предводитель должен быть силен и хитер. А этот юноша, похоже, пойдет дальше своего предка.

Всю дорогу домой Чина мрачно молчал, не понимая причину столь веселого настроения своего спутника. Ему казалось, что их теперешнее положение просто ужасающе, и песнь Скепарны о ратных походах горца и его скорой удаче просто неуместна. Чина равно злился и на своего отца, доверившего этому юноше судьбу всего многочисленного рода. Наверняка он порвал бы свои обязательства и покинул его, если бы не страх послушаться своего родителя.

Спустя два дня Скепарна вновь выехал к Ануха дадалу в полном походном снаряжении. По пути он переговорил с Рисмагом, попросив подождать его дальнейших распоряжений. Скепарна застал дадала за завтраком. Тот «искренне» обрадовался намерению юноши и даже заплатил аванс – несколько греческих монет серебром. Гостя усадили за стол и обильно угостили. Дадал понемногу ввел его в курс дел, которыми будет заниматься новый подчиненный. Первое – он обязан сопровождать его в качестве телохранителя и присутствовать на приемах, принимать участие в военных кампаниях абазского царя. Второе – ему будут доверять особые поручения, в том числе «деликатного характера». Третье – у дадала тоже бывают свои дела, независимые от царских, их четкое выполнение может сделать юношу богатым и влиятельным.

Скепарна не спрашивая ни о чем, легко согласился, изображая чистое в таких случаях юношеское легкомыслие. Оба собеседника остались довольными соглашением. Дадал велел собираться в Анакопу на прием к царю. Это было его первое посещение Анакопы и первая встреча с ненавистным врагом. Ему были интересны все детали встречи, диктуемые не праздным любопытством, а далеко идущими целями. Деспота окру-

жали наемные телохранители из гуннов-кочевников, отличавшиеся прекрасным владением конем и оружием, сплоченностью и жестокостью. Им были чужды мораль и совесть, даже страх смерти с ранней молодости покинул их. Здесь у них было все, что соответствовало их представлениям о счастье. Скепарна тайком разглядывал каждого, пытаясь распознать их уязвимые места. Царь оказался слабым на здоровье пожилым человеком, мнительным и подозрительным. Он сразу приметил новичка в отряде дадала и заинтересовался им. Темой обсуждения на Совете оказался вопрос об отношениях с Византией и Аланией. С тех пор, как Юстиниан укрепился на троне в Константинополе, местным царям становилось все туже и нестерпимее. Император, раздраженный властолюбием и определенной самостоятельностью провинциальных царей, всячески стремился урезать их власть, с одной стороны перекрывая экономические источники, с другой стороны вводя смуту среди местного населения. В условиях постоянных войн с Персией ему стало необходимым добиться полного подчинения всех провинций, дабы предусмотрительно избежать предательства или козней. Чувствуя шаткость и неприглядность своего положения, абазский царь был растерян и озлоблен. Потеряв поддержку мощного сюзерена, царь не был способен реально влиять на обстановку даже на своей территории. Византийские вельможи, ранее покровительствовавшие поставке рабов с берегов Абазии, теперь громогласно кричали, что порочных властителей следует низложить, отрицая, что сами с удовольствием пользовались их особыми услугами. Более того, они подстрекают алан к враждебным действиям против разобщенной Абазии. Укрепляя золотом аланское царство, защищающее подступы к Кавказу с севера, ослабляют царства, относящиеся собственно к империи. Скепарна внимательно приглядываясь к собравшимся военачальникам со всей Абазии. Некоторых он знал лично, об остальных был достаточно осведомлен. Подобно царю, они были заражены лживостью и жадностью, из своей среды выделились благодаря интригам и лицемерию. «Со всем этим безумием надо скорее кончать, никто из них не думает об Абазии», – открыл для себя Скепарна. Он удивился своей решимости идти до конца. Заглянув в глубь системы, он устыдился замыслу обычной кровной мести. «В угоду Византии они предадут этого царя, затем будут предавать и нового хозяина. А ведь Юстиниан прав, – сделал для себя еще одно открытие Скепарна. – Их легко победить – достаточно взять врасплох. Из сотни вооруженных людей, собравшихся в цитадели, немногие возьмутся за оружие, скорее, они будут спасаться бегством с награбленными богатствами».

Все разговоры на этом Совете сводились к спасению собственной власти. Лишь одно предложение о поиске союза с аланами можно было отметить дельным, если не понимать, что в этих условиях союз не мог состояться. В итоге совещающиеся разругали всех врагов Абазии и, успокоив души, на этом разъехались. По дороге в Ануху дадал пытался неуклюже оправдать действия местных вельмож. Остановился на том, что времена скоро будут меняться, надо не сидеть сложа руки, а активно укреплять свое благососто-

яние, так как в передрыгах судьбы деньги становятся еще нужнее. Скепарна безучастно кивал головой, поддерживая рассуждения собеседника. На развилке дорог дадал придержал коня и велел Скепарне отправляться к себе домой, с условием о встрече через два дня.

В назначенный день молодой Скепарна подъехал к дому Ануха дадала. Какое-то время ему пришлось подождать во дворе, пока из дома не выбежал мальчик. Выполняя поручение хозяина, он пригласил юношу в дом, по пути мальчишка проболтался, что хозяин утром не поднялся с постели, сославшись на какую-то странную болезнь.

– Заходи, дад, навести старика, может, твой добрый взор вернет мне былую силу, – прохрипел дадал, не вставая с постели.

Скепарна зашел и в почтении склонил голову: «Да умножатся твои годы в добром здравии, дадал». Незаметно для других он осмотрелся по сторонам – за занавешенным углом заметил стопку грязной посуды, едва убранной после сытной трапезы.

– Присядь поближе, поговорим, – предложил дадал. Скепарна подобрал табуретку и присел рядом с тахтой. – Чуть занемог – ни сыновей, ни племянников не найти: все разбежались, будто пожар тушить, – старчески ворчал он.

– Не стоит волнений, я здесь для того, чтобы исполнить любую твою просьбу либо приказ...

– Знаю, знаю, сынок, по твоему поводу я спокоен. Тебе придется ради старика съездить в соседнюю общину в Иашкыт к тамошнему лекарю. Я составил для него послание, – дадал протянул юноше кожаный мешочек, – здесь и вознаграждение для него. Завтра возвращайся с лекарством, только он сможет быть мне полезным.

– Хорошо, дадал, я уже отправляюсь, – в дверях ответил Скепарна.

Со спокойным сердцем выехал Скепарна со двора, на одном из переулков ему повстречались сыновья дадала на взмыленных лошадях во главе с Хмычем. Они и не думали пропускать встречного всадника. Юноша почувствовал опасность и вовремя убрал коня с дороги. Мчавшиеся всадники окутали его облаком дорожной пыли, словно стрелы вонзались в спину их едкие насмешки.

Ближайшее окружение Ануха дадала возвращалось с ночного разбоя, на этот раз они ослушались его, обвинив в слабости и безволии. Он и в самом деле был растерян – возвращение сына славного Бага, преклонный возраст и страх за собственную жизнь парализовали его волю. Старик почувствовал, что час расплаты приближается. Это сделало его подозрительным даже к собственным сыновьям. Он стал простым, никчемным старикашкой. Вернувшиеся домой его люди громко обсуждали ночные события, он не хотел слышать их веселые голоса. Начал звонить в колокольчик – слуга не пришел. Разгневанный старик собрал все силы и привстал на ноги, полный решимости войти в залу и приказать всем замолчать: они не должны столь громко радоваться жизни, когда ему так одиноко. Удерживаясь за стены, он дошел до порога и отворил дверь в залу. Все умолкли, дадал открыл рот

и что-то неясное прохрипел: накопившиеся в нем горечь и злоба, не сумев выйти наружу, свалили старика. Домочадцы подняли тело дадала, уложили в постель, кто-то послал за анухским лекарем. Все это время больной лежал неподвижно с закрытыми глазами. Лекарь, осмотрев больного, оповестил домашних, что дурная кровь ударила в голову, чтобы облегчить страдания – необходимо выпустить кровь. Начались приготовления: лекарь извлек из поклажи бронзовую чашу, небольшое бронзовое долото и молоточек. По его просьбе больного уложили на правый бок, после чего лекарь нащупал на лбу вену, подставил сосуд и вскрыл вену долотом. Из раны вытекла черная кровь, быстро наполнившая сосуд, затем он помазал рану целебной мазью и наложил на лоб крепкую повязку. Дадал все еще не приходил в себя. Лекарь собрал инструменты и отправился к себе, посоветовав открыть двери и молиться богам в надежде на их милость.

Скепарна быстро отыскал знаменитого лекаря из Иашкыт, он оказался простым и добродушным человеком. Выслушав причину приезда гостя и прочитав послание, он предложил юноше заночевать у себя, а на рассвете отправиться с лекарством в Ануху. Юноша сел у тлевшего очага и решил понаблюдать за приготовлениями. Из разговора с лекарем он понял, что дадал попросил изготовить лекарство, снимающее любую боль и усталость.

– Достаточно принять несколько капель – и больному становится легко, ему видятся чудесные явления, – рассказывал лекарь, стоя над очагом. – Я однажды на себе испытал это средство. Сперва у меня появились крылья, и я полетел, словно горный орел; потом я плавал в море, как рыба; я повидал невиданные земли и чудеса, все это время я не ощущал своего тела. И каково было мое разочарование, когда я очнулся на своей прокоптившейся тахте у этого очага. Скепарна сразу понял, о чем идет речь, но, прикинувшись несведущим, спросил:

– От каких болезней лечит оно и как часто его можно употреблять?

Лекарь остановился на миг, посмотрел юноше в глаза и ответил.

– Чаще всего оно помогает знатым и богатым достойно встретить смерть или безнадежно раненым воинам доживать последние часы. В других случаях оно со временем превращается в яд, убивающий тело и душу...

Погрузившиеся в собственные мысли собеседники замолчали.

К утру Ануха дадал открыл тяжелые веки и с трудом посмотрел по сторонам. Вернувшийся разум не мог справиться с разбитым телом. Слуга поймал взгляд больного, остановившийся на кружке с водой. С трудом старик сделал три глотка и тяжело вздохнул. Спустя время, пошевелил пальцем правой руки, издал какой-то звук. Слуга призыва не понял и вышел из комнаты за домочадцами. Те, обрадованные новостью, что больной пришел в себя, шумно вошли в спальню. Старик однажды поднял и опустил веки. Удрученные его отрешенностью, родственники постояли у тахты, затем, найдя это занятие никчемным, также дружно вышли и разошлись по своим делам. Старик снова открыл очи и прохрипел что-то невнятное... Слуга не понял, и больной, потеряв надежду, смолк...

Солнце, не выдержав поединка с надвигавшейся ночью, стремительно закатывалось за горизонт, когда во двор Ануха дадала въехал Скепарна. У привязи его встретил слуга, поведавший о случившемся с дадалом ударе. Скепарну новость расстроила, он ускорил шаг, словно скорбящий родственник, и вошел в спальню. Старик неподвижно лежал, будто в забытии. Юноша поднял глаза к небу и шепотом обратился к богам со словами молитвы... Больной открыл глаза и облегченно вздохнул. Скепарна вышел из оцепенения и протянул руку, показывая доставленное лекарство.

– Мои труды были напрасными, думаю, оно тебе не понадобится, – с горечью выпалил Скепарна. Было видно, как у старика сморщился лоб.

– Я не думал о такой «мести». Перед тобой стоит твой кровник, сын славного Бага, бесчестно умерщвленного тобой.

Больной затрясся.

– Разве поднимется моя рука на жалкого умирающего старика, не способного открыть рот и пошевелить пальцем. О, Всевышний – вершитель судеб, чем я заслужил твою немилость, всю жизнь мне придется довольствоваться памятью о том, что он безвольный умер на моих глазах. Как я смогу вернуться к своей матери, не выполнив клятвы, данной ей и тебе, Всемогущий?

Обезумевший Ануха дадал попробовал приподняться с тахты, но, не справившись, рухнул; преодолевая мучительную боль, попробовал крикнуть. Только хрип он сумел изречь, изо рта хлынула густая кровь. Не в силах ни выплевывать, ни глотать ее, он задышался и мучительно умирал. Тело в судорогах скорчилось, по лицу пробежал страх, сменившийся маской смерти. Скепарна вышел во двор, вскочил в седло и стремительно выехал за ворота. Гнев понемногу прошел. Он ехал и обдумывал будущее.

На седьмой день после смерти Ануха дадала во дворе его дома собрался народ, чтобы отправить покойного в последний путь. Согласно древнему обычаю, анухцы закололи огромного быка. Мясо отправили на угощение гостям, а шкуру тщательно обмыли. Обмыли самого покойника, и завернули нагого в бычью шкуру, после чего перенесли труп в поминальную рощу и подвесили в крону деревьев. Анухцы ждали, что приехавший на панихиду царь предложит избрать нового дадала, однако тот не задержался до поминальной трапезы, что вызвало разные домыслы. Старший сын умершего – Хмыч, не сомневающийся в своих достоинствах, был зол и метал молнии. Сторонники Скепарны тоже были разочарованы, потому что склонили многих уважаемых людей из разных родов на свою сторону. Здесь этот вопрос можно было решить без кровопролития – Хмыч не посмел бы взяться за оружие на похоронах собственного отца.

Прошло еще несколько дней неведения, после чего старейшины Анухи решили отправить делегацию в Анакопу за разъяснениями. Возглавить делегацию было поручено Урыму, состоявшему в почетном списке римского легиона. Прослышав о намерениях анухцев, Хмыч со своими единомышленниками опередил их. Спустя какое-то время состоялась их встреча в Анакопе. Царь принял послов из Анухи без всякого уважения, положенного по случаю. Он не предложил послам присесть и разругался площадной бранью. Больше всех досталось Урыму:

– Ты, римский прислужник, посмел прийти сюда, будто я не знаю о вашем заговоре, – обрушился на него царь.

– Мы пришли к тебе с миром, по делу. Я служил Риму по контракту. Не ты ли присягал Риму в вечной верности, и не тебе говорить со мной в таком тоне. Видно, что здесь уже поработали злые языки, – Урым указал рукой на привязанную поодаль лошадь Хмыча.

– Да провались этот Рим, а смуту среди абазов я не потерплю, так и знайте. – Потерявший самообладание царь вскочил и замахнулся на анухцев камчой,¹ да так случилось, что дрожащая от волнения рука не удержала ее, и, выскользнув, она ударила Урыма по лицу. Тот обнажил висевший на боку меч, но подскочили телохранители гунны и унесли продолжавшего браниться царя.

– Крохи в рот не возьму, пока не отомщу за унижение, – пригрозил царю Урым.

Оскорбленные послы покинули цитадель. Теперь Урым командовал, как на войне.

– Завтра на рассвете, пока туман не сойдет с горы, ваши люди в боевом порядке должны стоять у стен Анакопы, – распорядился он. – Я же направлюсь в соседнюю общину, где живут мои друзья по походам и сочувствующие нам люди. С собой я приведу пятьдесят бывших легионеров.

– Мы приведем не меньше, – поддержал Рисмаг. – Кроме этого, я направляю во все концы гонцов с призывом встать под знамена свободной Абазии. И двух дней не пройдет, как у Анакопы соберутся тысячи вооруженных людей.

Заговорщики разъехались в разные стороны выполнять данные обещания. Выехал из цитадели Хмыч с целью собрать своих сторонников. Вернувшийся в Ануху Рисмаг первым долгом посетил хранителя Аныхи. После кратких переговоров решили поспешно собрать анухцев в святом месте, чтобы избрать дадала, который возглавит мятеж против сумасбродного царя. И хотя в то время убийство было привычным делом для каждого мужчины, простое убийство крепко осуждалось и наказывалось. Именно поэтому местный жрец встал на сторону свободолюбивых анухцев. Глашатаи быстро разнесли по Анухе весть о сходе в священной Аныхе, и народ поспешил к назначенному месту. Скепарна выехал в полном вооружении с родовым знаменем, во главе небольшого отряда вооруженных братьев, участвовавших при тайной присяге на охотничьей поляне. Недалеко от Аныхи они спешили, привязали коней и оставили все оружие там же – не один абаз не посмеет подойти к святыне при оружии. Их снаряжение остался охранять один из юношей. Оказалось, что священная поляна уже была заполнена людьми, взволнованными своим будущим. Здесь не было Хмыча с его сторонниками и оскорбленного царем Урыма.

¹Плеть.

Жрец вышел из толпы и направился к алтарю из дикого камня, чтобы отслужить всеобщий молебен. Затем он объявил анухцам о причине поспешных сборов, и обратился к Небожителям с просьбой о покровительстве и защите в непростое время. Слово взял Рисмаг, один из почетнейших старейшин, не опозоривший свое имя ни словом, ни делом за свою долгую жизнь. Он поведал анухцам о поездке представителей в Анакопу, об унижительном приеме со стороны царя.

– И это не начало начал, скорее, развязка долгого несправедливого пути, по которому шел наш правитель многие годы. Он забыл о том, что абазы свободны и подчиняются не чьим-то прихотям, а законам предков; что он был избран как первый из равных для служения абазам в войне и мире, а он предался разбою и бессмысленным убийствам, окружил себя инородными гуннами, выплачивая им жалованье из доходов, получаемых похищением и разбоем. Жертвой подлого убийства стал славный Бага, чей сын Скепарна был удостоен чести возглавить наш род, и принес тому присягу.

Мы все прекрасно знаем, как наш царь вскоре перестал служить народу в угоду римлянам, полагая, что они окажут ему всякую поддержку и против абазов. Он выполнял все их прихоти, многие из которых не достойны и раба. Теперь, когда бывший хозяин отвернулся от него и тайно присылает в Абазию бывших легионеров, замышляя свержение его власти, мы можем без опасений сами низложить тирана. Это будет важным уроком для будущих поколений абазов и их царей.

– Скажи, Рисмаг, зачем свергать одного тирана, если думаешь поставить другого?

– Я не призываю избирать нового царя. Всем известно, что абазы издревле подчинялись Совету Старейшин или Военному Совету во время кампаний. В особых случаях весь свободный народ приходил на сход и сам выносил решение. Я призываю вас жить по законам предков, и если Всевышний ниспошлет нам такое время и достойного вождя, в котором мы все будем нуждаться, чье слово и дело будут надежнее наших всеобщих решений, мы можем использовать такой случай в свою пользу.

Вслед за Рисмагом брали слово представители других кланов Анухи, поддержавшие идею свержения автократии и установления демократической власти. Для всех мужчин, знающих военное дело, был объявлен сбор на утро следующего дня. Они должны были встать под знамя Скепарны – нового Ануха дадала, избранного единогласно в этом священном месте. Скепарна дал клятву в верном служении народу во имя справедливости, мира и порядка. Анухцы, объединенные единой целью, вернулись в свои дома и принялись за приготовления.

На рассвете следующего дня к стенам цитадели подъехали пятьдесят всадников, закутанных в белые плащи с красной каймой абазской когорты римского легиона. Они были блестяще экипированы и вооружены. Всадники решительно окружили цитадель и заблокировали главные ворота. Окрыленные высоким духом, привыкшие разрешать исход битвы отвагой,

они даже не спешили и не ушли в укрытия. Урым не стал ждать отряда Скепарны из Анухи и вызвал охранника ворот. Тот поспешил позвать коменданта крепости. Полусонный неопрятный мужчина поднялся на крепостную стену и обомлел. Прикрытые предрассветной дымкой, пред стенами стояли всадники-рыцари. Урым узнал коменданта и обратился к нему с призывом открыть ворота цитадели. Заподозривший неладное, комендант сослался на устав:

– Я не открою ворота без приказа царя, который в столь раннее время почивает. Приходите позже, тогда поговорим.

– Я Урым, командир отряда. Мы пришли сюда за кровью, которую должны пустить. Если вскоре ворота не будут открыты, мы войдем силой и убьем всех до единого. Первым будешь ты – неудавшийся воитель. Если вы подчинитесь нашей воле, я обещаю забрать только то, зачем пришел.

Комендант опешил от такой дерзости, соскочил со стены и побежал докладывать царю. Пораженный старческой бессонницей, тот и сам все слышал, однако как ни старался, план побега из цитадели не шел в голову. Он оттолкнул напуганного коменданта, не дослушав, окликнул гунна – начальника охраны.

– Ты должен придумать план побега, они полны решимости и скоро разнесут здесь все. У нас очень мало времени.

– Мой господин, мы не так уж бессильны, не знаю, как будут сражаться они, а мы способны остановить большой отряд, нас защищают крепкие стены, мы сможем отстоять цитадель.

– Все это бессмысленно, надо скорее бежать, пока не пришел рассвет.

– Как убежать из мешка, нам все равно не спастись, лучше погибнуть достойно, как подобает царю? – посмеялся гунн.

От одной мысли о гибели царь терял дар речи, к такому исходу он не был готов.

– Прекрати со мной спорить, быстрее принимай решение.

– Хорошо, в таком случае, тебе надо полностью мне довериться. Я пойду на переговоры с мятежниками, пообещаю им тебя выдать, разумеется, за солидное вознаграждение. Тем временем у тебя будет время собрать ценности, чтобы расплатиться с нами за последние полгода службы. Не смотри так – на нашей земле без золота ты не человек.

– Ах, мерзавец, – вспыхнул царь, – и в такой опасности вы думаете только о наживе. Я расплачусь с тобой за год службы наперед, лишь бы ты сумел вытащить нас из беды.

– Хорошо, я пошел.

Едва гунн вышел из комнаты, как в окно залетела горящая стрела мятежников. Они приготовились к атаке, но на стену вышел телохранитель царя и объявил о переговорах. Тем временем царь дрожащими руками ссыпал в мешочки золото, готовясь к побегу.

Лишенный всякого страха, гунн приказал открыть ворота и вышел за цитадель для переговоров. Он безошибочно отличил Урыма среди легионеров и предложил ему выгодную сделку:

– Римский воин, я имею то, что тебе надо. Мое условие очень простое. Ты забираешь голову своего врага, а мой отряд беспрепятственно отпускаешь на север. Больше мы никогда не увидимся, мне надоела эта скучная страна.

– Я воин, который не торгуется с продавцом приговоренного барана.

– Не спеши, Урым, я забыл тебе сказать, что ваш царь – большой скряга, он задолжал нам жалование за полгода. Пока мы с тобой беседуем, он готовит золото, которым я хочу с тобой поделиться. Ну как, идет? – гунн протянул руку для скрепления договора.

– Ты передаешь мне царя целым и невредимым, затем я отпущу вас на все четыре стороны.

Урым не протянул руку гунну, дав понять, что вполне достаточно его слова.

Довольный соглашением, предатель направился обратно в цитадель. Отдал приказ подготовиться всем гуннам к отъезду и направился в комнату царя.

– Ну вот, царь, все разрешилось.

– Так просто? Не может быть, как тебе удалось?

– Я договорился, что они нас отпустят на родину в обмен на твою голову.

– Как ты смеешь шутить подобным образом со своим хозяином! При других условиях я сам лишил бы тебя твоей головы.

– Не впадай в панику, царь. Я им сказал, что должен буду забрать из Анакопы свою невесту с приданным. Тебя мы оденем в женские одежды, посадим на арбу и заберем с собой, после этого они ворвутся в цитадель в поисках тебя и твоего золота, а мы умчимся как можно скорее на север. Ты одевайся поскорее, а мы уложим твои богатства.

– Ты уверен, что твоя хитрость сработает? А вдруг они подойдут к арбе и обнаружат там меня? Они и вас тогда не пощадят. Мне не нравится твой план.

– Он, конечно, не идеален, но в этой ситуации другого выхода нет. Думаю, они не будут обыскивать арбу, решив, что для беглецов это неудачный способ скрыться.

Царь долго не сопротивлялся и покорно пошел в женскую половину, а гунны принялись грузить ценную поклажу.

Мятежный отряд, не отводя глаз, следил за цитаделью. Урым услышал звук отворяемого воротного засова, откинулась калитка, превратившись в трап для ходьбы. Двадцать статных всадников по двое в ряд выехали из цитадели, вслед за ними плелась кобыла, запряженная в арбу. Подъехав к Урыму, гунны остановились.

– Ну что, мы выполнили свою часть договора, забирай своего барана, теперь твой черед выполнить слово, – обратился старший из них.

Урым подошел к арбе, взял за длинный подол женского платья всхлипывавшего человека и опрокинул на землю. С царской головы слетел женский платок, жалкое зрелище вызвало безудержный смех у стоявших вокруг свидетелей.

– Предатели, все предатели, – рыдал бывший царь, ползая на коленях.
 – Поднимись с земли, несчастный. Найди в себе силы умереть подобно воину с оружием в руках.

Старик будто не слышал слов Урыма. Он все ползал вокруг, прося милости и пощады. Урым обнажил меч и воткнул его острием в землю прямо перед носом ползающего. Старик остановился и поднял глаза, казалось, разум к нему вернулся. Он встал, разорвал на себе женские одежды.

– Не смейтесь надо мной, предателей ждет та же участь, – он обжег взглядом своих бывших телохранителей. – Я царь и готов принять достойную смерть.

Урым протянул меч противнику. Схватка длилась недолго. После нескольких несуразных выпадов царь потерял меч и, пронзенный в сердце, рухнул замертво. Никого не тронула эта смерть, абазы брезгливо отвернулись. Гунны тронулись в путь в надежде на улыбнувшуюся им удачу.

– Он не достоин погребения. Обложите его хворостом и сожгите, – обратился Урым к бывшему коменданту цитадели. Те поспешили выполнять указания в надежде на милость победителей. Когда пламя огромного костра поднялось над цитаделью, Скепарна с большим отрядом ехал по главной анухской дороге к Анакопе. Причиной задержки анухцев стала неслаженность абазов. Скепарна не раз порывался бросить нерасторопных и выехать, однако страх смертельно обидеть представителей родов, которые искренне и с отвагой готовы идти с ним до конца, сдерживал его от поспешного поступка. Когда отряд превысил пятьсот человек, а люди все шли и шли, он приказал опоздавшим формировать другой отряд и стоять в Анухе в ожидании приказа. Сам же возглавил первых и спешно выехал. Он предчувствовал быстрый исход операции, и поднявшееся в небо зарево подтверждало его догадки.

За одним из крутых поворотов дороги абазы столкнулись с бежавшими гуннами, бывшими телохранителями царя. Их лошади чуть было не столкнулись головами. Опешившие всадники долго не могли что-либо понять, пока главный из гуннов не рассказал о произошедшем в цитадели, о приказе главного легионера не препятствовать их отъезду на родину. Скепарна колебался. С одной стороны, эти люди заслужили мучительную смерть за совершенные деяния, а с другой – переступить решение славного Урыма, самостоятельно расправившегося с царем, могло запятнать репутацию молодого дадала. На помощь пришел мудрый Рисмаг, он объявил, что в смерти славного Бага – отца Скепарны – повинны эти люди. Так как каждый абаза подчиняется закону кровной мести, он сам волен решать, когда и как ему свести счеты со своим врагом. Кто-то из отряда поддержал Рисмага, вспомнив, что гунны повинны и в тайном исчезновении его брата. Абазы начали выкрикивать имена близких людей, в разное время похищенных или убитых гуннами. Скепарна развернулся лицом к абазам и объявил, чтобы представители двадцати родов выбрали по одному воину для поединка с кровниками. Абазы вышли и обнажили мечи. Скепарна возглавил их, увлекая за собой на живописную поляну в стороне от дороги. Гунны, поняв неизбежное, спешили и пришли на эту

поляну, чтобы в поединке погибнуть или отстоять свое право на жизнь. Завязался бой. Скепарна бился с начальником гуннов, сильным и бесстрашным, неизменно выходившим победителем из подобных поединков. Однако гунны, окруженные плотным кольцом абазов, упали духом. Уйти отсюда живыми им казалось невероятным, а этот поединок, устроенный Скепарной, они посчитали как повод для более или менее справедливого убийства. Сорок два воина схлестнулись в сече, то и дело нанося колющие и рубящие удары друг другу. Силы противников были равны, исход решало не мастерство, а качество вооружения. Большое значение имели прочность доспехов и щитов. «Потерявший щит – теряет жизнь», – это высказывание уместно и сегодня. У гуннов были лучшие мечи и доспехи, зато щиты абазов, собранные из вареного дерева, окованные медью и обтянутые грубой шкурой, лучше удерживали тяжелые удары гуннских мечей. Гуннские щиты были сделаны скорее для отражения ударов лучников, они всегда опасались нападения из засады.

Скепарна первым разрубил щит противника. Казалось, молодой дадал не спешил разделаться с противником. Гунн в поисках поддержки посмотрел по сторонам, встретил ненавидящие взгляды и понял, что никто не поспешит ему на помощь. Тем временем Скепарна отрубил руку противника, державшую меч. С открытой раны брызнула кровь. Гунн упал на колени, превозмогая страшную боль, поднял глаза, молящие о легкой смерти. Абазы воскликнули, ободренные первой победой. Гунны после поражения своего начальника перестали биться, бросили оружие на землю и покорно ждали своей участи. Абазы смутились, не убивать же им безоружных людей?

– Это их выбор, братья, – сказал Скепарна, обращаясь к своим, – теперь они ваши рабы, поступайте с ними как знаете.

Пройдет немного времени, прежде чем их погрузят на корабль, шедший на невольничьи рынки Константинополя.

А пока абазы обыскали обоз и обнаружили обманом захваченную казну. Скепарна распорядился вернуть в Анакопу награбленные богатства, и отряд вновь тронулся к цитадели. Здесь уже обосновались бывшие легионеры, Урым отдавал приказы по обустройству и охране главной крепости. Союзники поздравили друг друга с победой и укрепились в решимости жить в свободе и равенстве, как велели обычаи предков. В цитадели должна оставаться сотня, защищающая атрибуты демократической власти: Высший Военный Совет и Совет старейшин, занимавшийся также судопроизводством. Было решено объявить о сходе всех дадалов и старейшин Абазии в Анакопе в ближайший четверг.

Все это время Скепарна не забывал о матери, ждавшей каждую минуту весточку от сына. Он составил короткое письмо с описанием произошедших событий и отправил его матери.

По настоятельной просьбе Рисмага, Урым и Скепарна остались в цитадели. Он их убедил, что начатое дело следует завершить: «Как только передадим полномочия кому положено, отправимся по своим делам».

Мятежники охраняли цитадель и государственную казну в ожидании схода.

Наутро у Анакопы появился возглавляемый комитом¹ византийский отряд. Начальник потребовал встречи с предводителем мятежников. К нему вышли Урым и Скепарна. Оказалось, что ромей был прекрасно осведомлен о произошедших событиях, но без тени страха принялся убеждать абазов не совершать дальнейших опрометчивых поступков.

– Наш благочестивый царь Юстиниан высоко ценит преданность и честную службу своих подданных, однако даже подозрение в измене и предательстве по отношению к интересам империи, которые он ставит неизмеримо выше своих собственных, пробуждают в нем мстительность и жестокость. Тому примеров вы сможете вспомнить множество. Ты, Урым, бывший легионер и центурион, освобождавший римскую землю от вандалов вместе с прославленным вождем Ливии Велизарием,² неужели способен предать своего господина?

– Я убил ненавистного нам всем царя, выполняя должное во имя свое и народа моего. С тех пор, как Юстиниан лишил меня военной службы, а затем пособия и льгот по обвинению в том, что я не христианин, я не знаю над собой ни начальника, ни господина. И живу как частное лицо, зарабатывая на жизнь крестьянским трудом. Потеряв благоденствие, я приобрел более ценное – свободу, и не жалею ни о чем. Именно из-за стремления к справедливости и свободе мы убили тирана, не считавшегося ни с цивилизованными римскими законами, ни с древнейшими абазскими. И те, и другие осуждают убийство невинных, похищения людей и захват их имущества. Данные преступления и в вашей стране караются осуждением и смертью. И нет различия в том, кто преступник – нищий или царь.

– Твое красноречивое обвинение должно было звучать на суде, и только суд на основании всестороннего изучения обстоятельств смог бы вынести законное решение.

– Зачем длинно говорить об очевидных вещах? Ваш император был неоднократно поставлен в известность о беззакониях, творимых в Абазии. Однако не были приняты меры для разбирательства, а преступления продолжались. Не ты ли, Прииск, способствовал такому течению дел? Коли это так – тебе тоже придется ответить.

– Как ты посмел подумать такое?! Я здесь не для того, чтобы защищать интересы покойника. Для меня намного важнее то, что вы собираетесь предпринять далее. Я приехал предостеречь вас от дальнейших ошибок и преступлений, в надежде, что вы не думаете отложиться от Рима в пользу наших вечных врагов.

– Зачем нам переживать о чьей-то пользе, когда за наши дела никто не печется. Взамен честной службы под знаменами Рима нас принуждают к непомерным налогам, распинается придуманное вами «право» на нашей

¹Военное и гражданское должностное лицо, исполняющее управление на подвластной территории.

²Выдающийся полководец, соратник Юстиниана, участник всех военных кампаний того времени.

земле. Прикрываясь императорской властью, ваши чиновники откровенно бесчинствуют, чего стоит введенная вами монополия на торговлю – узаконенное императором грабительство. Все, что вы отбираете у союзников, выплачиваете нашим общим врагам в качестве субсидий за лояльность. Если рассудить здраво, то нам выгоднее становиться врагами империи, чем действовать с вами сообща.

– Твои политические рассуждения далеко зашли, никто из подданных императора не наделен правом обсуждать его решения. Прежде чем рассуждать о жизни в своей стране, посмотри, как живется в самой Византии. Сколько трудностей переживает его народ: не ропща, выплачивает положенное в казну, отдает долг церкви, испытывает множество лишений по причине природных бедствий и бесконечных войн. За подобные высказывания любой лишился бы жизни, а ты еще смеешь жаловаться на свое тяжкое бремя.

– Примите это зло как наказание свыше, ибо тот, кто несет рабство другим, прежде сам становится рабом. Никто из моих предков не был рабом, и мое потомство рабствовать не станет. Ради чего вы мучаете себя, если свободный из вас имеет меньше прав, чем раб в Абазии? Или сребролюбие пленило ваши души настолько, что вы добровольно жертвуете всем остальным?! Считайте нас варварами, потому что мы не хотим быть ровней вам. Судьбу Абазии решает свободный люд, я не тиран, чтобы говорить от их имени. Скоро вы узнаете о решении, принятом на всеобщем сходе. Я берусь самолично осведомить тебя об этом.

Византийский чиновник понял, что его дипломатическая миссия исчерпана, и приказал тронуться в обратный путь. Есть вещи и дела настолько испорченные, что лживое слово не дает исцеления.

В назначенное время в Священной Роще у Аныхи начались сборы первых людей Абазии. Это были представители всех родов и свободных сословий, военная знать и служители веры. Прибыли и представители непокорных общин, не признающих никаких царей, кроме собственных предводителей. Главным вопросом обсуждали то, как дальше будет жить Абазия, какие законы будут исполняться.

Объединенные духом свободолюбия, абазы склонялись к одному: жить по законам предков, в равенстве и братстве. Единогласно постановили, что управлять Абазией вместо двух царьков будет Совет Старейшин, состоявший из двадцати представителей самых многочисленных общин и семи жрецов – хранителей святыней. Жрецы, входящие в совет, будут основой судопроизводства Абазии, если рассматриваемые вопросы по своей значимости не разрешимы на местах дадалами. Военный Совет будет состоять исключительно из дадалов этих двадцати общин. Вопрос о первом среди дадалов зашел в тупик: возникло опасение, что первый из равных может стать тираном и узурпатором, этот вопрос отложили на закрытое совещание.

С кем будет идти Абазия в дальнейшем? Здесь мнения разделились. Чтобы осветить главный вопрос внешних сношений, попросил слово Урым. После многочисленных споров пришли к тому, что союзничать будут с теми, кто признает решение народа и готов к взаимовыгодному, справед-

ливому сотрудничеству. На этом сход разошелся, остались в Анакопе лишь избранные в состав Советов. Им предстояло определить рабочие группы и составить программу действий. Рисмаг вошел в состав Старейшин, Скепарна – в Военный Совет, Урым, сославшись на возраст, предпочел жить частной жизнью в Анухе.

Страсти понемногу улеглись, Урым передал чиновнику в Севастополис решение абазов жить свободно и демократически, независимо от римской власти. «Впрочем, мы не являемся противниками христианской или какой-либо другой религии, каждый волен определять для себя предпочтительные обряды», добавил он от себя, козырнув невиданной для того времени толерантностью. Вернувшись домой, он принялся за привычные для себя обязанности, время от времени отвлекаясь на встречи с посланниками из Анакопы для определения хода тех или иных дел. Прошло несколько собраний Военного Совета, зашедших в тупик по определению первого среди равных. Тогда Скепарна предложил дадалам поочередное руководство, переходящее от одного к другому, с запада на восток. Кроме того, дадалы приняли предложение о главенстве в случае военных действий того дадала, в пределах чьей земли разворачиваются таковые. Рядовые воины, как и их командиры, освобождались от уплаты налога в казну, но обязаны были за свой счет обеспечить себя вооружением и боевым конем. Совет Старейшин определил источники поступления в казну и на что эти деньги будут расходоваться. Были пересмотрены списки населения Абазии. Из сорока тысяч семейств, что составляло около трехсот тысяч населения, облагались десятиной только половина. В основном это были ремесленники, торговцы и свободные крестьяне. Остальные выставляли воинов или составляли привилегированную касту жрецов. Льготы распространялись на неполные семьи, потерявшие кормильца. Для борьбы с сиротством – очень частым явлением, был придуман закон, активно поддержанный родовой знатью. Согласно ему вдова должна была выйти замуж за холостого брата супруга. Если такового не было, новым мужем вдовы мог стать любой другой из рода бывшего супруга.

Сбор налогов возлагался на местную власть – дадалов. Представители Старейшин прекрасно понимали, что дадалам выгодно занижение численности и искажение состава населения для удержания части средств в свою пользу. Даже во времена царей с этим невозможно было бороться, так как дадалы были опорой государства. И чем нестабильнее становились времена, тем больше средств не доходило до казны. Охранять казну Абазии и высшие органы власти в Анакопе было поручено Ануха дадалу из-за территориальной близости и всеобщего доверия. Изредка он отправлялся ночевать в Ануху, в поисках отдыха и тишины. А в этот день он раньше обычного выехал из цитадели, обуреваемый непонятными приливами радости и грусти. В пути он не раз задумывался, пытаясь угадать загадочные знаки. Затем, отчаявшись, откладывал это занятие на потом. Вот уже показалась плетеная изгородь его временного жилища. Он улыбнулся, вспомнив нежный, как шелка голос матери: «Сынок, знаки и знамения угадываются не

разумом, а сердцем». Он так и въехал во двор с улыбкой на лице, вызванной теплыми воспоминаниями. У привязи стояло несколько незнакомых коней. В соседней сакле раздавались знакомые голоса. Он торопливо пошел на голоса и увидел самого любимого человека на свете – это была его нан. Она устремилась навстречу, и они крепко обнялись.

– Сынок, ты сильно похудел, позволь мне постоянно быть рядом, я буду готовить любимые кушанья.

– Да, нана.

– Я буду чинить и стирать твои вещи, провожать молитвой и встречать...

– Да, нана.

– Ты единственный, ради кого мне стоит жить.

– Да, нана.

Этим вечером они сидели долго вдвоем, забыв о пище и сне, вспоминая старые истории, наподобие тех, что не забывает каждая мать.

Утром Скепарна поспешил в Анакопу, чтобы, побыстрее уладив служебные дела, вернуться домой к матери. Они снова долго говорили обо всем, оставляя на потом главное. Наконец Скепарна решился.

– Нан, давай сходим на могилу к отцу, я все это время собирался, но откладывал.

Женщина посмотрела влажными глазами на сына и решительно встала. Держась за руки, они пришли на родовое кладбище. Женщина проходила мимо старых захоронений и рассказывала о тех, кого сама застала в живых.

– Здесь похоронены твой даду и нанду¹, да воссияют на небесах их звезды, а вот тут – отец, она присела у края могилы и погладила рукой небольшой бугорок.

– Славный Бага, я пришла к тебе с нашим сыном. Помнишь свое последнее слово? Я сделала все, как ты просил. Это раньше, когда ты меня знал, я была слабой и нежной, но судьба распорядилась иначе. Я вынесла все и воспитала настоящего воина. Пережив столько всего, я поняла, что теперь он меньше всего принадлежит нам. У него впереди своя большая история, и если сложится так, что я увижу что-то из этого, обещаю при встрече поведать тебе все в мельчайших подробностях.

Скепарна стоял рядом и, стыдясь слез, слушал монолог матери. Спустя немного времени, женщина посторонилась, уступая место сыну.

– Как бы я хотел хоть раз в жизни увидеться с тобой, дада. Иногда во сне ко мне приходит полубог-получеловек и предупреждает об опасности. Мне хочется верить, что это ты – дада. Теперь, когда твои убийцы находятся в преисподней, мы можем говорить спокойно, не обремененные обетом кровной мести. Хочу, чтоб ты знал, твою кровь искупил не я, я лишь задумал, а великий Аергь обрушился на них своей карающей силой. Дада, я появился на свет, как сын славного Бага, а теперь я Ануха дадал, думаю, ты можешь гордиться мной – своей плотью и кровью.

¹Бабушка.

Выполнив задуманное, Апсха приказал трогаться в путь к намеченной цели: по его подсчетам, отправленные вперед гонцы выполнили задание, и его приезд в Аланию не будет выглядеть непристойно. Отряд быстро перешел перевал и стремительно приблизился к аланским селениям. В больших общинах их встречали старцы как почетных гостей, предлагая отдых и угощения. Абазы нигде не задерживались, уже на подступах к крепости Маас их встретили телохранители аланского царя для почетного сопровождения. Они провели эскорт по удобному броду реки, обогнули городище с севера на восток и безпрепятственно въехали в город. Близилось время встречи с любимой женщиной. Апсха старался не думать о ней, но его не покидало трепетное волнение. Кроме всего, ему предстояло увидеться с тестем – аланским царем Багатаром и многочисленными новыми родственниками. Он не испытывал желания проходить эти сложные традиционные обряды, играть роль зятя, когда его стране угрожали серьезные опасности. Однако он укрепил свой дух обетом не возражать против церемоний, если таковые окажутся неизбежными.

В главной крепости Алании шли скорые приготовления. Составлялось праздничное меню, готовились комнаты для приема почетных гостей. Больше всех носилась по замку жена Скепарны, не чувствуя от счастья тяжести носимого под сердцем плода. Сестры и многочисленная прислуга спешили угадывать ее желания, но она торопилась сделать все сама, отказываясь от отдыха. «Мой милый мальчик, скоро ты увидишься с отцом – царем абазов. Он приложит свою руку к моему животу и почувствует твоё сердцебиение. Постарайся запомнить его голос – любящий и твердый, ведь мы с тобой так редко его видим», – шептала царица, оставаясь наедине.

Зазвучали медные трубы в честь приближавшихся гостей, все вышли во двор. Всадники походной колонной въехали в крепость. У главного дворца стоял почетный караул в праздничных одеждах. На крыльцо вышел величественный человек в праздничном боевом одеянии и при дорогом оружии. Кorteж подъехал и остановился. Абазы спешили и отдали лошадей конюхам. Скепарна огляделся, увидел тестя и уверенным шагом направился к нему первым. Их разделял шаг, когда Апсха по абазскому обычаю припал на колено и поднес к губам подол царского плаща. Аланский царь не скрыл приятного удивления, опомнившись, он склонился и поднял зятя, прижав его к груди по-отечески. Наблюдавший за встречей народ громко возликовал. Хозяин потянул зятя в дом, и они прошли в гостиную комнату. За ними последовал переводчик и избранные аланские военачальники. Все расселись на широкие лавки, обложенные многочисленными подушками, немного осмотрелись, и начался традиционный для таких случаев диалог. Когда многочисленные вопросы закончились, аланский царь обратился к зятю по-гречески и лукаво улыбнулся: «Скоро нам с тобой будет помогать наследник, которого носит под сердцем моя дочь». Скепарна промолчал, только печаль пробежала по его лицу.

Аланский царь выдержал паузу и предложил гостям немного передохнуть перед торжественным обедом. К гостям вышли слуги и развели их по комнатам, где уже стояли чаны с подогретой водой и ждали ку-

пальщицы. Только в комнате абазского царя никого не было. Скепарна снял с себя оружие, плащ, кольчугу, прошелся по комнате и прислушался – тишина. В это время за дверью стояла его жена, полуживая от волнения. Ноги не подчинялись, руки обвисли, сердце неумолимо колотилось в ее груди. От испуга лишиться чувств она прислонилась к двери и тихо по ней сползала. Легкий шорох за дверью почувствовал Скепарна, он быстро подошел и отворил дверь, ему на руки упала молодая жена. Почувствовав сильные объятия и услышав знакомый голос, она начала приходить в себя. Глаза еще были закрыты, когда лицо женщины воссияло счастливой улыбкой...

В аланской столице было по-праздничному шумно. Рабы и слуги носились по дворцу, готовясь к торжественному обеду. На улицах города по-прежнему было многолюдно, любопытная толпа не расходилась, желая лучше разглядеть царя абазов и его свиту. Помня о своих обязанностях, Апсха тихонько проводил жену, сел в чан искупаться. Рабыня забрала его вещи для чистки...

К назначенному времени слуга с колокольчиком в руках прохаживался по коридорам дворца, объявляя выход в гостиную. Там уже собрались царь, его многочисленное семейство, важные начальники государства. Пришла и абазская царица, одетая в персидские шелка, увешанная фамильными драгоценностями. Апсха во главе свиты прошел в залу. Начались новые знакомства и родственное общение. Сатен подводила мужа к родным, знакомила и переводила их речь. Было очевидно равнодушие Багатара к церемониальным процедурам. Он не очень-то был привязан к своим многочисленным женам и отпрыскам, живя по обычаям далеких предков – степных кочевников.

Аланский царь пригласил присутствующих мужчин садиться за стол. Теперь вступили в силу застольные дела, закончившиеся далеко за полночь. Было много песен и танцев. Исполнили свой коронный танец прекрасные рабыни абазского царя, заинтриговав охмелевших мужчин.

К обеду следующего дня Апсха объявил тестю о коротких сроках своего визита.

– До нас доходят слухи о твоих успехах в укреплении военного лагеря, в объединении абазских кланов и усилении царской власти, – обратился Багатар к зятю. – Нас радует, что в Абазии не осталось римских войск. Мой восточный сосед открыто участвует в войнах персов в Колхиде, василевс в своем неуважении к другим народам довел дело до этого. Теперь дружить с ромеями стало и опасно.

– При первом удобном случае римские войска захотят вернуться в Абазию, – ответил Скепарна. – Они не признают меня царем и просто выжидают. С этим и связаны наши приготовления к войне. В одиночку нам будет тяжело победить лучшую армию в мире.

– Эта армия состоит из таких, как мы, Скепарна. Издревле римлянам служат за деньги и аланы, и гунны, и булгары, и абазы, и лазы, и армяне, и другие многочисленные племена. Наша отвага куплена римскими деньгами.

Представь, что будет с римлянами, если они потеряют последние два караванных пути, идущие через мою землю. Один из них ведет в твою страну, другой – в Апсилию, а Даринский путь давно в руках персов.

– Византия не допустит такого бедствия. Слишком много враждебных игроков тут замешано. Они подкупают одну из сильных сторон или стравят нас всех между собой. Ведь недаром Кесарь присылает тебе и степным гуннам ежегодные субсидии в золотой монете.

– Из двух зол император предпочел меньшее. Он понимает и нашу зависимость от торговых путей, и интерес кочевников в набегах на его земли.

– Слышал я разговор, Багатар, будто немного времени осталось нам благоденствовать на китайских шелках. Императору привезли монахи из Китая куколку, она прекрасно прижилась и уже дает им шелковые нити неплохого качества.

Багатар задумался и тяжело вздохнул:

– Испокон веков мы жили нашим промыслом, придет погибель нашему величию, будем влачить полуголодную жизнь. Так обеднеют все, что и поживиться будет нечем. Тогда и ополчатся все голодные против империи и разнесут ее в клочья. Поверь моему слову.

– Ну и что из этого? Вместо одних тиранов придут другие и также будут грабить весь мир. Будто персы чем-то лучше?!

– А что они думают?

– Персы оказались недоверчивыми и осторожными, наши надежды на настоящий союз не сбываются. Они еще более вероломны и опасны, чем римляне. К тому же, не зря их называют варварами.

– Мой дорогой зять, у нас договор с римлянами, ты это прекрасно знаешь. Они нам выплачивают ежегодно золотой кентинарий¹ за нашу лояльность. Нам достаточно ничего не делать против них, чтобы жить в достатке и благоденствии. Мне не выгодно и ухудшение ваших отношений, потому как через ваши земли к нам идут многие нужные товары. В нынешние времена, когда персы теснят наши крепости на перевалах, чтобы полностью господствовать на Кавказе, нам не выгодно столкновение. Скажу тебе открыто, Кесарь предложил мне поживиться на твоей земле, чтобы получить хоть какую-то компенсацию потерь из-за отсутствия торговли.

– И что же ты намерен делать, мой высокий родственник?

– Я не буду его злой рукой, но и в твою победу не верю. К сожалению, вы зашли слишком далеко, чтобы оставаться хоть плохими, но союзниками. И тебя не осуждаю, на твоём месте делал бы то же самое. Судьба и роль Абазии отличается от нашей. Ваш сегодняшний день – это наше будущее. И хотя это так, даже предвидя будущее, я не могу идти впереди своего времени. Если станет очень туго, я готов принять тебя и твоих близких на своей земле, – предложил царь и понял, что сказал лишнее...

¹Денежная мера в Византийской империи, один кентинарий равен сотне золотых номисм.

– Задолго до них на нашу землю приходили другие. Рано или поздно они пытались покорить нас и сделать рабами. Много раз мы были биты, а наши земли захвачены, но за долгую историю никому не удавалось покорить абазов, сломить наш дух и веру, нашу волю к свободе. Проходили годы, за отцов и дедов мстили их потомки, и непременно абазы восстанавливали свои права на родной земле.

– Да, Скепарна, порой победитель не ведает, что он несчастнее побежденного. Все, что когда-то началось, имеет свой конец, лишь время всему свидетель.

В крепостях на перевалах можешь людей не держать, я не ударю тебе в спину. Пусть Всемогущие боги защитят твой народ и тебя, – завершил беседу царь аланов Багатар.

Скепарна вышел из дворца, чтобы отвлечься. Он шел по улице к главным воротам и ловил любопытные взгляды встречных. Вскоре он услышал чьи-то быстрые шаги и оглянулся.

– Прости меня, царь абазов, это я – царевич, которому ты, милосердный, даровал жизнь и держал во дворце как почетного гостя.

Апсха узнал юношу и улыбнулся в ответ.

– Позволь мне сопровождать тебя по родным для меня местам, я смогу быть полезным.

Дальше они пошли вместе. «Сто кентинариев, тысяча кентинариев... известное начало... суета сует... конец всегда один...», – бормотал под нос все еще возбужденный Скепарна. Понемногу он успокоился и стал больше оглядываться по сторонам, изучая живописные пейзажи. Сама крепость располагалась на природной возвышенности – холме, образующем с трех сторон крутые обрывы в ущелья горных речушек. Только с одной стороны можно было подступиться к ее стенам. Прекрасное укрепление, пожалуй, еще не видело вражеских стрел и копий, его не забрасывали катапульты и не били тараны. Что же будет на этом месте через века?.. Городище состояло из длинной цепочки поселений, выросших на холмах вдоль долины, здесь виднелись каменные дома, но чаще всего собранные из цельных брусьев. У главной дороги, связанной с многочисленными развязками и тропами, виднелся силуэт огромного камня-исполина, чем-то напоминавшего фигуру великана. Похожий камень он видел у дворцовой площади в Маасе. Ему захотелось пройтись, проводник понял желание царя и направился к перекрестку. Навстречу пешеходам ехали несколько всадников, поравнявшись с ними, они придержали коней и поднялись над седлом в почтительном приветствии. Скепарна приятно удивился. Он слышал много разного об обычаях соседей. Абазские предания говорили о том, как сарматы и аланы в прошедшие века проходили через Абазию на юг в поисках легкого трофея. Путь был опасным. Случалось, что кочевники гибли в дороге. Однажды погиб аланский вождь. Будучи суеверными, они не стали поворачивать назад, всей ордой они выкопали большую яму в удобном месте, вымостили дно бревнами и уложили туда покойника. Та же участь ждала его боевого коня и нескольких рабов, сопровождавших своего господина, которых погребли

живыми. На месте погребения вырос холм, видимый с любого места в округе. Позднее и абазы начали погребать в землю своих покойников, однако высшая элита общества по-прежнему придерживалась древнего обычая.

Они почти подошли к месту, когда Скепарна понял, что это камень позора. К нему был привязан мужчина средних лет с густой черной бородой, слипшейся от застывшей крови и грязи. Ударами кнутов разорванный балахон уже не скрывал волосатую грудь, покрытую синими полосами. Туча мух облепила кровоточащее тело еще живого человека. Он смотрел безразличным взглядом сквозь полусомкнутые веки на подошедших людей и оставался безмолвным.

– Что совершил этот несчастный? – спросил Апсха.

– Этот гунн, – царевич скорчил брезгливую гримасу, – принял гостеприимство местного жителя. Когда охмелевший хозяин отошел ко сну, он силой взял одну из жен хозяина...

Когда он испустит дух, тело его выбросят вон в ту пропасть, а пока каждый проходящий воздаст должное его поступку.

– Что стало с той женщиной? – Скепарна вспомнил про свою жену.

– Ничего про это не знаю, ведь она в полной власти своего мужа, – пожал плечами царевич.

Скепарна промолчал и повернул в сторону крепости.

Сатен с нетерпением ждала возвращения супруга, она прислушивалась к раздававшимся во дворце голосам и шагам. «Когда же придет ночь?» – Со свойственным в ее положении капризом гневилась она. «Зачем же так испытывать мое терпение? Подумаешь, эти дикие обычаи, неужели они важнее нас с тобой?» – Обращалась к тому, кого носила под сердцем своим. «Какие мужчины жестокие. На этот раз я проучу его – не выйду из своей комнаты, возьму и лягу спать. Пусть помучается! Заслужил...» – размышляла она, отворяя дверь своей комнаты. Рабы зажигали свечи во дворце, опережая закат солнца. Сатен направилась во двор, где было шумно и слышалась абазская речь. Там аланы знакомились с гостями. Аланские девушки, словно лебедина стая, величаво стояли поодаль, делая вид, будто их не интересует происходящее. Похоже, гости с хозяевами быстро сошлись, то тут, то там вспыхивали очаги смеха, вызванные остроумной шуткой или неуклюжим переводом сказанного. Молодежь томилась от скуки – им бы сейчас пирушку с песнями и танцами! Сатен позвала слугу-раба и поручила зажечь подготовленную для подобных случаев горку хвороста и дров. Другому слуге повелела вынести кувшины с добрым пивом. Благодарная молодежь принялась громко восхвалять царицу Сатен за ее великодушие. Она с завистью смотрела на разгоравшееся веселье, вспоминая рано закончившуюся свою юность. Ей и теперь было только шестнадцать. Веселье быстро набирало силу под стать языкам пламени, устремившимся ввысь в небо. Множество рук добавляли пищу в костер, оберегая божественное таинство. Взявшись за руки, мужчины и женщины кружили вокруг костра, делая ритмичные незамысловатые движения. Абазги быстро освоились и уже ничем не уступали аланам, ведь их танец так сильно напоминал абазскую хороводную «аурашу». Голосистые

запевалы вошли в круг и затянули песни о древней истории алан; о великой реке, дававшей им жизнь; бескрайних степях, дававших им силу и пропитание. Сатен, очарованная, слушала. Она никогда ранее не задумывалась над смыслом этих поэтических сказаний. Дошедшие из глубины веков мотивы разбудили в ней чистые чувства, вытеснившие глупые обиды и сомнения.

– Моя царица, пойдем в круг, – спокойным, теплым голосом Скепарна увлек жену к веселящейся молодежи.

В тот год, когда абазы постановили жить по древним обычаям, много бед им было ниспослано свыше. Холодные дожди лили первую половину лета, даже на склонах земля превратилась в кашу, во многих местах почва поползла. Затем резко пошла жара, два месяца не пролилось ни капли, наступила засуха. Редкие, уцелевшие от дождей посевы выгорели, высохли родники и речушки, даже реки настолько обмелели, что их можно было перейти, не намочив ног. Домашняя скотина ревела, умирая от жажды и голода. И все это происходило в стране, где всегда в изобилии родники и земля утопает в сочной зелени. Многие семьи снимались с насиженных мест и отправлялись в горы поближе к тающим ледникам. В поисках спасения племена беспорядочно смешивались, теряли имущество и рабов. Бедствие столкнуло отчаявшихся людей: кто-то, потеряв все, уже не считался с чужим правом собственности. Участились ссоры, переходившие в кровопролитие. Подобно кочевникам, абазы блуждали по стране, питаясь мясом дичи и скудными лесными дарами. Древний родник в Анакопе пересох, потому абазы перенесли столицу в одну из анухских крепостей. В том году казна пустовала, воины под предлогом спасения родных разошлись по домам. Незащищенные и потерявшие надежду люди поступали, как находили удобным. Ни Совет Старейшин, ни Совет дадалов не могли управлять страной. Суды больше не разбирали дел, казалось, мир перевернулся с ног на голову. Какое-то время купцы привозили зерно, но когда у людей кончились деньги, и их след простыл. Отовсюду поступали жалобы, что на суше и на море процветает разбой. Торговцы, выручившие за свой товар деньги, не могли себя чувствовать в безопасности ни на суше, ни в море. Как только приходила ночь, они подвергались нападению и разграблению. В итоге абазский берег стал самым пустынным на всем своем протяжении. Вчерашние воины сплывались в бандитские шайки и совершали ничем не обоснованные набеги на соседей. Обиженные горские общества перекрыли свои дороги завалами и обособились. Некогда сильная страна разваливалась. В таких условиях Совет Старейшин объявил собрание знати. В назначенный день и час в крепость пришли несколько дадалов и жрецов из близлежащих мест. Из западной Абазии никто не явился. Первым взял слово Рисмаг.

– Уважаемые участники совета. Здесь и сейчас присутствуют те, которым не безразлично сегодняшнее и будущее Абазии. Я вглядываюсь в ваши светлые лица и вспоминаю, сколько трудов вы положили во имя свободы, равенства и веры нашей. И сегодня, когда на Абазию свалилась неведомая

доселе страшная болезнь, поразившая господ и рабов, стариков и молодых, женщин и детей, вы готовы противостоять этой скверне. Вспомните, когда на прошлом совете было много противников выдвижения главного среди равных, того, кто больше других понимает благое, трудился бы на благо и боролся бы за него. Разве не известно нам, что все живое, будь стая или стадо, или семья имеет старшего, который за других в ответе. Что же вышло из этого? Вы испугались тирании одного над многими. Та демократия, которая сложилась у нас, – не стала ли большим злом? Посмотрите, повсюду властвует тирания безумных над разумными, бездушных и жестоких над совестливыми и милосердными, правит грубая сила над слабостью и старостью. Безумная толпа перестала слушаться своих избранников. Будто они нас выбрали для того, чтобы мы им угождали и соглашались с творящимся безумием. В завершение всех бед случилось то, что мы потеряли и союзников, сочувствовавших нашим начинаниям. Я не хочу становиться горестным, но вижу, как толпы кочевников, обнадёженные на успех нашим положением, врываются через северные ворота и производят страшные несчастья. Кого мы сможем противопоставить им, когда под знаменами Абазии никого не осталось? Византийские чиновники с радостью наблюдают, как мы сами уничтожаем организованное нами самоуправление. Я могу вам передать высказывание римлян по нашему поводу: «Разве в состоянии эти варвары – рабы наши – построить государство, ибо понятие «свобода» понимается ими как всеобщее неподчинение». Все это время я молился Всевышним богам и Всесильной Аныхе с просьбой указать на того из нас, кто смог бы стать справедливым и крепким правителем. И меня не тревожит возможность тирании, потому как нынешнее время страшнее любого несчастья.

– Правильно говоришь, Рисмаг, продолжай...

– Возможно, нам придется пережить еще более страшное потрясение для того, чтобы убедиться в необходимости такого шага. Мне хотелось бы предотвратить это потрясение, приняв единственно правильное решение сегодня...

Я прожил немало зим и лет, повидал в своей жизни и хорошее, и плохое, я готов просить этого человека стать нашим господином, потому как мудрец чуждается рабского подчинения. Достойный этой чести он – славный Урым.

Безмолвно слушавшие Рисмага люди оживились. Вперед вышел Иаш дадал и попросил слово.

– Уважаемые абазы, мне не нужно повторять уже высказанные истины, время свободной Абазии ведет обратный отсчет. Родину надо спасать. Урым – тот человек, за кем пойдут и дадалы, и простой люд. Что касается меня – почту за честь стоять с ним рядом и в мирное время, и на войне.

– Все верно, и мы такого мнения о нем.

Абазы оглядывались, чтобы вывести из толпы Урыма, а он стоял мрачный, молча уставившись на кончик посоха.

– Ничего, что он не был дадалом, каждый из нас знает, что он достоин и этой чести.

– Выходи Урым, – раздавались со всех сторон голоса. Под натиском людей он вышел на середину и попросил слова.

– Будь я моложе, ваше доверие прибавило бы мне сил и крепости, я с радостью принял бы этот «подарок» судьбы. Теперь же я благодарен и за то, что без моего согласия не вынесли решения. Если вдруг на страну нападет враг, я буду стоять рядом. Если к моему слову прислушаются Всесильные, я буду молиться вместе с вами за спасение Абазии. Если еще на что-то сгодятся мои силы, я направлю их туда, но быть правителем или царем я отказываюсь.

– Почему, Урым, ты отвергаешь нас, или мы не достойны?

Эта реплика так и осталась без ответа. Удрученный Рисмаг свесил потяжелевшую голову. Это был последний шанс для спасения страны. И он был исчерпан.

– Есть две вещи, которые я хочу добавить, – продолжил Урым. – Первое – мой отказ не повод для отчаяния. Второе – если ваше доверие ко мне столь велико и не поколебалось, я предложу вам человека, кто станет для нас хорошим правителем. И пусть вас не пугает его молодость. Молодость – это сила и чистота, и когда придет время, она наполнится опытом и станет мудростью. Обустраивать страну и народ – дело молодых, смело смотрящих вперед.

– Но как избежать ошибок, Урым?

– Ошибки – вещь неизбежная, одряхлевшая воля в старческом теле в страхе перед ошибками спасует, и будет все, как было. Молодость – главное средство для настоящих перемен.

– И кто этот юноша, твой избранник, кому ты готов доверить наши судьбы?

– Он стоит среди вас, сын славного Бага – Ануха дадал. Его честное любие, подобно прочному фундаменту крепости, выдержит любую высоту каменной кладки, честность и доброта – залог верности в трудные времена. Его доблесть и усердие – гарантия военных побед. О таком царе мечтают мыслители, потому как в нем соединены все добродетели земные.

Собравшиеся молча обдумывали претендента, удивляясь прозорливости старого легионера.

– Вот тебе и применение умудренного опытом знания. Ай, да Урым. Слава ему, – поддержали другие старейшины.

Теперь толпа горячо желала услышать ответное слово нового кандидата.

Скепарна вышел и обратился к народу:

– Уважаемые абазы, пусть все ваши беды упадут на мою голову. Потому как волею судьбы я самый младший из присутствующих – стою перед старшими, не смея ослушаться, словно раб перед господином, готовый исполнить ваши пожелания. Но быть правителем совсем другое дело. Готовы ли вы так же подчиниться мне, если даже в ваши души закрадется недоверие или опасение? Ведь правда и то, что судьба не всегда благосклонна к избраннику, нередко случается, что очевидная победа оборачивается

поражением, или наоборот. Никто из людей еще не постиг этих тайных законов судьбы, а потому и расположение людей к вождю – вещь непостоянная. Для того чтобы спасти Абазию, мне придется принимать решения, которые могут быть неудобными. Готовы ли вы отказаться от славословия – главного якоря всего великого, совершаемого человечеством, или решение будете обсуждать по-прежнему бесконечно долго, чтобы не делать ничего и ни нести ответственности за возможные ошибки. Если ваше терпение по отношению к происходящему безумию на самом деле иссякло, и вы готовы пожертвовать частью своей свободы ради справедливого благоденствия, я приму эту обязанность и постараюсь пронести ее с честью.

Скепарна остановился, вроде бы замершие абазы, будто по команде, вынули мечи и принялись отбивать такт по умбонам щитов. Это означало безоговорочную поддержку. Переждав немного, Скепарна внес предложение: «Я готов принять правление после присяги перед моим народом в священной Аныхе, после чего и дадалы должны будут принести мне клятвенную присягу на верность».

Совет Старейшин – высший орган страны – становился совещательным органом. Как и при свергнутых царях все дадалы обязаны были подчиняться новому правителю. Он мог сместить любого, предъявив на Совете доказательства их вредной деятельности. С этих пор имя правителя отождествлялось с Абазией и ее народом. От крайней демократии Абазия осознанно переходила к автократии на основе избирательного права, опасаясь называть правителя своим царем. Разумная автократия им показалась более дееспособной формой управления на фоне разнузданной анархии. К счастью, в этом отчасти интуитивном решении они не ошиблись. Теперь Совет Старейшин торопился как можно быстрее привести к власти Ануха дадала, чтобы навсегда снять с себя нелегкое бремя ответственности. Ближайший понедельник был назначен днем присяги вождя. Ко всем дадалам вновь отправились гонцы с уведомлением о последних решениях схода, обязательных для каждого.

В понедельник утром, когда солнечный диск выглянул из-за верхушек деревьев исполинов, у Священной Аныхи толпился многочисленный люд. Кроме приглашенных, пришли жители Анухи и окрестных селений, возлагавшие особые надежды на лучшие перемены. Хранитель Аныхи подошел к каменному престолу и, воткнув в землю ритуальный посох, произнес: «Священная Аныха, мы пришли просить у тебя благословения в задуманном, да снизойдет на абазов твой теплый свет, и вернется к нам прозрение. Сегодня один из нас присягнет тебе и твоему народу в верности, и да случится благое под твоим покровом».

– Да будет так, – хором поддержали собравшиеся.

Скепарна подошел к престолу и встал на левое колено.

Склонив голову, с глубокой верой и надеждой на благословение священной Аныхи, перед народом, собравшимся в этом чистом месте, произнес:

– Клянусь быть мужественным и справедливым, стоять на защите Абазии и ее народа, сохранять веру предков и завещанные нам обычаи. И если я осознанно нарушу свою клятву, пусть падут на мою голову ненависть и проклятья, пусть несмываемым позором покроется имя мое и моего рода.

– Свидетельствуете и принимаете присягу? – обратился жрец к народу.

– Свидетельствуем и принимаем, – хором ответили абазы.

Жрец поднял с колен Скепарну и объявил его полноправным правителем Абазии.

– Данным мне правом я требую присяги в верности от дадалов. Походите к алтарю и присягните... (В ответ – тишина). Если кто-то из вас откажется от присяги, мы это расценим как сложение полномочий.

Вторая часть обращения жреца возымела действие. Из толпы начали выходить дадалы, их оказалось пятнадцать вместо положенных девятнадцати, так как Скепарна был двадцатым. Распределившись по старшинству, они поочередно подходили к камню и клялись верно служить правителю и народу Абазии. Выяснилось, что четверо дадалов из западных земель не явились к Аныхе. Так закончились дела в этот день.

В народе прошла молва, что сразу в нескольких общинах ворожей на бобах обещали долгожданные дожди в знак Всевышнего благословения. Абазы в сильном волнении ожидали знака свыше, что укрепило бы их веру больше, чем страшные клятвы у Аныхи.

На этот раз предсказания сбылись. По чудесному провидению над морским горизонтом показались тучки, которые быстро заволокли небосвод, и подгоняемые Трапезундским ветром, поползли на сушу. Засверкали жирные молнии, загредело все вокруг. В обычные времена в страхе скрывающиеся от грозы, абазы, как один, высыпали на природу и смотрели в небеса. Раскаты грома быстро прошли над головами, и пришел долгожданный ливень. Порой он, иссякнув, останавливался, но вскоре начинался вновь, продолжаясь трое суток кряду. С долгожданной влагой к людям вернулся рассудок. Они долгое время стыдились видаться, помнив неблагоприятные проступки, совершенные ими недавно. После столь очевидного знамения не явившиеся на сход дадалы сильно пожалели о своем отступничестве. Зато представители их общин поспешили в Анакопу в надежде выдвинуться на освободившиеся должности.

Первый среди дадалов Скепарна энергично принялся собирать разбежавшееся войско. Он постоянно находился в разъездах по землям присягнувших дадалов, проводя смотры новых отрядов. Политические перемены не могли не сказаться на дисциплине и качестве воинов. Замешанных в громких преступлениях воинов и дадалов Скепарна лишил чести носить оружие и приказал им жить частной жизнью и платить налоги в казну. Их заменили неопытные новички, с которыми следовало работать. Самым слабым оставался анухский отряд в пять сотен всадников, за ними подтягивались отряды Иаш и Гума дадалов, из трех сотен у каждого. На западе дела шли похуже. По одной сотне стояли в крепостях Хаш, Гага и Гега дада-

лов. Скепарна понимал, что ему необходимо время, однако весьма часто по божественному промыслу происходят случаи, ускоряющие течение обычных дел к лучшему. Состояние армии тревожило вождя, потому что опасности подстерегали страну, хоть отбавляй.

Завершившие визит абазы собрались в обратный путь. Аланский царь отправил свой отряд для сопровождения почетных гостей. После полудня всадники добрались до границы на перевале. Здесь они передохнули у жертвенного камня, на который сложили свои подношения, и начали спускаться к горному укреплению Пыса, расположенному на пути в Анакопу. До столицы оставалось еще два дня пути. Совсем недавно, вспоминали абазы, по этой дороге бежали из Абазии уцелевшие налетчики. Дело складывалось следующим образом.

Тогда по Абазии прокатились слухи, что на горных пастбищах Алании пропали царские скакуны. Делегация от алан перешла на южные склоны в поисках пропажи. Бывало и ранее, что вольно пасшиеся табуны переходили через пограничные перевалы. Но на этот раз след лошадей простыл. Аланские пастухи, чтобы отвести от себя наказание за нерадивость, сгущали краски и обвиняли в пропаже абазов. Разгневанный аланский царь поклялся непременно отомстить обидчикам. Посланные разведчики не добыли каких-либо фактов виновности абазов, за исключением того, что табуну больше некуда было деться.

Не имея для обвинения каких-либо доказательств, Багатар приказал выставить вооруженный пост на границе с абазской стороны, «для пресечения впредь подобных случаев». Обе стороны прекрасно понимали, что ситуация близилась к войне, оставалось только представиться подходящему поводу. Проголодавшиеся аланы стали часто спускаться к абазским пастухам за пропитанием. Когда непрошенные гости надоели, пастухи договорились между собой не принимать аланов. Вскоре начал пропадать мелкий скот и лошади пастухов. Разгневанные пастухи устроили засаду и отловили троих алан, промышлявших воровством. Эти несчастные были убиты и выброшены в ущелье на растерзание хищников. Друзья принялись разыскивать невернувшихся товарищей, и на третий день птицы-падальщики вывели их к месту гибели.

Вскоре в западную Абазию вторгся большой отряд алан, убивая, грабя и сжигая все на своем пути. Абазы вместо сплочения перед лицом опасности принялись спасать свое имущество. Когда дурные вести дошли до Анакопы, аланы уже дошли до нагорной Абазии. Они не осаждали крепости на своем пути, а их защитники не вступали в открытое сражение ввиду своей малочисленности. Скепарна призвал пять сотен и двинулся на помощь, главным оставил в Анакопе Урыма. Весть о приближении главных войск дошла раньше самих воинов. Аланы устроили засады в местах, удобных для перехода бурной реки Бзы. Предводителя абазов об этом заранее осведомили перебежчики с занятого противником берега. Тогда Скепарна с половиной отряда направился к Питиунту, чтобы на судах перевезти отряд

на противный берег. Задуманное им удалось сделать скрытно. Аланы думали, что по-прежнему сдерживают войско у Бзы, когда основные силы абазов оказались у них в тылу. На пути следования к Скепарне присоединялись разрозненные группы местных абазов, таким образом, численность войска достигла тысячи. Разведка доложила о местоположении аланского лагеря, укрепленного места, куда они свозили награбленное и пленных. На рассвете следующего утра абазы выстроились сомкнутыми рядами и неожиданно напали на лагерь. Аланы отбили первую атаку, обманутые притворным отступлением, они вывели небольшой отряд для преследования. Абазы развернулись в боевой строй и легко разгромили противника. Несколько сот пленных, воспользовавшись суматохой, захватили оружие и перебили тех, кто оставался внутри лагеря. Победный возглас «Аиаира»¹ огласил окрестности, еще более укрепив духом абазов.

Оставив сотню в бывшем аланском лагере, Скепарна вошел в ущелье, чтобы освободить броды для остального отряда. Выяснилось, что абазы еще ночью небольшими группами перешли реку незамеченными и разгромили сидевших в засаде алан. Удачной операцией командовал Иаш дадал. Скепарна повернул обратно, распорядившись Иаш дадалу удерживать дорогу и переправу через Бзы. Сам вождь пошел по следам основного аланского отряда, углубившегося на запад. Он спешил, чтобы предотвратить бессмысленные убийства и грабежи. В пути они наткнулись на следы недавнего боя, беспорядочно валялись скорченные трупы, среди которых абазов было намного больше. Все покойники были ограблены, Скепарна опознал некоторых из них – это были воины из отряда Гега дадала. Но самого дадала среди погибших не было. Скепарна, оставив несколько воинов, чтобы собрали трупы и переправили их в ближайшее селение, отправился дальше. Дорога вывела их на открытое место, вокруг которого были рассыпаны поселения. Вождь внимательно присмотрелся к округе: ни костров, ни дыма, никаких признаков жизни вокруг. Скепарна не поверил тишине, он прекрасно знал, как горцы умеют замирать и бесшумно передвигаться большими отрядами. Очевидно, аланы не рискнули напасть на эти селения, опасаясь засады. Он подозвал сотника и приказал ему обыскать эти поселения, а сам двинулся дальше. Вскоре из хвоста колонны доложили, что за отрядом следует небольшая группа всадников, похожая на своих. Скепарна задержался, не останавливая продвижения войска. Своими оказались уцелевшие люди Гега дадала с ним во главе. Командир поведал о неудачном сражении, главное – он знал расстановку сил, и в какую сторону отправились аланы.

– Возвратившийся из поселения дозор сообщил, что аланы свернули на второстепенную дорогу, идущую через Мамзыщху² к западному перевалу в земле брухов, чтобы избежать засады Гага дадала.

– Похоже, наши гости предпочли бегство. Что ж, опередим их отход...

¹Победа.

²Гора, возвышающаяся над совр. Гагрой.

Отправь пару всадников из своего отряда к Гага дадалу с поручением снять засаду и перерезать дорогу аланам у подножья Большого Кавказа в верховьях Хашпсы. И еще, – он задумался, – пусть поведут с собой две мои сотни, приказ передайте сотникам Киту и Заре.

Подчиненные поспешили выполнять приказ, а Скепарна поторопился возглавить преследование. К вечеру абазы настигли хвост беглецов. Обе стороны были измотаны дорогой, приближавшаяся ночь требовала обустройства лагеря для ночлега. Авангард аланов сообщил своему начальнику, что впереди глубокое, почти непроходимое ущелье. В этих условиях аланы не отважились продолжить путь, а наспех обустроили лагерь, надеясь в нем заночевать. На незначительном удалении от них тоже самое предприняли абазы. Им не стоило опережать события, потому что преимущества были на их стороне. Противники выставили дозоры и разожгли костры. Скепарна созвал дадалов и сотников на Совет.

– Благодарю за ратный труд и те победы, что даровали нам Всесильные. Думаю, что расстановка сил для вас ясна. Враг прижат к крутым склонам ущелья, у него нет времени отыскивать более удобные пути. В такой теснине кавалерия не сгодится. Только пешие фаланги могут схлестнуться в рукопашном бою. И в этом тоже наше преимущество, потому что аланская кавалерия превосходит нас мастерством. Не так ли, Гега дадал? Вам пришлось сегодня в этом убедиться.

– Правду говоришь, Скепарна, алан на коне – одно целое.

– Зато в рукопашном бою мы их превосходим. Ранним утром мы можем построить пешую фалангу и двинуться на врага. Лучники будут с флангов накрывать неприятеля стрелами. Первыми пойдут копьеносцы, когда фаланга противника будет смята, ринутся вперед меченосцы. Какие будут у вас предложения?

Собеседники представили картину боя и, впечатленные, молчали. Не многие из них участвовали в настоящих сражениях. Все, что предложил вождь, прозвучало настолько убедительным, что казалось, добавить было нечего.

Невольным соучастником Совета оказался щитоносец Скепарны, по долгу службы стоявший рядом. Он обратился к своему господину и попросил слова. Скепарна одобрительно кивнул.

– Уважаемый Совет, простите мою дерзость, у меня возникла мысль, с которой я хочу поделиться. Мне кажется, что открытое сражение для нас может оказаться не очень выгодным, не потому, что мы лишены настоящего мужества и умения – качеств, пренебрегающих опасностью. Нам еще предстоит многому учиться: и умению не подвергать себя необоснованным опасностям. Если этой ночью небольшой отряд тайно перейдет ущелье в удобном месте и устроит засаду в тылу врага – это, думается мне, станет гарантией блестящей победы. Кроме того, нам не стоит вызывать противника на бой, ведь не мы находимся в столь невыгодном положении, не мы думаем о бегстве и спасении. Нашим отрядам, идущим к перевалу, нужно не менее суток, чтобы достичь цели. Нам же имеет смысл потянуть время и свои-

ми действиями показать нежелание ввязываться в бой. Если они поверят, то задумают переход, чтобы продолжить бегство. Как только их авангард спустится в ущелье, мы ударим со всех сил и опрокинем оставшихся, откуда уже никто из них не выберется живым, потому что пути к отходу с той стороны будут закрыты нашей засадой.

Участники Совета одобрительно закачали головами, находя план щитоносца более удачным.

Скепарна молча улыбался, приглядываясь к каждому из них. Они не догадывались, что их разыграли.

– Твое предложение принимается, – подытожил Скепарна, – ты решишь сотню под свое командование из примкнувших к нам людей и под покровом ночи переходишь на другую сторону. Не забудьте оставить коней под присмотром. Остальные отдыхайте, грядущее увидим завтра.

Не только добрые вести суждено было услышать Абазии. В сумерках к Анакопе подъехал взмыленный всадник. Он настойчиво просил встречи с правителем. К нему вышел Урым, наделенный полномочиями дадала. Гонец был родственником матери Скепарны и принес дурные вести: «Почувствовавший неладное, царь аланов Багатар подошел с еще большим войском к крепости на перевале и потребовал, чтобы Псху дадал безоговорочно пустил их в Абазию. Он ублажал дадала долгими речами о добром соседстве двух народов, более тесных и справедливых, чем с правителями Абазии. Клятвенно обещал, что никто из его людей не пострадает, даже пообещал треть добычи от награбленного. Псху дадал сделал вид, что заинтересовался предложением и попросил время на раздумье. Мне он поручил срочно доложить в Анакопу, что он потянет время, но аланов пропустит, так как силы неравны. Врагов больше, чем всех жителей Пыса», – подытожил гонец свое донесение. Урым распорядился устроить посланника в цитадели и срочно собрал сотников для Совета. После короткого разговора вооруженные отряды выехали из цитадели. Сам Урым без промедления отправился со своими людьми на предгорную дорогу, что ведет к перевалу. Он спешил прибыть к каньону до того, как там появятся враги. Доверенного гонца он отправил к анухским крепостям с приказом немедленно выступить их гарнизонам следом за ним. Другого посыльного он отправил в земли Иаш и Гума с просьбой как можно скорее прибыть в Анакопу оставшимся там резервам в подчинение коменданта опустевшей крепости. Третьему он поручил разыскать Скепарну в западной Абазии и сообщить о происходящем. Урым успел свидеться с кем-то из Совета Старейшин и поручить им мобилизацию всех мужчин.

Весть о случившемся дошла до Скепарны только вечером следующего дня, когда прижатый к глубокому ущелью отряд аланов бесславно погиб, неосмотрительно предприняв переход. Вождь объявил срочные сборы, не считаясь с недовольством воинов, не успевших собрать трофеи. Был отдан приказ становиться в походном порядке и спешить на подмогу к каньону. На месте боя осталась анухская сотня, чтобы собрать трофейное оружие

и коней, укомплектовать новые отряды из числа примкнувших и немедленно выйти на помощь. Десять всадников были отправлены к перевалу Аишха¹ к Гага дадалу, чтобы те оставили сотню в засаде, а остальными силами выдвинулись к Абазскому перевалу на помощь Пыса.

Псху дадал потянул время, чтобы спрятать население своей общины на высокой горе, где располагалась Псхуныха. За несколько часов они превратили гору в боевой лагерь, способный отразить нашествие. Безоружных разместили в глубине горы, куда не могли долетать вражеские стрелы. Все остальные заняли оборону по периметру горы. Защиту этого места облегчала неприступность его местоположения. Псху дадал не верил словам Багатара, но посчитал, что аланы не станут тратить время на бесполезный для них штурм. Кому неизвестно, что аланы и гунны не любят осаждать и штурмовать укрепленные места. Так и случилось. Утром следующего дня Псху дадал сделал вид, что принял предложение алан и пропустил их войско. Длинная вереница всадников прошла землю Пыса и вторглась в Абазию. Местные жители наблюдали за ними из укрытия. Кто-то принялся считать воинов, кто-то молился. Псху дадал, удрученный, размышлял: «О, сколько несчастных матерей не досчитаются своих сыновей, их трупы будут растерзаны хищными животными и птицами, их бессмысленная и бесславная гибель отзовется и на небесах...».

Когда явная угроза миновала, дадал позвал своих сыновей и поручил им бесшумно, словно снежные барсы, на небольшом удалении следовать за врагом, чтобы знать все о его передвижении.

По расчетам Урыма аланы могут оказаться у каньона через сутки – утром следующего дня. Этого времени должно хватить, чтобы абазы укрепились в удобном месте. У перехода через Бзы он встретил сотни под командованием Иаш дадала, оставленные здесь Скепарной. Воеводы обменялись последними новостями. Иаш дадал уговорил Урыма остановиться для передышки, а сам с отдохнувшими силами выдвинулся вперед.

Слухи о поражении грозных алан и многочисленных трофеях быстро обошли всю Абазию. Желаящие испытать свою судьбу и добыть легкую славу исчислялись тысячами. Во всех общинах к дадалам шли мужчины и юноши с просьбой отправиться на войну. Из безоружных комплектовались резервные сотни. Дадалы западной Абазии, не сумевшие достойно встретить врага, теперь мечтали отличиться и смыть с себя пятно позора. За короткое время они восстановили численность и боеспособность войск и старались не уступать Скепарне в доблести.

Аланские военачальники хорошо знали эти места, они выдвинули вперед легкую кавалерию для разведки, поручив им укрепиться на выходе из каньона и дожидаться основных сил. До них дошли слухи о некоторых неудачах, постигших их товарищей. О последнем бесславном сражении они, разумеется, еще не знали. Багатар приказал идти на Анакопу, уничтожая встретившихся в пути мужчин, чтобы в тылу не оставлять

¹Перевал в районе совр. Красной поляны.

для себя угрозы. Затем он надеялся основательно пограбить и обложить Абазию крупной данью. Он настолько был уверен в блестящей победе, что сам не отправился в поход и каждую минуту ожидал известий о скором триумфе.

Кавалерийский авангард алан вошел в каньон, протянувшийся отвесными скалами на сотни метров. Справа и слева возвышались монолитные стены, прорезанные рекой за миллионы лет кропотливой работы. В каменных складках и на выступах сидели притаившиеся абазские лучники. На выходе из каньона за огромными валунами спряталась конница. В нужное время Иаш дадал подал сигнал, и тысячи стрел полетели на головы алан. Скрыться от стрел было негде, охваченные паникой всадники устремились вперед. Немногим уцелевшим показалось, что они выскочили из мешка, но тут их встретила с обнаженными мечами кавалерия. Подоспевший к развязке Урым приказал собрать тела убитых алан и соорудить из них нечто похожее на курган на пути следования основного отряда. К шедшей позади основной группе вернулись кони без всадников. Аланский военачальник приказал остановить движение и еще раз отправил вперед разведку. Те быстро вернулись и рассказали о страшной гибели авангарда и огромном кургане из трупов всадников. Сообщение пошатнуло уверенность врагов. Военачальник, опасаясь еще более страшных последствий, приказал повернуть назад, чтобы усыпить бдительность абазов и попытаться выйти на другую дорогу, более длинную и неудобную, скорее похожую на звериную тропу. Больше всего он думал о бегстве, только страх быть казненным притуждал к каким-то действиям. Передовые сотни под командованием Урыма и Иаш дадала начали преследование алан, не ввязываясь с ними в бой и сковывая силы противника. Они дожидались подхода основных сил. К ним спешил Скепарна с тысячей воинами, должны были подойти и сотни западных дадалов, из восточной Абазии шли вновь мобилизованные сотни пехоты. По самым скромным подсчетам должно было собраться не менее трех тысяч войска. И хотя аланского войска было в 2.5 раза больше, абазы не сомневались в своей победе. В преддверии сумерек аланы выбрали неприступное место и разбили лагерь для ночлега. Дуновение ветра с их стороны приносило запах дыма от костров и звуки тревожной суеты. В многотысячном лагере был объявлен траур, аланы оплакивали своих товарищей. Их начальник все-таки решил отправить Багатару донесение. Из лагеря выехали три всадника с дурными вестями, чтобы предстать перед царем и быть затем казненными. По пути их выследили сыновья Псху дадала и пленили. Так и остался царь алан в неведении о произошедшем избиении своего войска. Ночью оба абазгских отряда объединились, к утру подошли западные части. Скепарна принял решение не спешить с нападением, пока не выяснятся дальнейшие намерения врага. То, что аланы не собираются атаковать, было уже очевидным. Вскоре разведчики доложили, что половина отряда вышла на заброшенную анакопскую тропу. Скепарна приказал сотнику Киту поспешить в Анакопу, чтобы с местными силами устроить засаду на подступах к Анухе. Остальных командиров он собрал на Совет.

– Абазы, преследование врага невозможно, пока на пути будет стоять вражеский лагерь. Он сковывает наши силы и может привести к провалу кампании. Если враг предпочтет держать оборону в лагере, считаю, что мы должны напасть и захватить его. Учитывая, что силы противника превышают наши, и сама местность неудобная для атаки, нам следует начать бой после обеда. Вдруг по каким-то причинам судьба отвернется от нас, тогда последствия вражеской контратаки станут для нас не такими тяжелыми.

Командиры согласились: «В сумерках легче будет ретироваться и занять новую линию для обороны».

– Раз других предложений нет, перейдем к плану действий. Большому отряду лучников лучше занять позицию с правого фланга на возвышенности, приближенной к высоте места, занятого противником. По моей команде лучники начнут метать стрелы. Затем копьеносцы ударят по центру, сметут первую линию, тем самым расчистят путь для конницы и пехоты.

– Скепарна, думаю, что кавалерии лучше ударить с левого фланга, чтобы растянуть врага и отвлечь его от центра. На случай, если наша атака захлебнется и аланам вздумается контратаковать, имейте в виду, что мы не имеем резервов. Нам остается надеяться на лучников, они должны будут отбивать контратакующих, если даже мы попадем на линию обстрела. Риск велик, но итог сражения определит исход войны.

– Пусть будет по-твоему, – согласился Скепарна.

До начала атаки оставалось несколько часов, командиры приступили к подготовке операции. Штурм лагеря противника – дело непростое, это понимали все. Для такого шага необходима готовность духа: для рядового воина в большей степени это вопрос жизни и смерти, для командира – вопрос чести и бесславия, для вождя и царя – вопрос гибели предпринятого дела, власти и народа. Мера ответственности у каждого своя. Скепарна расхаживал вдоль позиции, всем казалось, будто он изучает место сражения, а он ходил воодушевленный, чтобы сломить дух противника до начала сражения. В таком состоянии души рассудок отключен, интуиция вступает в связь с Высшими Силами. Наконец Скепарна, урезонив себя, приказал строиться. Небольшое войско быстро выполнило приказ. Предводитель на коне проехал перед рядами. Абазы сомкнули ряды и гордо подняли знамена.

– Воины, перед началом предстоящей битвы я хочу обратиться к вам и напомнить, что вы сыны тех, кто на протяжении многих веков оберегал родную землю от врага. Мы привычны к превратностям судьбы и помним, что лучше прожить короткую и славную жизнь, чем испытать рабство или жить с позором. Многие из вас бывали в жестоких, неравных схватках, где противник превосходил и мужеством, и умением сегодняшних врагов. Многие из вас уже испытали себя в сражениях с аланами. Наш враг неуверен, потому что пришел сюда ради грабежа и насилия. Вы же, напротив, защищаете свою землю, свободу своих семей и вы непременно вернетесь с победой. Да помогут нам Всесильный Аергъ и Святая Аныха.

– У-ра, У-ра, У-ра, – слились голоса готовых к сражению воинов.

По приказу сотни лучников поспешили занять позицию на правом фланге, на левый переместилась конница, копьеносцы и меченосцы выстроили фалангу по центру. Эту рекогносцировку наблюдали аланы из своего лагеря, они тоже укрепили свои рубежи и приготовились к отражению атаки. Скепарна подал знак лучникам. Тысячи стрел взмыли в воздух и посыпались на лагерь противника. Аланы скрывались от стрел за деревьями и щитами. Потянул сильный попутный ветер в сторону лагеря, ускоряя полет стрел, однако Скепарна не доволен результатом. И тогда он отправляет к лучникам своего телохранителя с приказом бить по аланской кавалерии и лошадям, расположенным в центре лагеря. Замысел достиг своей цели, не столько всадники, сколько кони внесли суматоху. Чтобы увести коней от расстрела, аланы невольно раскрывались, тут их настигали другие стрелы, убивая и калеча. Подобное избиение продолжалось час, небольшой двор лагеря покрылся множеством трупов людей и животных. И тогда Скепарна дал команду в атаку. Сомкнутыми рядами фаланга двинулась вперед, прикрываясь от вражеских лучников большими щитами. Почувствовав угрозу в центре, аланские лучники перенесли свой удар на фалангу и раскрылись для стрел абазских лучников. Скепарна, окруженный двумя десятками телохранителей, наблюдал за ходом боя с возвышенного места. До бруствера лагеря осталось пройти сто шагов под плотным огнем врага. С болью в сердце он видит, как редет фаланга абазов. Вопреки прежнему решению, он приказывает лучникам вступить в рукопашный бой, и срывается с места, чтобы возглавить главный удар. Скепарна кидается в бой, увлекая за собой тысячу всадников. С диким криком кавалерия приближается к противнику, всадники приготовились метать дротики, передний край перелетает через частокол. На левом фланге завязывается страшная бойня. Отчаявшиеся аланы поражают всадников копьями и сами погибают, пораженные. Аланская конница, стоявшая в резерве для контратаки, не может развернуться и противостоять стремительному вторжению, зато их дротики сильно разрядили кавалерию абазов. Пехота с большими потерями карабкается на бруствер, завязался рукопашный бой по всей центральной линии. Теперь исход определит грубая сила и мастерство. Телохранители следуют за вождем, рядом с ним скачет знаменосец. Двадцать отчаянных всадников врываются в центр лагеря. В пробитую брешь устремляется воодушевленная пехота. Скепарна рвется к обозу, где мельтешит шлем аланского военачальника. В правой руке он держит наготове дротик, левой слегка прикрывается щитом, рядом с ним реет знамя и скачут верные щитоносцы, расчищающие путь к цели. Справа к центру рвется Иаш дадал, окруженный своей охраной, повсюду кружат смерть и страдания. Стоит непоколебимо аланский командир, окруженный охраной, сдерживает ярость и хладнокровно отдает приказы. Он видит, как приближаются к нему знамена Абазии, и вырывается вперед, за ним устремляется охрана с аланским знаменем. Сражающиеся воины расступились, уступая желанию первых схлестнуться в поединке. Два небольших отряда стремительно сближаются, увлеченные отвагой. Первым бросает копье Скепарна и, выбив с седла аланского знаменосца, вынимает

меч. Абазский стяг вознесся еще выше, воодушевляя своих и смущая противника. Аланский командир бросает свое копье в Скепарну и выхватывает меч, щитоносец слева отбивает удар копья и слетает с коня. Охранники аланского командира следуют его примеру и готовят мечи. Однако абазгские щитоносцы выставляют свои длинные копья и легко без ущерба для себя выбивают охрану. Скепарна и алан схлестнулись в поединке, абаза удачно отбил удар противника, но его конь пронес всадника дальше положенного. Нанесенный им ответный удар перерезал кожаные подвязки седла и ранил лошадь. Алан свалился на землю и потерял меч. Щитоносцы подняли поверженного командира на копьях. Со всех сторон зазвучал победный клич абазов.

– Аиаира! Аиаира! – кричали и раненые, заглушая свои страдания. Аланы сникли... Те, кто еще мог бежать, и те, кто оставался в стороне от главного сражения, принялись убегать из частично захваченного лагеря. Иаш дадал со своими сотниками бросились в погоню, настигая и избивая беглецов. Ближе к сумеркам преследование прекратилось. Скепарна собрал Военный Совет.

– Дорогие воины, поздравляю вас с решительной победой в серьезном деле. Дадалы, вы доказали, что достойны чести и своего звания. Я распорядился подсчитать наши потери. Эта победа нам досталась дорогой ценой, пять сотен абазов будут отправлены в родные селения на щитах, свыше тысячи получили ранения и серьезные увечья. Мы скорбим по погибшим. Раненых следует увезти в селения, где будет за ними уход, погибших доставить в их родные места. Если выжившая половина войска займется этим, Абазия вновь останется беззащитной.

– Дад, Скепарна, я думаю, что к нам вот-вот придут свежие силы. Треть раненых не доживет и до утра, треть других не перенесет дальней дороги. Тех, которые подают надежды на исцеление, надо увозить, этим могут заняться пятьсот всадников. Остальная тысяча пока в силах охранять себя, раненных и умирающих.

– Давайте мы попросим о помощи горцев Пыса, они нам близки, до них с этого места рукой подать, – предложил Скепарна.

– Попробуй поступить так, как думаешь, хотя я не уверен. У них самих сейчас горячо. Уверен, что Псху дадал со своими избивают беглецов, чтобы искупить свою вину, хотя никто из нас не вправе считать их предателями, – высказался Урым.

– Как бы то ни было, отправлю к нему посольного, и мы узнаем, как идут у них дела. И еще – я отправлю Багатару подарок: голову его военачальника. Арын (так звали телохранителя), выбери из пленных самого молодого и отправь его с посылкой. Пусть Псху дадал переправит его целым на ту сторону, только сделай так, чтобы он не узнал о содержимом мешка, иначе может испугаться.

Абазы решили заночевать в поверженном лагере: выставили дозоры и разошлись по палаткам. Ночь выдалась не из легких – со всех сторон раздавались стоны, кто-то громко оплакивал родных. К утру на самом деле подошли свежие силы, собранные из новобранцев. Их быстро укомплектова-

ли оружием и трофейными конями, теперь они смотрелись бравыми воинами. По распоряжению Скепарны, из лагеря отбыла домой часть основного войска, получившего легкие увечья, с транспортом из раненых и убитых. Остались командиры – им предстояло организовать преследование войска, отправившегося по заброшенной дороге на Анакопу. Уже в пути их догнал посольный от Гага дадала, закрепившегося со своим отрядом у Абазского перевала. Чуть позже прибыл гонец от Псху дадала с сообщением, что переход на север они закрыли, а убегающих алан убивают и пленят. Еще он передал, что своих людей ему хватит. Между строк звучало: «Извините, что не пришел на помощь».

– Передай Псху дадалу благодарность и скажи, что станет еще горячее, когда начнут бежать оставшиеся.

Через посольного Скепарна приказал, чтобы Гага дадал поделил свой отряд на две части: одна останется на месте, а другая спустится на развилку дорог, ведущих к перевалам и в нагорную Абазию.

Из Анакопы вернулся посланный туда ранее с известиями гонец. Он сообщил, что внутренние силы объединились под командованием Кита и выдвинулись в сторону Лашпсы – численность отряда уже приблизилась к трем тысячам. От себя гонец добавил: «Вся Абазия уверена в тебе, по первому зову готова стать под твои знамена во имя скорой победы». «Если так, то бояться нам нечего», – утвердился в мыслях Скепарна.

Для большого конного отряда переход алан по заброшенной тропе уподобился ужасным мукам. Местами им приходилось вырубать деревья и колючие кустарники, засыпать природные рвы и навешивать перекидные мосты через непроходимые ущелья. В день они с трудом преодолевали пять, семь тысяч шагов. Зато абазам уже по протоптанной и обустроенной дороге не доставляло особого труда догонять противника. На участке, где дорога долго шла на спуск, чтобы спустя несколько стадий¹ вновь забраться на гребень, Скепарна настиг хвост аланской колонны. В незавидном положении оказались аланы: впереди – непроходимый путь, справа – теснины, под дорогой – бездонная пропасть, позади насели отряды Скепарны, готовые в любую минуту атаковать. Аланский командир понял, что их ждет неминуемая гибель. Но почему-то Скепарна не спешил атаковать. Наконец аланский командир понял причину «нерешительности» абазов и решил поступить сообразно своим размышлениям. Он отправил к Скепарне посольство для переговоров об условиях их ухода из страны. Скепарна передал через послов, что хочет встретиться с командиром лично. Послы отправились обратно, по приказу вождя абазы построили фалангу, заполнив узкую полосу, зажатую грозными скалами. Фаланга глубиной превзошла ширину в несколько раз. Впереди сомкнулись щитоносцы с длинными копьями, которые своей густотой скрывали стоявших сзади. Только конница, прикрытая

¹Единица измерения расстояний в древних системах мер многих народов, одна стадия составляет от 172,5 до 230,4 м.

легкой броней, проглядывалась противнику через головы передних рядов. Аланы пришли в ужас, они уже не думали о сопротивлении. Их отряд, растянувшийся в длинную шеренгу, стиснутый в узком месте, даже не мог повернуться лицом к своему противнику. Аланский военачальник, оценив ситуацию, немедленно выехал к Скепарне.

– Я – Скепарна, сын Бага, абазский вождь. Для тебя царь и господин, предлагаю немедленно сдаться всем войском. Если выполните мои дальнейшие условия, я смогу гарантировать вам жизнь.

– Каковы твои условия, победитель?

– Первое: вы оставляете все свое оружие и имущество.

– Согласен.

– Второе: большая часть твоего отряда останется в Абазии навсегда. В Аланию вернутся только семейные. Прежде они должны будут принести клятву своим богам, что никогда не вернутся в Абазию с оружием в руках. За каждого пленного требую выкуп в номисму. Остальные останутся здесь, но не как наши рабы, хотя законы войны дают нам такое право, а как верно-подданные, и отныне будут жить по нашим законам и обычаям. Мы отдадим им в жены вдов абазских воинов. Они будут трудиться и воспитывать осиротевших детей, дабы искупить свою вину перед нами.

– Многим из нас нет пути назад. Я готов остаться и честно служить тебе, доблестный и милосердный царь. Не отправляй меня в Аланию.

– Раз мои условия ясны и приняты, делай то, что должен, – закончил Скепарна.

Абазы разомкнули фалангу, освободив проход для пленных. Их победный клич «Аиаира» наполнил округу радостным возбуждением. Три с половиной тысячи побежденных алан, не в силах противостоять превратностям судьбы, прошли сквозь строй, свесив головы...

Скепарна завершил задуманное, его люди переписали всех алан поименно, одни из них клялись «абазгскому царю» в верности и послушании, другие в том, что никогда не возьмут в руки оружие. Пройдет немного времени, и Скепарна лично займется судьбами овдовевших матерей. Для этого он собирал общины, куда приводил на смотрины пленников. Вдовы обязаны были подойти к тем, кто им приглянулся. Община вносила в списки новых членов, и несла перед правителем за них ответственность. Новым гражданам назначался испытательный срок в пять лет. За короткое время вождь устроил семейные дела полутора тысяч вдов, чем еще больше прославился. Так в Абазии появились новые патронимии с аланскими корнями: Осиа, Плиа, Чочиа, Алания и другие, которые вписали в летопись Абазии и свои славные дела.

А сейчас Скепарна, во главе отрядов, объединившихся на земле Пыса, направился к перевалу для устрашения аланского царя Багата. Абазы прошли перевал и нависли над аланской крепостью, стоявшей в горной долине. Аланские разъезды, встретившись с ними, тотчас ретировались. Абазы не спешили идти дальше. Скепарна отправил к Багату посыльным бывшего его полководца, присягнувшего Абазии. «Если

царь не лишит посланника жизни, обвинив в предательстве, – размышлял Скепарна, – наши дела быстро уладятся». Посланнику было велено передать желание «царя» абазов говорить с аланским царем. Вопреки опасениям, посланник быстро вернулся с хорошими новостями. Багатар принял предложение и пообещал скоро прибыть в крепость. Встреча состоялась за ее стенами. Скепарну принимали с царскими почестями, будто рядом не стоял абазгский лагерь, угрожая уничтожением всей Алании. Скорее, Багатар старался исправить свою ошибку, приведшую его сторону к несчастным последствиям.

– Вот к чему приводят злые языки недругов, – сокрушался Багатар, намекая на историю с пропажей его коней.

– Мудрые соседи всегда стремятся к дружбе. Зло, предпринятое против соседа, имеет свойство возвращаться к зачинщику.

– Да, царь Абазии, нынешняя история тому подтверждение. Она учит нас чтить соседа как самого себя, радоваться его хорошему, не зариться на его имущество. И если третья сторона задумает дурное дело, выступать объединенными силами.

– Багатар, не завершив начатое между нами враждебное, пустым или лживым словом, даже если оно подает надежды и выглядит благопристойно, не заменить дельное и насущное. В то же время мы ценим твое понимание и готовность впредь жить мирно. Однако для этого необходимы с твоей стороны дела. Волею Всесильных богов и распорядителей судеб твое положение приведено в расстройство, страна стоит на краю гибели. Но мы – абазы, по завету наших мудрых предков, не желаем соседям беды, предпочитая добрые отношения. Многие военачальники считают, что состояние нынешних дел еще не гарантирует Абазии безопасности с севера. Я же убедил их, что дальнейшее кровопролитие и насилие будут помехой полному прозрению, потому что клятва, данная равному себе, намного сильнее, чем подчинение раба своему хозяину из страха.

– Я готов принести тебе клятву, царь Абазии, но не столько потому, что обстоятельства оказались превыше моих сил, а вследствие того, что твои мудрые речи пробудили во мне уважение и отеческую любовь. Я позову сердца приложу усилия для признания тебя царем Абазии, поскольку вижу в тебе соединение всех наивысших добродетелей.

– Чтобы наш разговор приобрел силу договора и абазы вернулись к себе на родину, нам важно, чтобы стены этой крепости были разрушены, – перебил собеседника Скепарна.

– Настолько сильно ты этого желаешь, что труды прежних поколений не кажутся тебе ценными?

– Да, это так, – твердо стоял на своем Скепарна.

– Что же, твое условие будет выполнено.

– Две тысячи пленников, уже поклявшихся, что впредь не повернут оружие против нас, вернутся к тебе по выплате 2 кентинариев... И абазы повернут к себе домой, – завершил Скепарна. Он встал и вышел из палаты. Багатар последовал за ним.

– Приумножится слава твоя, царь Абазии, и твоя, царь Алании, – восклицал аланский гарнизон.

– Приумножится слава твоя, царь Абазии, Скепарна – стройным хором приветствовали абазские воины, стоявшие за стенами крепости. Они посчитали непристойным называть своего вождя иначе в присутствии поверженных врагов. Но ведь слово не воробей, вылетит – не поймаешь. С тех пор подчиненные называли его не иначе, как царем.

Багатар выполнил свои обещания, абазы вернулись домой, отягощенные трофеями. Пленники вернулись в Аланию. Вскоре Скепарна назначил общее собрание дадалов и Совета Старейшин для определения состояния дел и планов на будущее.

Заседание началось с выступления главы старейшин Рисмага, который поблагодарил народ за проявленное единение и доблесть. Особую признательность выразил правителю Скепарне, «сумевшего вложить божественную волю в разум и души абазов». Скепарна посчитал нужным назвать имена особо отличившихся воинов. Некоторые из них получили новые назначения. Следуя издревле установленному правилу, Скепарна выдвинул одного из дадалов в правители западной Абазии. После недолгого обсуждения правителем стал Нал – Хаш дадал, отличавшийся более древним происхождением и доблестью в последней кампании. В ответных речах дадалы благодарили вождя, обращаясь к нему не иначе, как Апсха, что послужило причиной конфуза на Совете. Старейшин недоумевали по поводу нового титула правителя, но понимали, что противодействовать новой моде не в силах. Победившая армия не будет особо прислушиваться к старческим размышлениям. «Мы вынуждены принять решение народа, поверившего и объединившегося вокруг Скепарны, – мудро рассудили они. Иначе народ будет нами пренебрегать и открыто высмеивать, ведь победителей не судят. Да и Скепарна проявил себя достойно, завоевав уважение и любовь. А там, глядишь, и передумают, ведь толпа непостоянна в своих симпатиях. Сейчас для них это дело решенное. Сила и правда на их стороне. Разве не он одолел опасного врага и сумел присоединить к Абазии земли Псху дадала, вождя сильного и мужественного племени. Нам остается примкнуть к большинству и вынести предложение на голосование». Таким образом, волею судьбы Скепарна стал царем Абазии.

Временный отъезд Скепарны из Анакопы не повлиял на ход событий. Работы по обустройству лагеря быстро продвигались. Основные силы заканчивали расширение канала. День пуска воды в обновленное русло совпал с днем провозглашения Скепарны царем Абазии. Апсха тщательно осмотрел проведенные работы и остался доволен. Затем он поехал на карьер, где рабочие добывали камень особой плотности для сооружения прибрежной дамбы. Там он застал механика Крита, лично отбиравшего камни. Вереница арб, запряженных буйволами, перевозила эти глыбы к морю. На морском берегу строители соорудили брусчатый настил, чтобы легче было подъехать прямо к стройке. Скепарна позвал Крита и Ксыса,

расспросив их о ходе дел, распорядился не задерживать обещанные выплаты рабочим. Люди обрадовались возвращению царя и старались всячески показать свое старание. И на самом деле, тут вершилась история Абазии.

В назначенный день в Анакопу прибыли приглашенные. Апсха предложил им морскую прогулку на галере, и они вышли в море в сопровождении более мелких судов. В подходящее время воду спустили в обустроенное русло, и суда устремились к берегу. Скепарна замыслил войти на галере в реку и пришвартоваться у нового причала. По обоим берегам собрался народ – строители, воины, члены их семей и прочие зрители. Воодушевленные проделанным, они громко приветствовали царскую галеру. Расчеты Крита оправдались, галеры без каких-либо помех дошли до причала. Там царь с гостями вышли на сушу и возглавил всеобщее застолье и веселье.

К закату дня у берегов Анакопы появилось купеческое судно под римейским флагом, что несказанно воодушевило абазов, потому что долгое время эти берега оставались пустынными. Мореплаватели, среди которых оказался Стефаний, были радушно приняты. Их усадили за общественный стол, хозяева и гости долго угощались.

Утром в Анакопе встретились два старых друга – Скепарна и Стефаний. Казалось, день быстрее завершает свой круговорот, чтобы прервать их дружеское общение. Скепарна открыл другу свои грандиозные замыслы.

– Представь, Скепарна, если бы люди не растрчивали свои силы на бесконечные войны, какое благоденствие царило бы на земле.

– Если бы такое было возможно, кто бы стал обещать рай на небесах? И ты, Стефаний, веришь в эту утопию.

– Не верю, но очень хотелось бы, – засмеялся грек. – Сколько великих стали бы никчемными, – так считает твой подданный Апсит.

– Я давно замечал, что ты хочешь одолеть более сильных хитростью, переводя беседу на риторику, наверное, и тебе не хочется быть поверженным.

– Не хочется, потому я и выполнил просьбу «тирана» и привез из Греции двоих плотников-корабелов. Они смогут выполнить твой заказ, и царь Абазии станет стяжать славу мудрого, милосердного купца. Не правда ли?

– Чего тут смешного? Ты ведь сам внушал мне эту мысль.

– С этим я справился, но как сделать купца из тебя, я не знаю, – съязвил Стефаний.

– Неужели так сложно, Стефаний, освоить торговлю?

– Посуди сам, с тех пор, как я близко общаюсь с тобой, мне не удалось прирастить свой капитал. А ведь я купец в третьем колене.

– Видимо, ты становишься созерцателем, несчастный, смотри – не разорись. А то я не смогу назначить тебя главным в нашей торговой палате.

– Ну и хорошо, потому что я не смогу торговать справедливо, как того требуешь ты. Торговля и справедливость – вещи несовместимые. Ты когда-нибудь слышал, чтобы благопристойные люди быстро сколотили состояние? Можешь не отвечать. Так вот, чрезмерное увлечение стяжательством и есть главное зло, причина гибели некогда процветавших цивилизаций.

– Ты опять ударился в риторику, не мы придумали торговлю и монеты, а без капитала нет хода вперед. И ты поможешь разбогатеть свободной Абазии. Обещаю, что не буду докучать тебе с расспросами, главное: увози наше, привози ваше. Десятая часть прибыли твоя.

– Это будет твоя абазгская монополия...

Царь Абазии увлекся новой идеей. Он коротал ночи с единственной мыслью приняться за дело. На берегу в удобном месте соорудили стапель,¹ туда свозили отовсюду нужные материалы. Артель плотников бойко обрабатывала древесину, рядом обосновались кузнецы. За стройкой, по заданию царя, следил Крит, делая записи в своих конспектах.

Царь и Стефаний часто приходили к строителям, временами возобновляя свои диалоги.

Однажды Стефаний заявил царю:

– Скепарна, в Византии я познакомился с твоим родственником – евнухом Ефратой. Он добился власти, высокого положения и все больше смотрит в вашу сторону. Кажется, он готовится к тайной миссии в Абазии. Ведь не зря он стал навещать Апсита, ввел его в дома тамошних абазов, добившихся благоволения Кесаря. Он готовит свою партию, чтобы влиять на дела в Абазии. Ходят слухи, будто в скором времени Ефрата направится сюда с определенным предписанием.

– Когда придет, тогда и поглядим. Что сможет Ефрата против нас? Не забывай, он сын Рисмага, и мой отец погиб ради его освобождения из плена?

– Даже так? Но его отцом стал Юстиниан, а родиной – Византия, воспитавшие в нем христианское рвение и покорность. Скорее всего, он займется проповедью, примется внедрять христианство и словом, и делом, на что у него будут соответствующие полномочия и денежные субсидии.

– Меня не пугает и это. Чтобы абазги на самом деле поверили в Христа, они должны разувериться в своих святынях. Я не знаю, какая сила или чудесное событие сможет принудить их к этому. Римское золото имеет свойство кончаться, даже если его очень много. Продажные люди были во все времена. Их религия – следовать за выгодой. Нужны ли вашему Богу такие сторонники, Стефаний?

– С этого все начинается, Скепарна. Вкус золота слаще вкуса крови. Иногда приходят на землю чудесные знамения, затмевающие величие прежних богов и подрывающие старую веру. Люди начинают колебаться и склоняться к новому. Сущность человека такова, что он склонен к очевидным и выгодным вещам и легко забывает прошлое.

– Все в этом мире подвержено переменам, предначертанным свыше. Абазы умеют слышать этот голос и подчиняться неизбежности. Но мы умеем и защищаться, не поддаваться модным и обманчивым переменам.

¹Вспомогательное устройство для постройки кораблей.

– Мы бессильны перед Высшими Силами, но не всегда понимание приходит вовремя. Меня осенила мысль: как посмотрят на твои дела новые покровители – персы? Они имеют повсюду агентов, уже знают о прибытии римского судна и о твоих прочих затеях.

– Поначалу у меня возникало больше опасений, но персы ко всему безразличны. Их отряды просто бездельничают, не думая о закреплении где-либо, хотя никаких помех к этому нет. Они недоверчивы и подозрительны, тянут время, чтобы к зиме вернуться на свои квартиры. Кажется, они заняты только собой.

– Почему тогда до сих пор не прибыли твои послы из Персии? Что кроется за этим?

– Доходят слухи, что там они окружены почетным приемом. Я подумываю сам отправиться к шахиншаху, чтобы скрепить верительный договор печатями и вернуться со своими послами.

– И кусить прелести шахского двора, – посмеялся Стефаний.

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Теперь Аpsит почувствовал, насколько греки изменились по отношению к нему. Прежде для них он оставался варваром, если даже при нем и не звучало это обидное слово. Сейчас он посещал первую грамматическую школу Византии, осваивал древнегреческий и латынь, арифметику, геометрию и механику. Посещал тайные уроки по эллинской философии, совмещая с занятиями по Божьему слову. После уроков Аpsит спешил в юношеский клуб для занятий по единоборству. Жизнь юноши была настолько заполнена увлекательными открытиями, что он не замечал изменений, произошедших в его внешности. Когда-то легкий пушок, покрывавший щеки и подбородок, отрос в элегантную бородку, отливавшую на солнце каштаново-золотистым переливом. Сквозь тонкие одежды проглядывались упругие мышцы молодого тела. Аpsит не замечал на себе взгляды со стороны, девушки злились на рассеянность горделивого юноши. В одном классе с ним занимались дети патрициев, консулов, военачальников. Аpsит поддерживал с ними товарищеские отношения. Способного, скромного, честолюбивого и красивого юношу полюбили наставники, что не могло не раздражать некоторых из его товарищей. Понемногу завистники оформились в партию, чтобы легко противостоять его доблестям. Абаза не придавал значения паутине интриг, направленных против него. Часто спортивные занятия проходили на уличных кортах, привлекая зрелищностью девчонок из соседней школы. Они наблюдали за состязаниями парней, хихикали и подбадривали своим присутствием. Таким непосредственным способом они проявляли свои тайные симпатии. Аpsит легко преодолевал трудности гимнастических упражнений, прочно закрепив за собой славу лучшего.

Задиристый Герман со своими единомышленниками ничего достойного так и не придумали. Вызвав Аpsита на поединок, Герман подстроил дела таким образом, чтобы Аpsиту попался деревянный меч с сильными повреждениями. В соответствии с коварным планом меч обломился, вызвав насмешки заговорщиков и наблюдавших за ними зрителей. Аpsит разглядел сломанное оружие и обвинил в подлоге своего противника. Тот вспылil и обозвал обидными словами абаза. Аpsит не потерпел публичного оскорбления и повалил Германа на землю. И когда тот стал просить о пощаде, он расслабил захват и уселся на противника, чем позабавил девчонок и сильно обидел ромея. Приняв извинение за обиду от поверженного Германа, Аpsит встал и отошел в сторону. Оправившийся после всего случившегося, Герман крикнул своим товарищам, и те навалились на юношу и избили его до крови. Девчонки подняли крик, прибежали наставники и

разъединили дерущихся. Намечался серьезный скандал, партия заговорщиков для собственного оправдания обвинила во всем Аpsита. Директор школы, опасаясь влиятельных родственников Германа, пригрозил Аpsиту исключением. Аpsит был потрясен публичным унижением и угрозой отчисления. В тот день он не пришел домой, стыдясь полученных побоев. От сверстников он узнал дорогу, по которой ходил клеветник и устроил там засаду. Домочадцы Аpsита забили тревогу. Мария решила открыть отцу события прошедшего дня, предварительно взяв обещание, что все останется в тайне. Феофану стало не по себе от новости. Он выехал в город, обдумывая по пути план действий. Ехать в школу было уже поздно, раз Аpsит не вернулся домой, то, скорее всего, он задумал план мести. Надо было спешить, иначе дела могут стать непоправимыми. Феофан решился объясниться с отцом Германа и отправился к ним в дом. Одинокiй всадник торопливо проскакал в сумерках мимо пустыря, не заметив скрывшуюся в кустах фигуру человека.

Мария долго не решалась выйти из дома, ночное путешествие по городу таило в себе много опасностей. Но мысль о дорогом человеке, которого она может больше никогда не увидеть, затмевала вспышкой ее страх. Она тихонько отворила дверь и выскользнула на улицу. И бежала без оглядки, пока не попала на чужую улицу, темную и пустынную. Немного погодя, привыкнув к темноте, она двинулась дальше, прислушиваясь к голосу любящего сердца. Пройдя длинную улицу, девочка остановилась и прокричала его имя, в надежде, что он сжалится и вернется. Никто не отозвался. Мария продолжала идти и время от времени призывать Аpsита. А в ответ темень и тишина. Мария удивлялась, насколько пустынной ночью городские кварталы, она, не оглядываясь, шла, не замечая движущуюся за ней тень.

Феофан вкратце поведал отцу Германа приключившуюся историю, и передал свои опасения. Мартин, встревоженный новостью, вызвал сына и отчитал его за недостойный поступок. «До моего окончательного решения ты не выйдешь из дома ни под каким предлогом», – приказал он и отдал соответствующее распоряжение охраннику.

– Бедный юноша, как ему сейчас горько и одиноко! Я знаю, что делать, Феофан. Мы с зажженными факелами отправимся на поиски, – Мартин приказал слуге подготовить факелы и быстро обулся.

Мужчины брели по улицам ночного города, пока не выбились из сил. Феофан предложил продолжить поиски утром. На этом мужчины разошлись. Еще одно страшное потрясение ждало Феофана дома – Мария будто провалилась сквозь землю. Мать девочки вся в слезах стояла на коленях у иконы Божьей Матери и молилась за спасение дочери. В тысячный раз безудержно она повторяла молитву, теряясь во времени и чувствах.

А Мария продолжала идти, спотыкаясь о камни брусчатки, и звала Аpsита, за ней тайно следовала тень. Если вдруг по дороге проезжал редкий всадник или шла веселая компания, Мария пряталась в стороне, избегая ненужных встреч.

Феофан немедленно собрал слуг и выступил на поиски дочери. Воображение рисовало жуткие картины, случавшиеся в ночном городе. Вечно враждовавшие партии венетов и прасинов¹ часто прибегали к насилию, обвиняя друг друга в содеянном зле. Их разбойничьи группы рыскали по ночным улицам, оправдывая преступные деяния извечной ненавистью и взаимной местью.

Одну группу Феофан отправил к школе, с другой пошел к Кафедральному Собору, в надежде, что дочь испугается неизвестной дороги.

В это время обессилившая Мария забрела на заброшенный пустырь. Потеряв всякую надежду найти Апсита, она присела под деревом и горько заплакала. Поглощенная горем, девушка не заметила, как к ней сзади приблизилась человеческая тень. Когда за спиной усилился шум драки, она встрепенулась и обернулась. В темноте Мария не сразу поняла, что она стала причиной происшедшего побоища. Двое мужчин безмолвно дрались насмерть, словно гладиаторы на арене. Она взяла себя в руки и вместо того, чтобы броситься наутек, с шумом подошла к противникам. «Немедленно прекратите драку, я вам приказываю», – изо всех сил крикнула она. Мужчины с еще большим азартом схлестнулись. Она осмелела и подошла ближе, будто в силах остановить дерущихся. Вдруг с ними что-то приключилось, они оба упали на землю и поникли без чувств. Мария склонилась и вгляделась в разбитые, окровавленные лица. Ей показались очень знакомыми эти двое. Молодое тело, выглянувшее из-под доскутов, ей напоминало Апсита. Теряя дыхание, Мария упала рядом и запричитала охрипшим голосом. «Наконец, я тебя нашла, мой милый, – и на секунду запнувшись, исправились. – Нет, ты меня нашел и защитил, мой спаситель». Она подобрала клочья его одежды и принялась очищать лицо и тело. Апсит застонал от боли и пришел в себя. «Не бойся, я рядом, я сильная, помогу тебе встать, а ну, попробуй». Стиснув зубы, юноша уперся коленом в землю и неуверенно встал на ноги, Мария подставила плечо, и он с трудом сделал первый шаг по направлению к дороге. Тут оба поняли, что ему далеко не уйти. Добравшись до дерева, Апсит сполз на землю и прислонился к стволу. Мария выбежала на дорогу и стала звать на помощь, но в ответ враждебная тишина. Тогда она вернулась к Апситу и решила ждать случая. «Что же ты наделал, милый, разве можно так поступать?» – журила она Апсита, поглаживая слипшиеся волосы юноши. Превозмогая боль, он молча соглашался, понимая последствия своего легкомыслия.

– Немного потерпи, Апситушка, я сейчас вернусь, там какой-то свет и голоса.

¹Своеобразные политические «партии» в византийских городах V-VII вв. Появление «партий» связано с правом горожан возгласами высказывать в цирке свое отношение к правительственным постановлениям. (Венеты – «голубые», прасины – «зеленые»).

Апсит захотел ее удержать, но не смог, Мария выбежала на дорогу и позвала на помощь. Ей сразу ответили несколько голосов; к ним бежали люди с горящими факелами. Счастливый отец обнял дочь и никак не мог понять, о чем она так тревожно лепечет. Расторопный слуга подошел к дереву, где сидел покалеченный Апсит.

Феофан все еще ничего не понимал, а она продолжала захлебываясь:

– Папа, папа, я его нашла, он там, он меня спас от какого-то страшного человека... ему нужна помощь, он не может ходить, отправь скорее за повозкой и лекарем, – твердила она, захлебываясь. Наконец, Феофан все понял и подошел к Апситу. Юноша был очень плох. Сломанные ключица и ребра, глубокая рана на затылке, из которой струйкой текла кровь. Кто-то из слуг принялся обрабатывать раны, Феофан срубил крепкие ветки дерева и соорудил носилки из своего плаща. Юношу уложили на них. И тут кто-то из слуг крикнул хозяину: «Посмотрите сюда, господин, этот злодей – ваш немой дворник!» «Не может быть», – удивился Феофан, пока сам не убедился. И тут же распорядился: «Ему тоже нужен лекарь, похоже, он без сознания, соорудите носилки и быстрее домой, я пойду вперед».

Все были потрясены свершившейся трагедией, когда двое преданных людей чуть не лишились жизни, устраняя угрозу, которой не было. «Наверняка, дворник молча последовал за Марией, чтобы быть рядом, если понадобится помощь (говорить он не мог, кто-то в свое время лишил его языка и превратил в раба). Не разобравшись в темноте, Апсит решил, что это насильник или убийца, и ввязался в схватку», – рассудил Феофан. Мария тоже представила реальную картину случившегося и страшно переживала, что стала причиной стольких бед. Известный лекарь города, сгорбившись, обрабатывал раны и наносил повязки. Дворника привели в чувство, он долго не мог понять, что произошло, зато Апсит сгорал, готовый умереть или провалиться сквозь землю. Он с ненавистью поглядывал на лекаря и заглядывался на меч, висевший на стене. Однако силы ему изменяли, он часто впадал в забытие и бредил. Мария перестала посещать занятия, она стала сиделкой Апситу, помогая побеждать боль и выздоравливать. Тугие повязки, стягивающие места многочисленных переломов, делали его неподвижным, многочисленные раны и ушибы заживали куда быстрее, чем глубокая душевная травма, которую и старалась залечивать своей заботой Мария. Размышляя о приключившихся событиях, Апсит решил бросить все и вернуться в родную Ануху. Ему, конечно же, тяжело будет прощаться с семьей Феофана, он все равно уедет, если даже его поступок расценят как бегство. Про Германа почти не вспоминал, этому пажу повезло, что пострадавшим оказался не он. Быть может, милосердный Бог специально подстроил все, чтобы проучить Апсита за мстительность и чрезмерное тщеславие. Больше всего юношу раздражало, что причиной всех несчастий был этот ничтожный человек. «За что Бог покрывает низости одних и наказывает справедливые намерения других?» – мысленно возмущался Апсит.

Через неделю Аpsит мог сидеть. Это событие несказанно обрадовало Марию. Она приготовила своими руками сладости и не думала отступать, пока Аpsит не съел большой кусок пудинга и халву. Юноша заметил, что с появлением девочки вокруг все менялось, становилось веселее и светлее. Ближе к вечеру в доме Феофана стало оживленно. До комнаты Аpsита доходили голоса людей, зачем-то пришедших в гости. Мария побежала на разведку и вскоре вернулась с новостью: пришли учителя во главе с начальником школы, чтобы проведать своего любимого отрока. Голоса взрослых приближались, они вошли в комнату к Аpsиту и, прежде всего, пожелали ему скорого выздоровления.

– Пантелеймон, наша школа скучает по тебе. А чтобы твое отсутствие сильно не отразилось на успеваемости, мы будем присылать тебе задания на дом, – сказал начальник школы.

– Вся школа глубоко потрясена случившимся, – продолжил другой наставник, – в знак протеста девчонки из женской гимназии объявили бойкот нашим мальчикам. Ребята ходили мрачные, не успокоились, пока не решились собраться и обсудить свои поступки. Герман искренне покаялся и настоятельно просил благословения на монашеский постриг, от чего его отговорили наставники и родители. Он готов пасть на колени и просить у тебя христианского прощения. Великим счастьем сочтет, если дашь ему надежду стать твоим другом.

– Пусть никто не переживает, я расстался с мыслью о мести, я всех простил, – успокоил Аpsит своих учителей.

Мария радостно захлопала в ладоши. В последние дни она сильно переменялась. До нее доходили слухи, что девчонки безумно завидуют ей. Ее это просто забавляло, события последних дней сделали ее умнее своих сверстниц.

– Очень благопристойное решение, да простит тебя господин наш Иисус Христос, – пропел учитель богословия. Другие учителя одобрительно кивали головами. Учитель словесности немного задержался у кровати, оставив на прощание рукописные поэмы Гомера. – Это полезно для души, почитай как-нибудь, – тихо посоветовал он Аpsиту. «Я ему буду читать вслух», – подумала Мария.

Все реже приходил лекарь, отмечая каждый раз заметные перемены. Аpsит уже самостоятельно передвигался по комнате. Однажды он перешел за порог и сходил навестить искалеченного дворника. Недавно сильное и мускулистое тело, слегка прикрытое грубой тканью, беспомощно покоилось на тахте. Рядом никого не было. Аpsит поздоровался. В приветствии дворник поднял правую руку и что-то негромко промывал. Аpsит смешался, он положил на табуретку новую рубаху, подаренную ему кем-то из посетителей. У дворника благодарно засветился взор. «Выздоровливай», – сказал Аpsит и вышел. Теперь он больше засиживался над уроками, самостоятельно наверстывая пропущенное. Мария бегом возвращалась из школы, чтобы продолжить чтение вслух Одиссеи в комнате Аpsита. Они часами засиживались, посвящая

это время наивным мечтам. Феофан редко навещал Аpsита, он не мог скрыть тревожного состояния от домашних, его мрачное молчание передавалось другим, в доме царила непривычно «торжественная» обстановка.

Время – лучший целитель души и тела – поставило на ноги юного Аpsита. Как и прежде, он в добром настроении отправился в школу, не предполагая, насколько изменился он и все вокруг. Учителя и учащиеся встречали его, словно героя, прежние недоброжелатели и те подходили и искренне предлагали свою дружбу. Герман, как и обещал, прилюдно попросил прощения у Аpsита.

– Я давно хотел навестить тебя, Пантелеймон. Теперь я понимаю, насколько глупо и подло выглядели мои выходки. Если можешь, прости. Через тебя мне открылись многие истины, теперь я твой вечный должник. Если понадобится, я готов прийти к тебе на помощь, как никто другой.

– Не бери в голову, – успокоил его Аpsит, – если понадобится, я обязательно к тебе обращусь. Просветлевшие молодые люди по-дружески обнялись.

Аудитория наполнилась одобрительными возгласами свидетелей примирения.

УЖ ЛУЧШЕ БЫТЬ ОДНИМ

ВАнакопе готовилось большое торжество по случаю спуска на море первого торгового судна Абазии. Команду завербовали из бывалых моряков, долгие месяцы тосковавших по морю. Их лица излучали радость и надежду устроить свои дела лучшим образом. Скепарна приказал грузить на корабль пифосы с медом, воск, огромные тюки льняной ткани местного производства, так необходимые для многочисленного флота империи. Все это Стефаний должен выгодно продать в торговых центрах Византии. Обратно на судне полагалось привезти очищенное железо, оливковое масло, соль и египетскую пшеницу про запас. За отдельную плату на судно допускались частные лица с грузами, отправлявшиеся в Византию по своим делам. Как правило, это были местные греки-ремесленники или промысловики. Бывало, что люди снимались всем семейством и отправлялись в поисках счастья и стабильности в другие места. К возвращению Стефания из Византии абазы надеялись построить второе судно. Перед выходом в море на берегу был устроен торжественный молебен с закланием жертвенного быка Духу моря. Как только завершился ритуал, люди вкусили вино и пищу и благословили в путь отплывавших. Десяток боевых галер по приказу царя сопровождали судно до пределов возможных опасностей со стороны пиратов. Все обошлось благополучно, попутный ветер по-доброму надувал паруса, облегчая старания гребцов. К утру галеры вернулись на берег, доложив царю о выполненном приказе. Апсха был доволен ходом дел. Для снаряжения экспедиции из казны было потрачено 40 номисм. Одна половина средств ушла на строительство корабля, на остальное были закуплены товары у населения и провизия для мореплавателей, необходимая в длительном путешествии. К примеру: копченое мясо домашних животных, копченые сыры, вино, просяная мука и бобовые, также дрова, вода и все прочее.

Несколько дней спустя недавно прошедшие события дали о себе знать. В Анакопу прибыл посланник Набеда. Персидский военачальник от имени своего господина – царя Хосрова – обвинил абазов в тайном сотрудничестве с римлянами. «Действия правителя Абазии мы считаем не соответствующим нашей миссии и враждебными по отношению к великой Персии. Покровительство тайных агентов и сотрудничество с ними свидетельствуют о нежелании абазов честно выполнять взятые на себя обязательства. В связи с этим мы требуем выдачи заложников из знатных семей численностью шестьдесят мальчиков. Их жизни станут дальнейшей гарантией выполнения нашего договора. В противном случае мы будем считать абазов своими врагами. На выполнение нашего условия тебе отпущено 10 дней».

Полученный ультиматум поверг царя в уныние. Сокрушенный новыми обстоятельствами, Скепарна приказал как можно быстрее собраться всем дадалам Абазии для Военного Совета.

– Мир и благоденствие в стране большое счастье, уважаемые мужи, – этими словами открыл Военный Совет Скепарна. – Купленный большой кровью и тяготами войны он бывает прочнее, нежели полагающийся на мечты и веру в справедливость. Как и в прежние времена, мы способны с оружием в руках грубой силой отстаивать свои права. В последнее время наши дела были настолько плохи, что мы отложились от вероломной, грубой, несправедливой Византии, не в силах терпеть более оскорблений и притеснений. И боги, казалось, благоволили нам в задуманном. Ушли из нашей земли враждебные легионы, ослабла хватка льва. Из опасений мести со стороны Византии мы обратились на восток – к царю персов, исконному врагу василевса, в надежде на защиту и покровительство. В начале этого пути были определенные надежды на воцарение спокойствия в Абазии. Теперь же нам открылось, что вместо одного могущественного врага мы приобрели двух. Наша дипломатия оказалась безуспешной. И пока ненависть между абазами и персами не дошла до своего апогея, нам следует решить, что делать далее. Набеда требует, чтобы мы отдали своих детей ему в заложники. Устрашая нас угрозой для их жизни, он предполагает сделать нас зависимыми от своей подозрительной и подлой сущности. Мы не будем знать, как он будет истолковывать наши поступки или даже мысли, а потому лишимся воли к действию, чтобы не подвергать заложников смертельной опасности. Разве может быть достойным доверия слово этого сатрапа, даже скрепленное клятвой, если наше стремление выжить и налаживать свои дела может быть истолковано подобным образом?

– Уважаемые абазы, – взял слово Иаш дадал, – мне понятно справедливое негодование царя. Но я готов отдать своего сына в заложники ради спасения Абазии от ненужных потрясений и бессмысленной крови.

Слова дадала вызвали шум. Встал Ануха дадал и все притихли в ожидании.

– Старшего из моих внуков забрала Византия, пусть самый младший останется с матерью, а средний отправится к персам. Я поддерживаю твое решение, славный Иаш дадал.

– Разве эти люди не любят свое потомство, подобно нам?! – выступил Гума дадал. Мой род не останется в стороне. Мы отдаем пятерых мальчиков, если Всемогущие боги на нашей стороне – заложники вернутся целыми и невредимыми, а мы спасем Абизию от разорения. Это будет мудрым решением.

Один за другим вставали дадалы, опустив к земле горящие взгляды, называли имена своих детей – будущих заложников...

Завершая Совет, Скепарна вновь обратился к собравшимся.

– Прежде чем выполнить ультиматум, я отправлюсь к Набеда и попробую смягчить его. Может, нам удастся его переубедить. Если это у меня не получится, отправлюсь к самому шаху, чтобы отстоять справедливость и вернуть наших детей из плена.

– Возьми с собой главных старейшин Абазии, их преклонный возраст и мудрые речи могут быть тебе подмогой, – посоветовал Ануха дадал.

Скепарна призвал Рисмага и главного жреца, они условились выехать в Клиссуру утром следующего дня.

Начатое предприятие не обнадеживало успехом, однако оговоренная группа в сопровождении телохранителей тронулась в путь. Первым людям Абазии предстояло оправдываться в несовершенных преступлениях перед надменным персом, затеявшим свою игру. Набеда нарочито вежливо принял делегацию, участливо любопытствуя о трудностях пути. Разговор не складывался.

– Скажи, Набеда, в чем провинились абазы и я, их царь, перед персами, что ваша сторона выдвинула нам ультиматум, – перешел к сути Апсха. – Или мы уже не вольны распоряжаться своими внутренними делами, не можем решать торговые вопросы, укрепляющие нашу сторону?

– Вы можете обустраивать свои дела, но принимать суда враждебной нам страны и заключать с ней сделки, хоть и торговые, не способствует дружбе с нами. Если абазги торговую выгоду ставят выше военной помощи великой Персии, это сигнал о грозящей нам опасности. Тогда зачем наше войско без всякой выгоды, перенося множество лишений и трудностей, должно находиться на этой негостеприимной земле?

– Дад, Набеда, мне скоро перевалит за восьмой десяток, – взял слово Рисмаг. – Я хорошо помню своего деда, прожившего долгую и достойную жизнь. Испокон веков Абазия торговала на море. С незапамятных времен к нашим берегам подходили суда разных народов, молва о них давно иссякла, только греки исправно плавали к нам, зная толк в торговом промысле. Ни один народ, даже самый могущественный, не может существовать без обмена, потому как в одних землях в изобилии то, чего не хватает в других. Со времен древней Колхиды абазы поставляли всему миру лен, мед, воск, медную руду, получая взамен недостающие нам товары. С тех пор, как абазы отложились от ромеев, прекратилась морская торговля, остановились караванные пути, народ обнищал, казна опустела. Ни одно персидское судно не прибыло к нашим берегам, потому что ромеи не пускают сюда корабли вашей блистательной империи. Что же делать бедным абазам, как не позаботиться о своих делах? Прибывший в Анакопу человек – наш большой друг, он сильно рисковал своим положением и жизнью, отплывая к берегам Абазии без разрешения своего императора. И прибыл он сюда по просьбе нашего царя на своей галере, чтобы помочь нам построить свои торговые суда и наладить сношения с торговыми центрами. И ушли они не к императору Византии, а с намерением тайно обменять наши товары на так необходимую нам соль. Каким образом укрепление внутреннего положения Абазии может противоречить намерениям персов, если сильный друг намного выгоднее слабого или беспомощного – особенно в войне, к которой надо тщательно готовиться?

– Царь половины мира, шахиншах Хосрой Аноширван, отправляя войско в Абазгию под моим руководством, приказал защищать эту страну на суше, не допускать подхода вражеских судов к берегам в целях высадки во-

йска или в каких-либо других целях. Наша разведка осведомила моего господина о происходящих здесь делах, и я выполню любое его решение, даже если оно будет связано с принуждением.

В разговор включился жрец:

– Всем людям на земле присуще правильное желание выполнять волю своего господина, однако и господин выше ценит не бездумное услужение, а рассудительность и тонкость в осуществлении поставленного задания. Я прошу употребить свой добрый дух на это дело и сообщить нашему защитнику все в подробностях. Мы со своей стороны готовы отправить достойных послов с объяснительным докладом. Прояви сострадание и поддержку абазам, и сотни благодарных матерей будут молиться за тебя и нашего защитника Хосрова Аноширвана.

– Признайся, Набеда, – продолжил Скепарна, – недоверие к абазам изначально определенное дело, иначе не держал бы у себя шахиншах моих послов столько времени без объяснений. А ведь это первые люди Абазии, в коих нуждаются власть моя и мой народ.

– Напротив, – отвечает перс, – твои послы находятся на царском положении, очарованные блистательным приемом и роскошью шахского двора, они добровольно задержались в Персии, чтобы лучше узнать тамошние места, изучить обычаи и нравы моей земли, проникнуться таинством нашей веры. И теперь, удовлетворенные гостеприимством, отправляются к тебе, в Абазгию. Я полагаю, что они придут раньше, чем мы снимем свой лагерь и отправимся на зимние квартиры.

Наш царь – всемогущий повелитель – не любит пересматривать свои решения. Достаточно намек, чтобы вызвать у него вспышку безудержного гнева. По этой причине вы не найдете никого, кто решился бы обратиться к нему с подобной просьбой. Тебе, Скепарна, следует хорошо подумать, прежде чем предпринять подобный шаг, – хитрый Набеда выказывал желание угодить абазам, изображая наигранное сострадание. – Кроме того, тебе не за чем тревожиться. Ведь абазги не собираются нарушать договор, так что вашим заложникам ничто не угрожает. Как только я предстану перед шахиншахом с отчетом, я постараюсь выпросить для заложников скорейшее возвращение на родину. Уж мне он поверит скорее, как участнику событий. Вам следует довериться и испытать мое слово.

Царь не стал более задерживаться у Набеда. Эту ночь они провели у сотника Кита в Севастополисе. Абазская дружина неплохо там обустроилась. Вместо временных палаток из бруса и шкур они построили шатровидные деревянные казармы и удобные загон для лошадей. Помещение для трапезы соорудили неподалеку. Это был большой навес с открытым очагом в центре. Местные женщины за небольшую плату готовили пищу и следили за чистотой. Данное отступление от устава не понравилось царю, однако он не спешил делать замечание Киту. Сотник почувствовал недоброе настроение Скепарны и неотступно следовал за ним, спеша выполнить любое желание господина. Согласно древнему обычаю дружина построилась для торжественного приветствия. В сопровождении телохранителей с зажженными факелами царь

объехал стройные ряды всадников. Он приветствовал воинов, воины громко поприветствовали царя. По завершении ритуала Скепарна отпустил воинов на отдых. Сотня Кита несколько месяцев не получала жалования, еще более тяжелым бременем станет для них известие о мальчиках-заложниках. Скепарна чувствовал свою вину перед ними. Какой невыносимой ни казалась бы постигшая беда, царь понимал: безрассудный гнев в минуты отчаяния только утяжеляет эту ношу. Абазы гордились сдержанностью своего царя, не подозревая страшное смещение чувств, порой разрывавших его изнутри.

Ужин, приготовленный для почетных гостей, оставался почти не тронутым, когда царь встал из-за стола. Стояла ясная прохладная ночь, при-сущая глубокой осени в Абазии. Скепарна скрытно для всех вывел коня за ограждение и понесся с горы вниз к спящему Севастополю. Его конь, словно крылатый арац,¹ перебирал в воздухе копытами, беззвучно касаясь земли. Всадник, слившийся с конем, подобно воинственному Богу Аергъ, мчался для осуществления чудовищного дела. На его пути увядшая осенняя листва покорно осыпалась на землю, предпочитая уступить «божьему» гневу, чем потерять надежду на весеннее возрождение. Природа замерла в ожидании неотвратимой кары. Черный всадник мчался по отдаленным кварталам города к месту разрушенной византийцами крепости, где стоял персидский гарнизон. Воины спали, кое-где мерцали угли костров, согревавшие полусонный дозор, для формальности выставленный командиром. Всадник летел прямо к ним, обезумевшие от страха персы безмолвно пали ниц на землю. Два дротика с нечеловеческой силой пригвоздили двоих несчастных, всадник, перескочив кострище, понесся дальше. Долгое время свидетели налета не поднимались с земли, приняв случившееся не иначе как за божье наказание. Слух о ночном набеге Бога Аергъ быстро облетел лагерь и округу. Никому не приходило в голову усомниться в услышанном. К убитым персам никто не хотел подойти, пока командир не приказал рабам извлечь дротики из трупов и перенести тела за лагерь, где их, по персидскому обычаю, оставили на съедение нечистым животным. Долгое время трупы валялись, испуская зловоние на всю округу, еще более убеждая живых в справедливости божественной кары. Напуганные персы перестали спать по ночам, мечтая как можно скорее убраться подальше из этой неприветливой страны.

«Черный всадник-бог на вороном скакуне принес себе в жертву двух персов... Какая чушь!.. Даже если он был огромен и невиданно силен. Это все враги, кругом враги. Подчиненные тупы и трусливы, верят в эту чушь. Безумцы, нечего делать богам, как охотиться на персов и убивать их дротиками», – бормотал под нос разгневанный Набеда, получивший сообщение из Севастополя. «Еще пара таких случаев – и мое войско разбежится», – размышлял военачальник.

Царь со своими людьми вернулся в Анакопу. Слухи о происшествии в Севастополе быстро разошлись. Скепарна скрытно мучился по поводу бессмысленного убийства, совершенного им в приступе гнева.

¹Мифический конь.

Между тем приближался день расставания абазских мальчиков со своими семьями. С раннего утра рыдающие матери прощались со своими детьми, всей общиной провожали их до большой дороги, дальше их уводили мужчины. Из Анухи в Анакопу пришли десять мальчиков, среди них был Асан – средний брат Апсита. Прибывали будущие заложники и из других мест. Царь абазов собрал всех вместе и обратился к ним с речью.

– Ахитбшар¹ Абазии, на вашу долю выпал жребий стать защитниками родины на заре вашей юности. Злая судьба смеется нам, мужам, в лицо, тогда как вам посылает серьезное испытание. Вы удалитесь от родных очагов на много стадий и окажитесь под чужим небом, где не знают нашего языка, правят другие законы и обычаи. Утешайтесь тем, что ваша миссия временная, не пытайтесь на чужбине устанавливать свои порядки и не спешите принимать чуждое. В скором времени вы вернетесь домой, закаленные испытанием и возмужавшие. Держитесь друг за друга, умеете слушаться и подчиняться тамошним законам. Да спасет вас Святая Аныха.

– Аминь, аминь.., – поддержали собравшиеся.

Шестьдесят царских всадников выехали из цитадели по направлению к Севастополю. За их спинами сидели юнцы, которых они доставили персидскому сатрапу Набеда в качестве заложников.

Многочисленный персидский отряд, не совершив ничего достойного в Абазии, спешно собирался в обратную дорогу в Иверию. Солдаты разделяли настроение командира никогда не возвращаться обратно. Их путь лежал через Лазику, где все это время шли бои с византийскими гарнизонами, оборонявшими крепости и лагеря. Главная крепость страны – Петра была в руках персов, взятая ими немногим ранее. Еще полвека назад лазы были подданными Персии, притесняемые правителями шаха, они решили отложиться от них. Цафа – сын Дамназа, утвержденный царем Персии кавадом² на трон в своей стране, отправился в Византию с большим посольством. Самодержец Кесарь Юстин – дядя Юстиниана – принял его с большим почетом, крестил и назвал своим сыном, женил его на знатной римлянке Валерии, внучке патриция Ома. Юстин провозгласил Цафа царем лазов, собственноручно надел на него венец, одарил белой царской хляндой с золотой пластинкой на груди, на которой начерчено было изображение императора Юстина. Римляне гордились своей дипломатической победой. За короткий срок они выстроили неприступную крепость Петру и разместили там гарнизон. С течением времени положение местной власти изменилось к худшему. Все же лазы оставались верны римлянам, опасаясь мести бывшего патрона.

Персы считали Лазику частью своей империи и решили ее отвоевать. В то же время абазы и апсилы были подданными Рима, политика которого в середине шестого века вызвала переход абазов на сторону Персии. Римско-

¹Золотая молодежь.

²Правителем.

персидские войны в Колхиде с переменным успехом длились десятки лет, в течение которых местные правители часто меняли свою ориентацию в надежде найти более справедливого покровителя.

Набеда по пути в Иверию заметил разительные перемены в пределах Лазики.

В результате доноса царя лазов императору на его командующего Дагисфея в Колхиду был послан новый начальник войск в Армении Бесса, незадолго до этого вернувшийся из Италии. Там уже находились видные римские военачальники, посланные с подкреплением: Бенил, Одонах, Баба и Улигаг. Византийское командование в большей степени заботилось о личном обогащении, чем о военных триумфах. Времена великих вождей и великих идей были давно погребены вместе с моралью и остатками свободы покорившихся народов. Используя военную силу, командиры безнаказанно могли устанавливать выгодные им правила торговли и поведения для местных народов, пренебрегая своими прямыми обязанностями и интересами империи. Они давно усвоили урок, что в созданном с их участием имперском мире все продается. Подчинившиеся чрезмерному увлечению наживой, они перестали брезговать чем-либо, считая свои поступки некой компенсацией за те лишения, что им приходилось переносить по причине многолетних войн в столь отдаленных местах от цивилизованного мира.

Новый командующий получил предписание от императора расправиться с непокорными абазгами, как только представится удобный случай. Бесславный уход персов укреплял решимость ромеев покарать отпавших абазгов. Царь лазов Губаз из всех сил подстрекал византийцев, обвиняя Бессу в медлительности и нерасторопности. Он надеялся руками империи, держа в голове обещание императора Юстина, принудить царей Абазгии, Апсилии и Миссиминии¹ подчиняться власти лазского царя и расширить свои владения. Такой ценой когда-то была куплена византийцами верность Лазики. Мечты Губаза на какое-то время осуществились, однако насладиться этим ему самому не удалось, потому как он сам стал жертвой римлян. Командиры союзных византийских войск постарались избавиться от строптивого царька, пытавшегося в этих непростых условиях проводить свою политику.

Скоре после отхода войск Набеда, в Абазию вернулись послы: правитель Опсита и Псху дадал. По этому случаю в Анакопе собралась знать с интересовавшими их вопросами о неизвестной стране. Только на третьи сутки утомленные люди разошлись, не переставая удивляться услышанному.

Скобытно от других Псху дадал поведал царю рассказ о шахском приеме и тайнах персидского двора, о грандиозных масштабах противостояния двух держав, о состоянии дел в самой Персии.

¹Страна, населенная абхазским племенем, на западе граничившая с апсилами, на востоке с лазами, на севере с аланами.

– Скепарна, задумайся, Византия потеряла все шелковые пути, Персия, напротив, является держателем монополии, от чего они и назначают цены на шелк для всего мира. Ромеи ввели государственную монополию на продажу шелка в своей стране. Император это дело доверил своему приближенному – отъявленному негодяю, который делает все, что ему заблагорассудится. В Византии бесконечно вводятся новые порядки и законы, противоречащие древним устоявшимся обычаям и правилам. Население в панике, однако, василевс успел укрепить свою власть настолько, что никто из знати не может ему перечить, иначе тут же лишится должности, звания, имущества. Судами правят отщепенцы, выполняя желания своего господина. В Персии, где шах властен над своими подданными, везде царит, пусть видимое, единодушие и порядок. Любое ослушание даже первых людей страны, влечет за собой неминуемую гибель. Самое удивительное для нас: такое положение их нисколько не тяготит. В этой стране никто не смеет грабить, воровать или лгать своему господину. Друг перед другом персы держат слово, отчего у них процветают торговля и ремесла. Города большие и очень интересно устроены. Нам довелось увидеть Исфахан и Ксетифон – первый город империи, Несмотря на нестерпимую жару, выжигающую все живое, там повсюду произрастают диковинные деревья и цветы. Парки и сады похожи скорее на райские места. На многие стадии тянутся каналы, несущие в себе животворящую воду, в людных местах устроены чудесные фонтаны. Диковинные птицы и животные там живут, не испытывая страха к человеку. Мы посещали великолепные дворцы и в Сузах, скрывались от нестерпимой жары во фруктовых садах и аллеях у искусственных водоемов, вкушая необычайно вкусные и ароматные плоды.

– Что вам довелось вкушать такое, чего не знают в Византии? – удивился царь. После долгих описаний он понял, что речь идет о персике, инжире, гранате, абрикосе, дыне, тутовой ягоде. Все это он пробовал в Константинополе. А удивление вернувшихся он отнес к неосведомленности своих земляков. Скепарна не представлял, насколько вкус персидских фруктов и ягод отличался от византийских.

За долгие месяцы сладкого плена шахиншах соизволил принять послов всего однажды, остальное время их окружали «немые» слуги, блестяще выполнявшие свою работу, однако не разбиравшиеся в перипетиях событий и новостях политики, по сути дела, послы находились в полной изоляции. Как-то неожиданно к ним наведалься шахский советник и сообщил, что миссия почетных абазгских послов завершена и слуги проводят их до границы с Лазикой. От имени шаха послам вручили грамоту для абазгского царя и несколько золотых на дорожные расходы. Скепарне не терпелось прочесть послание шаха, однако это оказалось непростым делом. Среди приближенных двора никто не читал на пехлеви. Доверить секретный государственный документ кому-то из посторонних было неосмотрительно. Скепарна дал задание разыскать в стране кого-нибудь среди рабов, способного прочесть послание. Хозяину раба надлежало выплатить компенсацию, а с ра-

бом в дальнейшем поступить по обстоятельствам. Самих послов Апсха отпустил домой увидеться с родными и поправить домашние дела. Царь почувствовал, что передышка Абазии окажется недолгой, и метался в поисках верного хода.

Спустя какое-то время в Анакопу прибыл гумский абаз со своим рабом, утверждавший, что его человек умеет читать на пехлеви. Скепарна пригласил их в залу дворца и получил подтверждение их слов. Абазе вручили дорогие подарки, а раб остался при царе. Ему вручили пергаментный свиток и предложили перевести его содержание.

Раб взялся за перевод: «От шахиншаха Эрана и Анэрана Хосроя Аноширвана правителю Абазгии Скепарне.

С большим удовлетворением принимаю твою решимость воевать против общего врага – римлян и быть подвластным нашему справедливому и разумному могуществу. Выражаю надежду, что Абазгия твердо стоит на своем решении и сумеет дать серьезный отпор врагу, пока не придут на помощь наши доблестные армии.

Твой Господин – Шахиншах Хосрой Аноширван».

Раба вывели во двор в ожидании дальнейших указаний царя. Невольник мужественно держался, хоть и понимал, что на спасение надеяться безрассудно. В то же время в его глазах не было равнодушия к себе и к окружающему миру. Царь, скрывшись от посторонних глаз, наблюдал за обреченным. Разные мысли посещали его разум и смущали душу: «А что, если изменить коварное течение судьбы и даровать ему свободу, разве это не повод для бывшего раба стать верным слугой спасителю? Или уступить вкрадывающейся в душу подозрительности и решить исход привычным путем?» По мере того, как он вглядывался в этого человека, в его душе проросло семя симпатии и доверия, в общем-то, ничем не обоснованных. Скепарна приказал придворным привести раба. Когда они остались наедине, царь спросил:

– Как ты стал рабом? Расскажи свою историю.

– Моя история полна триумфов и поражений, какая часть из нее не наскучит тебе, мой господин?

– Говори по порядку, я постараюсь выслушать.

– Я родился в семье знатного мидянина, мой отец служил у шаха марзбаном – наместником Мидийской¹ области. Все мои многочисленные братья и сестры получили образование и воспитание, достойное высокому рангу отца. Я же с раннего возраста был определен в телохранители первого дворца – на мужской его половине. Судьба, казалось, открывала мне врата земного рая, служба проходила безмятежно, время незаметно текло. Присущие мне мягкий характер, сообразительность и обходительность пришлись всем по душе. Обласканный любовью и уважением господина, я отвечал тем же, готовый безрассудно отдать свои силы и жизнь ради шаха и его многочисленного семейства. Не раз мне выпадало счастье доедать блюда с шахского стола, держать в руках его посуду, пробовать лучшее вино, привозимое со всех кон-

цов земли. Скажу прямо – такой милостью награждают не всякого. Однако счастье всегда быстротечно, а горе безвременно. Пока я наслаждался прелестями дворцовой жизни, в стране происходили бурные события. Партия людей, возглавляемых Маздаком, сторонником старшего сына шахиншаха Кавада – царевича Кавуса, организовала заговор против вступившего на трон по завещанию отца его третьего сына Хосроя. Многие из заговорщиков были царями провинций и видными военачальниками, недовольными преследованиями Кавадом маздакидского¹ течения. Они объединились вокруг старшего царевича, стараясь произвести смену власти. И как обычно бывает в таких случаях, кто-то донес обо всем, заговор был раскрыт. Царевич Кавус вовремя бежал из страны. Участниками заговора были и мидяне – мои земляки, недовольные незаслуженным возвышением над ними пришлых персов. Мой отец и многие другие были распяты, начались преследования по подозрению в заговоре и злым доносам. Кто-то оклеветал и меня. Так я оказался в темнице без всякой надежды на спасение. Однако меня не торопились убивать в связи с отсутствием доказательств вины. Я вошел в сговор с начальником тюрьмы, и ночью за большую сумму мне удалось бежать из страны в Византию. Многие заключенные поступили также. Только здесь, нам казалось, мы будем защищены от мести деспота. Наше спокойствие оказалось недолгим, потому как шахиншах Хосрой через своего посла выставил василевсу требование о безоговорочной выдаче ему всех перебежчиков. В противном случае он грозил возобновлением войны. Василевс тайно поддерживал восшествие на престол Хосроя – воспитанника византийского двора. А потому и вступил в позорное соглашение. Нас захватили теперь его охранники и заключили в Константинопольскую темницу. Оттуда немногим удалось бежать, потому что римские стражники оказались еще более алчными до золота. Они и подсказали нам плыть к берегам Абазгии, убеждая в том, что здесь ни персы, ни византийцы не имеют достаточно власти, чтобы захватить нас. Правда, у нас оставались опасения, что местная знать за вознаграждение тоже может выдать нас. Однако нас убедили, что здесь свято чтятся законы гостеприимства, и эта единственная надежда толкнула нас в опасное морское путешествие. Мы доверились своей судьбе и бросились в морские объятия на небольшом торговом суденышке, хозяин которой согласился за солидную плату перевезти нас в Абазгию. Своенравное море не противилось нашим замыслам. У абазгского берега на многочисленных быстроходных лодках на нас напали пираты. Команда и мы оказались невольниками, а наше имущество досталось новым хозяевам. Византийский корабль пираты сожгли и вместе с нами скрылись в своих лесах. С тех пор я абазгский раб, многие из моих друзей по несчастью нашли способ раздобыть деньги и откупились. Моя мечта другая – оставаться рабом моей второй родины. Если ты, мой господин, пожелаешь по какой-то причине отправить меня на родину, я предпочту смерть в Абазгии.

¹Религиозно-философское учение, распространившееся в Иране и некоторых соседних странах в раннее средневековье.

¹Западная часть Ирана.

Царь задумался. Он не испытывал ранее к этому человеку никаких чувств. Единственное, что зародилось в его душе, – сострадание. Он не способен был понять мотив, по которому благородный человек предпочел бы смерти рабство. Лишать жизни его, так сильно цеплявшегося за любую возможность выжить, было просто омерзительно. Он приказал прислуге определить раба в конюшни и тщательно за ним приглядывать.

Утром следующего дня Апсха собрался съездить в лагерь, поговорить с народом и воинами. На смену бархатной осени торопилась дождливая зима. Царь хорошо знал привычки своего врага. Греки не начинали военные кампании зимой, сопряженные со многими опасностями передвижения на море и на суше. Стало быть, до мая Абазия может спокойно жить и укрепляться. «Мне надо будет закончить первостепенные дела по организации боевого отряда и успеть съездить к шаху до прихода весны. Более удобного времени для путешествия у меня не будет. До моего отъезда вернется торговый караван Стефания из Греции», – размышлял царь.

А сейчас он ехал, чтобы отпустить домой на зимовку сотни западных союзников брухов и зухов.

Обитатели лагеря высыпали на площадь – поприветствовать царя. В толпе было немало женщин и детей, обживавших вместе с мужьями новое место. Помимо гарнизона в лагере обосновалась большая колония ремесленников, принимавших участие в укреплении лагеря и строительстве жилищ. Царь весьма дорожил этими людьми, укрепляя их благосостояние и уверенность в завтрашнем дне разными льготами. Любой, решивший притеснить ремесленника, становился его личным врагом. Об этом знали все и не нарушали царский наказ.

Скепарна представлял себе будущую страну, защищенную множеством крепостей с удобными дорогами между ними. «Это будет единая оборонительная линия Абазии, закрывающая вход с моря во внутренние области для непрошенных гостей. Мы обустроимся так, чтобы недобрые намерения соскальзывали при виде нашей мощи», – мечтал правитель.

Собравшиеся в лагере абазы притихли в ожидании выступления царя.

– Я рад приветствовать вас лагере, обновленном и обустроенном по всем правилам военного дела. Задолго до нас здесь наши предки удачно укрывались и отражали натиск прежних многочисленных врагов. Я верю, что лагерь также послужит нам и в добрые времена. За несколько месяцев на заброшенном пустыре у пересечения трех древних дорог, вы сумели своим трудом и знаниями свершить все это.

– Слава Всевышнему, слава священной Аныхе, – одобрительно отвечали из толпы.

Скепарна продолжил:

– Пройдет немного времени, и Абазия наладит свои дела. Все входы в ущелья мы закроем каменными замками, ваши сыны будут стоять там на страже мирной жизни. Каждый будет трудиться во благо себя и царства. На море мы устроим удобные гавани для захода купеческих галер, наш флот по-прежнему будет грозой морского разбоя и защитой от незванного гостя. Да помогут нам Всевышние увидеть задуманное великое.

– Аминь! – хором ответили люди.

Скепарна закончил речь и вышел из толпы в окружении приближенных. Среди них были военачальники, союзные дадалы, инженер Крит с начальниками строительных артелей. Царь обнял дадалов Бруха и Зуха в благодарность за их честную службу. По его знаку подошел слуга и вручил им жалование. В ознаменование праздника по указу царя в толпу детишек бросили кучу медяков, те устроили свалку, завязалось долгожданное веселье. Кто-то из местных смекнул подменить воду в кувшине на вино. Апсха отпил из кубка и улыбнулся – люди с радостью подхватили добрый знак и закатили пир до поздней ночи. Улучив подходящий момент, подошел к царю комендант лагеря с просьбой: «Уезжающие союзники высоко оценят твою великодушность, если ты дашь приказ перебросить их домой на твоих галерах. За это время мы так сблизились, что твои гребцы посчитают за честь выполнить это поручение».

Скепарна немного задумался и выругался про себя за несообразительность.

– Хорошо придумал, отдавай приказ, пусть выходят амарджякуа¹ в море...

Выезжая из наполненного весельем лагеря, царь поручил инженеру установить несколько катапульт за стенами лагеря и запастись подходящими снарядами.

– Ксыс, пусть твои люди пристреляются к дороге, не жалейте времени и сил на это. В том месте, где встречаются три дороги, заложите башню в четыре этажа – наблюдательный и командный пункт. А уже сейчас назначь дозор, чтоб попеременно следили за морем. – Царь заметил волнение на лице коменданта. – Ксыс, я жду возвращения нашего каравана и хочу знать об этом, прежде чем его корма коснется берега. Если это будет вражеская армия – подаешь условный сигнал. Ваш лагерь теперь на боевом посту – от него зависит судьба Абазии.

– Апсха, твой приказ будет выполнен. Позволь спросить: почему ты уверен, что ромеи ударят здесь, а не в другом месте?

– Наш враг силен и самоуверен. Ромеи хорошо дерутся в рукопашном бою, тянуть время не в их интересах, они рассчитывают на быструю кампанию. Словом, они придут как хозяева, чтобы распать ослушавшихся рабов, каковыми они нас считают.

– Но как они смогут захватить нас в этом укреплении? Нам не обязательно вступать с ними в открытое сражение. Кому неизвестно, что наши лучники одни из лучших, за крепкими стенами мы защищены и недосыгаемы.

– Ксыс, самодержец пришлет лучшие войска запада и востока, бравшие штурмом и осадой несчетное количество городов и крепостей. Ими будут командовать лучшие стратеги, разбившие готов и вандалов, взявшие Рим и другие крепости на севере Италии. Он сделает все, чтобы не посрамить честь империи и преподать жестокий урок для других подвластных ему народов.

¹Моряки.

– Смогут ли несколько тысяч преданных тебе людей противостоять этой силе?

– Нам важно выдержать первый удар, затем подоспеют дальние сотни, а там и персы придут на помощь! Наши шансы на победу не плохи. Триста тысяч населения Абазии способно выставить тридцать тысяч воинов. Сложнее всего их организовать и управлять ими. Но мы никогда не научимся этому, если будем уклоняться от сражения. Не войдя в воду, не перейти брода.

– Я верю в тебя царь. Абазы верят в твою счастливую судьбу. Ты укрепил мой дух, я доведу до простых воинов смысл твоих слов. Да благословят Всевышние тебя – будет Абазия свободной. Тебе надо быть осторожнее, наш враг коварен, у них повсюду уши и языки. Они знают, что ты их главный враг, и постараются навредить исподтишка.

– Никто из живых не избежал смерти, заранее определенной в сферах, далеких для нашего понимания. Пока живые, мы делаем то, что за нас предreshено. Я верю в свою судьбу и прошу богов помочь мне осуществить задуманное ими.

– Аминь, да защитит тебя от предателей Святая Аныха.

Последние дни Апсха был молчалив – все обдумывал намеченную поездку в Персию. Более всего его тревожил вопрос о кандидатуре приемника на время своего отсутствия. Скепарна прекрасно понимал, что абазы, в силу своего характера, неохотно подчиняются приказам, и этому дадалу придется намучиться с подданными. В данном случае такое назначение было бы скорее наказанием для избранника. Апсха напрягал свой ум, чтобы вспомнить того, чьи доблесть и мудрость были бы неоспоримы. Такому лидеру абазы доверятся. Эти два важных качества в равной степени так редко встретишь в одном человеке. Мать молча с тревогой наблюдала за сыном. Спустя время, наконец, он сам заговорил с ней о задуманной поездке.

– Не тревожься, царь, за нас, что с нами может приключиться? – Отлегло материнское сердце на какое-то время.

– Увы, если бы я мог ответить на этот вопрос! Мне будет спокойнее отправиться в путь, если страной в мое отсутствие будут управлять Урым или Псху дадал.

– Так поговори и с одним, и с другим, неужто оба откажут.

– Откажут – даже говорить не стоит.

– А что, если Геч дадал? Он же тебе соправитель.

– Опсита придет по долгу, так ведь не станут наши дадалы добросовестно служить ему. А от лжи до измены один шаг.

– Почему ты склонен так думать? Ведь это будет твоя воля, кто из них послушается твоего решения?

«Не так-то все просто, – размышлял царь, – для мирного времени он еще сгодится. А вдруг произойдет беда – враг нападет в мое отсутствие? Как будет Опсита управлять войсками?»

– Нана, ты права, другого выхода не вижу, его и положение обязывает. Пусть будет так, да уберегут Всевышние Абазию от беды, мы все в его руках, – отмел сомнения царь.

Утром гонец выехал из Анакопы в Хашпста абаа¹ – крепость правителя западной Абазии.

Спустя немного времени к цитадели подъехал посланник Ксыса. Он доложил царю, что на горизонте показались две галеры, идущие прямо на Псынскую бухту. Скепарна взгляделся в море и одобрительно кивнул головой – теперь можно было различить абазский стяг, поднятый на мачте. Царь приказал доверенным спуститься в бухту, а сам немного задержался в цитадели. Из окрестных поселений абазги шли к берегу моря для встречи с вернувшимися из плавания. Народ, объединенный ощущением важного события, заполнил оба берега реки Псы до самого моря.

Люди почтительно расступились при виде царя и обменивались с ним приветствиями. Первая галера на веслах зашла в углубленное русло канала, на корму высыпали счастливые моряки, среди которых Скепарна увидел улыбающегося Стефания. «Свершилось задуманное мною», – подумал царь и облегченно вздохнул. Сотни рук наперебой приняли канаты и пришвартовали суда. Скепарна первый протянул руку другу и помог ему выйти на берег, друзья крепко обнялись.

– Дорогой царь, не задавай никаких вопросов, пока твои рабыни не искупают меня в огромном корыте и не умястят благовониями.

– Пусть будет по-твоему.

Стефания торжественно усадили на коня и в сопровождении слуг отправили в Анакопу. Царь же остался у причала, чтобы поговорить со своими моряками, которые сошли на берег и, сдерживая радостные чувства, ожидали встречи с ним. Скепарна поздоровался с каждым, поздравил с удачным возвращением после месячного отсутствия и сел на коня...

К морякам устремилась толпа многочисленных родственников и знакомых, громкими возгласами восхваляя морского Бога и мореплавателей.

Вечером за ужином два старых друга расселись на мягких подушках и, возбужденные, долго беседовали. Стефаний поведал, как его караван без особых трудов добрался до предместий Константинополя и глубокой ночью выгрузился на контрабандных складах. Это удалось проверить благодаря связям купца с таможенным контролем. Товар сбыли быстро за неплохую цену и так же быстро загрузились. Однако в ожидании попутного ветра пришлось задержаться на какое-то время. За полцены Стефаний купил липовую печать таможни и отплыл от греческих берегов. Чтобы не привлекать к каравану лишнего внимания, суда шли далеко от берега и нигде не приставали. Судя по докладу Стефания, ему удалось с первой ходки вернуть все казенные расходы деньгами, а на галерах в товаре оставалась прибыль. Скепарна приказал своим помощникам выгрузить галеры и распродать людям соль, оливковое масло и прочие товары, чтобы быстрее снарядить новый караван. На этот раз в плавание должно было выйти еще одно судно, готовое сойти со стапеля в море.

¹Каменное сооружение.

Теперь Скепарна всецело посвятил себя предстоящей поездке в Персию. Он спешил передать дела прибывшему в Анакопу Опситу, для чего и созвал дадалов и Совет Старейшин. Царь разъяснил съехавшимся представителям причины созыва и обязал их всех присягнуть временному правителю, чтобы со спокойным сердцем самому отправиться в дорогу. Спустя неделю, завершив дела, царь с тремя щитоносцами ранним утром спустился к бухте, где они погрузились на галеру и взяли курс к лазским берегам. Судно легко скользило по воде, приближаясь к крепости Петра, занятой персами. Этот маршрут был самым опасным, потому что побережье Лазики крейсировали византийские галеры. Но Скепарна все же предпочел короткий путь.

Вечером этого дня из Анухи выехали на лошадях три всадника, закутанные в черные плащи. Их путь лежал через Апсилию в Лазику, судя по скрытности их передвижения, нечистыми были их помыслы.

В СЕРДЦЕ ВИЗАНТИИ

Линия судьбы в своем падении или взлете замирает порой, заставляя своего раба оглядеться и задуматься перед очередным заворотом. Тот, кто не научился прислушиваться к ее голосу, спотыкается и больно падает. И что страшнее безысходности, когда менять что-либо поздно, а силы растрочены впустую?

Жизнь Апсита налаживалась быстрее обычного. Теперь он признанный лидер среди сверстников, и каждый из них мечтает быть ему другом. Его речь и письмо быстро выправились, никто не мог узнать в нем прежнего выходца из Абазии. Так быстро он стал своим среди чужаков. Прежние чаяния юноши – найти главное зло империи и уничтожить его, если понадобится, даже ценой собственной жизни, растворились в прошлом. Все, чего желал он теперь, ему давалось без особых усилий.

«Слава Богу, на все Его воля», – восклицали школьные учителя, обсуждая успехи юноши. Вскоре у Апсита появилась уверенность, что его действительно избрал Бог и самолично над ним попечительствует. Это убеждение привнесло в его характер новые черты. Теперь он мог размышлять о высших силах и складывать свое суждение. И нет вины Апсита в том, что над Византией покровительствует Иисус, расправившись задолго до этого со всеми другими богами. А то, что Абазия не признает Христа, решать не простым смертным. Там, на небесах, ведь тоже идет борьба за первенство. А здесь на земле Византии правят установленные людьми законы. И каждый принявший эти правила в силах достичь наивысших высот. Апсит завел знакомство со многими инородцами, жившими большими колониями в Константинополе. Армяне занимали большие кварталы, пополняя сословие купцов и ремесленников. Самые видные из них традиционно охраняли императорские палаты, вливаясь в число первых военачальников византийской армии. Отдельными группами заселялись выходцы из Азии, Африки, Ливии и Италии. Это разноплеменное население уживалось благодаря взаимным экономическим интересам, более всего цементирувавшим их. Принимаемые властью законы охватывали многогранные стороны жизни горожан, становясь единой благоприятной базой для бурного развития. Не желавшие торговать становились защитниками первых, пополняя ряды воинов, столь необходимых для защиты огромной империи от постоянных угроз как внешних, так и внутренних. Абазы, как правило, поступали на воинскую службу, продолжая традиции первого Рима, когда они составляли абазгский легион. Служили в Византии родственные им апсилы, мисимийцы, брухи, зухи, добывая ратным трудом положение в обществе и земные блага.

В величественном храме Святых Апостолов, обновленном Самодержцем Кесарем Юстинианом, проводился христианский праздник святого Пантелеймона-исцелителя. Праздник приходился на воскресный день первой декады августа. Не все желающие могли попасть на торжественную литургию. Среди избранных оказался Аpsит. Воображение юноши потрясло великолепие убранства храма и богатство одеяний собравшихся людей. Праздничное шествие возглавлял император (в то время императрицы Феодоры уже не было в живых). Его окружали скромные монахи и первые клирики церкви в золотых хламидах,¹ увешанных драгоценными камнями. Многочисленная свита императора отличалась от него праздничной роскошью в одеждах и украшениях. Казалось, все богатства земли были свезены в это место напоказ. Согласно дипломатическому этикету на праздник пришли послы христианских народов. Аpsит с любопытством вглядывался в чужие лица, пытаясь распознать то, о чем не ведал. Поведение окружающих говорило о том, что здесь на его глазах происходит главное действие вселенной. Аpsит, конечно, не имел представления о масштабах земель, включенных в империю, он не ведал, сколько народов и каким числом составляют ее подданство. Но он чувствовал ее могущество, ее способность раздавить или возвысить любого из смертных. И тот, кого безмерно боялись все, оказался таким простым и с виду несчастным человеком. «Разве можно признать в нем Юстиниана Великого?! И за что его так сильно все ненавидят?» – Не мог понять Аpsит, вглядываясь в отрешенное лицо богомольца. На протяжении всей литургии, находясь под прицелом тысяч глаз, император повторял молитву и крестился, словно монах, погруженный в трепетное таинство. «И самый могущественный муж земли так слаб и беззащитен перед Богом, – подумал юноша. – В чем же их смысл – первых людей мира, если они, не стыдясь своей слабости, могут появляться среди людей и при этом вершить суд над ними?» Интуитивно на ощупь Аpsит приближался к пониманию того, что глубокая вера может соседствовать в человеке с жестокостью и жадностью. И главный защитник христианского мира без всякого колебания может приговорить к мучениям всякого иноверца или даже единоверца, лишить его положения, собственности, свободы и жизни. Чем выше благосостояние противника, тем стремительнее удар и сокрушительнее падение и гибель его. Высшая власть империи, полагающаяся на законы и традиции Рима, совершенствуя себя до безграничной автократии, путем интриг, подкупа и подлога, стояла коленопреклоненная у алтаря, вымаливая для себя и своих близких исцеления от телесных и душевных недугов и спасения своей грешной души. Святой Пантелеймон-исцелитель смотрел с разукрашенной драгоценностями иконы на пеструю толпу с добродушным укором, вселяя в молящихся веру в прощение. Аpsита поглотило всеобщее молитвенное пение, он стоял с закрытыми глазами и повторял слова молитвы за первосвященником, не замечая, как по

¹Плащ, епанча; верхняя одежда, надеваемая сверх хитона.

щекам текут слезы радости и счастья. Он произносил имена дорогих ему людей, оставшихся в далекой Анухе, обращаясь к святому с просьбой об их благополучии. «Если греческий Бог принял меня, то почему бы ему не защищать моих близких в Абазии. Ведь для его Божественной силы не может быть помех и препятствий», – размышлял Аpsит, перекрестившись с особым рвением.

Во дворе храма к Аpsиту подошел незнакомый раб и вручил послание. Аpsит развернул папирус и пробежался по тексту.

– Передай своему хозяину, что я принимаю приглашение и буду в условленное время на дворцовой площади.

Раб почтительно поклонился и растворился в толпе. Аpsит не стал дожидаться Феофана и отправился пешком домой. Стоявшие возле церкви люди с завистью оглядывали юношу и перешептывались. Аpsит прибавил шаг и вскоре оказался дома. Немой дворник почтительно поклонился. С криком «Поздравляю, поздравляю...» навстречу Аpsиту выбежала Мария и повисла на его шее. Ароматный запах девичьих волос ударил юноше в голову, смутившись, он пошатнулся. Мария, не понимая причину заминки, оттолкнулась от него и воскликнула: «Ради Бога, не молчи, рассказывай. И какой же ты нерасторопный, я же сгораю от любопытства! Как выглядел василевс? Во что была одета свита? Какие прически и украшения были у знатных особ?»

– Я не знаю...

– Разве ты не был в церкви Святых Апостолов? Не томи меня, рассказывай.

– Я на самом деле не знаю. То есть я был на торжественной литургии, но не знаю, что тебе ответить.

– Вот дурачок, – Мария сделала обиженную гримасу и пошла прочь. Аpsит направился в свою комнату. Оттуда он слышал, как Мария рассказывает домашним о его полном безразличии к окружающему миру.

В это время молодой человек обдумывал план действий. К закату солнца ему надо прийти в императорский дворец. Причем эта встреча с неизвестным вельможей носила конфиденциальный характер. Ему ничего не оставалось, как, сославшись на усталость, отказаться от обеда и выйти из дома незамеченным, что проще было сделать до возвращения Феофана. Аpsит свернул плащ и спустил его осторожно через окно, сам спустился в гостиную и попросил прислугу не звать его к столу. Покрутившись немного, он уловил удобный момент и выскочил через хозяйский выход на улицу, по пути подхватив плащ. Несмотря на припекающее солнце, он закутался в него и поспешил удалиться незамеченным. При виде встречных он ускорял шаг и оглядывался, выдавая свою тревогу. Измученный жарой и волнением, он пропотел насквозь. Вскоре Аpsит вышел на площадь, по которой толпами гулял народ. Он остановился в тени галереи и осмотрелся. Наглухо закрытые ставни окон защищали обитателей дворца от августовского солнца. «За мной могут наблюдать из любого окна», – поразмыслил он. Понемногу скука заменила тревогу, и он открыто стал

разглядывать проходящих мимо площади людей. Светило неспешно отправлялось на закат, людей становилось больше, во дворце заскрипели отворяемые ставни. Аpsит неожиданно почувствовал чье-то прикосновение к плечу.

– Мой господин ждет, прошу пройти следом, – Аpsит узнал голос посланника и обернулся, чтобы последовать за ним. Дальше они шли молча, обогнули главный фасад, пройдя арку под галереей, оказались на потайном дворе. Проводник подошел к окованной двери и ловко ее отворил. Теперь они шли по длинному мрачному коридору с мраморными полами и многочисленными колоннами. Редко расставленные канделябры высвечивали золотое покрытие капителей и многочисленные завесы из пурпурного шелка, порой слегка прикрывавшие мраморные изваяния из библейских сцен. Так они преодолели сотню шагов, а коридор все не кончался. Тогда Аpsит не догадывался, что этот путь был продуман для него, чтобы покорить впечатлительного юношу царским великолепием. Задумка удалась, одно только не понимал Аpsит, почему никого не слышно и не видно, будто они одни во всем палатине.¹ Проводник подошел к двери с чеканенным золотым ромбом на створке и отворил ее: «Вам сюда», – обратился он к Аpsиту. «Золотой талион», – кровь застучала в висках Аpsита, он не мог поверить тому, что видел. Двигаясь дальше в указанном направлении, он очутился в небольшой комнате, обставленной тяжелой дубовой мебелью. Аpsит направился к столу, на котором ярко горели свечи. Осмотрелся по сторонам, но никого в комнате не обнаружил, тогда подошел к канделябру и принялся разглядывать его для собственного успокоения.

– Воск, привезенный с берегов Абазгии, дает необычный свет и благоухание. Я сам выбираю этот воск и заказываю из него свечи. Разве не чувствуешь аромат своего дома?

Аpsит оглянулся на голос и увидел в полумраке силуэт красивого мужчины. Им оказался императорский спальничий Ефрата.

– Подойди ко мне, сынок, – добавил он, и Аpsит подчинился воле старшего. Сам Ефрата сделал несколько шагов вперед и по-отечески обнял юношу.

– Самодержец – наш Отец – последовал моему примеру, – не без гордости добавил евнух, – он пользуется только абазгским воском. Благочестивый Самодержец Юстиниан – утонченная душа – по-христиански любит абазгов, когда-то и тебе представится возможность узнать это. Я открою тебе секрет – он мечтает построить абазгам величественный храм во имя Богородицы и несет обет перед богом, что выполнит задуманное, как только сложится для этого удобный случай.

– Имеешь в виду – когда из Абазгии уйдут персы добровольно или силой оружия? – вставил Аpsит.

– Ты правильно меня понял. Видишь ли, Юстиниан Великий опечален предательством абазгов под предводительством Скепарны, которого Он считает узурпатором.

¹Дворец римских и византийских цезарей, от лат. Palatium - император.

– Все легко разрешилось бы, если Скепарна присягнул ему в вечном рабстве, не так ли? – вопрошал юноша.

– Навеки вечные у нас у всех только один господин – Иисус – сын Божий, и мы – рабы его. Наши родичи отвергают его, тем самым вызывая справедливый гнев у поборника и защитника веры. Сам рассуди – разве может образованный человек поклоняться деревьям или камням, как святыням, и упорствовать в непринятии истинной веры, призывающей к покорности и терпению, за что воздастся каждому в судный день.

– Мало среди абазгов просвещенных людей. Многие так и не вернулись на родину, предпочитая легкий хлеб и уют на чужбине опасностям и лишениям на родной земле, – вставил Аpsит.

– Все мои воспоминания о родине, Аpsит, связаны с кошмаром. Ты первый – кто узнает об этом. Мне было около шести, когда однажды ночью на наше жилище напали разбойники. Мужчин не было дома, они связали женщин и утащили меня в дремучий лес в свое логово. Несколько месяцев я жил взаперти, пока число украденных мальчиков не достигло десяти. Затем произошло самое страшное. Нас выводили по одному с связанными глазами и руками и по-живому осклапывали. Я долгое время мечтал умереть, но не суждено было тому случиться. Мы все выжили под присмотром проклятого грека-лекаря – сообщника разбойников. Еще через какое-то время нас спустили на лошадях к морю и продали в рабство купцу-контрабандисту. Вскоре мы все попали на константинопольский невольничий рынок, где нас раскупили разные люди. Я попал в дом богатого вельможи, где получил прекрасное воспитание. В мои обязанности входило развлекать старика: читал ему вслух книги, играл на кифаре и арфе, словом, украшал его старость и одиночество. Все это время у меня не было возможности узнать ни о судьбе моих товарищей по несчастью, ни о родных в Абазгии. Когда подрос, я стал сопровождать хозяина на деловые встречи и светские приемы. Вскоре обо мне слышали многие знатные горожане. Моя внешность привлекала чужие взоры, алчные люди мечтали перекупить меня, чтобы использовать для сладострастных увлечений, но мой старичок полюбил меня как сына и всячески оберегал от порока.

Как-то раз я невольно услышал странный разговор хозяина с каким-то тайным посетителем. Мне нельзя было слышать, но так уж случилось. Мне стало ясным, что хозяин не тот человек, за кого себя выдает. Посетитель требовал отдать ему меня взамен на молчание о постыдных тайнах старого грешника, в молодости продавшего свою душу дьяволу. Оказалось, что в свое время он держал притон с развратными девицами и мальчиками для удовлетворения похоти богатого сословия, да и сам не брезговал грешным делом. Представь себе, что преставившаяся императрица Феодора в молодости работала у него девицей по заказу. В то время еще правил император Юстин – дядя Юстиниана. Феодора, став василисой, за большие деньги купила молчание Христо. Он отошел от порока и предался вере и праведно-

сти. Так вот, этот посетитель грозился открыть тайну моего хозяина императору Юстиниану. И все это, несмотря на страшные гонения императора за мужеложство. Христо выдержал натиск, не предал меня и свою христианскую веру. За что ему большое спасибо, спаси Бог его душу.

Я долгое время находился под впечатлением услышанного, проникающий старик почувствовал что-то неладное. Он пытал и расспрашивал меня, но и я держался, пока он не обратился ко мне с именем господина нашего Иисуса. Тогда я признался, что слышал разговор с настойчивым посетителем. Старик молча меня выслушал. Утром я обнаружил в постели холодное тело хозяина. Старик не вынес раскрывшегося позора и умер. У покойного не было прямых наследников. Кто-то из старых слуг признался мне, что хозяин в частной беседе поведал ему, что свое состояние собирается оставить мне. Я был сильно подавлен и беспомощен, чтобы заявлять о своих правах на наследство и вести судебный процесс. Очень быстро василиса Феодора прослышала о смерти моего хозяина и приписала все его имущество государственной казне, посчитав, видимо, что так будет восстановлена справедливость. Позже, оказавшись во дворце, я узнал, что по всей империи ей служили агенты, собиравшие сведения о богатых людях. Мне тоже приходилось оказывать ей подобные услуги.

Имущество старика было распродано, слуги распущены, а мы, рабы, стали собственностью императора. Я в числе немногих был оставлен во дворце, при семье самодержца. Моя приятная внешность, умение быть обходительным, хорошее образование и манеры сулили мне большое будущее, тем более, что я приглянулся первой женщине империи. Юстиниан не стал перечить горячо любимой жене и назначил меня спальничим при дворце. В силу совершенного надо мной насилия я не представлял угрозы супружескому ложу, у меня не было связей с другими знатными домами Константинополя, чтобы выносить сплетни. Одним словом, обе стороны оставались довольными. Спустя время бездетный василевс меня полюбил, словно сына и свои чувства разделил между Господом Богом, женой, и мне тоже немного досталось. Я проникся к нему глубоким почитанием, всецело разделяя его взгляды и отношение к окружающему миру. И хотя вокруг о нем много злословят, обвиняя в страшных грехах, я много лет живу рядом и знаю – это гнусная ложь. Он благочестив и предельно скромен, словно монах. Его мысли обращены к Богу, он искренне радуется о благоденствии Рима.

– Да продлит его царствование господь Бог, – добавил Аpsит. Ефрата бросил проникающий взгляд на собеседника.

– Я должен твердо знать, Аpsит, могу я доверять тебе как себе самому? Если да, то дай клятву, и мы продолжим разговор, если нет – останемся просто добрыми знакомыми.

– Прежде выслушай меня. Затем, если будешь настаивать, я выполню твое желание, – ответил Аpsит. Ефрата кивком головы выразил согласие.

– Я поведаю рассказ о событиях, котором не был ни очевидцем, ни участником. Однако, не имея повода усомниться в источнике, передам достоверную историю.

Много лет назад в семье Рисмага произошло событие, приведшее к очень важным последствиям для Абазгии. Пожалуй, еще не окончена полностью та история и по сей день. В его семье родился мальчик необычайной стати и красоты. Первые годы ребенка родители не выпускали со двора, опасаясь похищения. Рисмаг не раз подумывал о том, чтобы нанести на тело сына заметное для глаза увечье, но так и не решился. Шло время, у него родилось еще несколько детей, но переживания за первенца так и не остывали. Дело в том, что в то время в Абазгии участились случаи похищения детей с прекрасной внешностью, покрываемые царями Абазгии и вельможами Византии. Последние выступали заказчиком живого товара. Выкраденных мальчиков лишали мужской силы (оскопляли), после чего их цена возрастала в несколько раз. В ту печально памятную ночь свершилось то, чего так сильно боялись родители. Похитители подобрали время, когда дома не было мужчин, и схватили первенца. Пока молва разошлась по всей округе, и собрались родичи – след преступников простыл. Поиски оказались безуспешными, только один молодой человек по имени Бага, не следовавший по ложному следу, вышел на тайное логово похитителей. Он слыл лучшим удалцом среди анухцев. Затаившись в зарослях недалеко от логова, он выжидал, планируя внезапное нападение. Однако собаки учуяли его и погнались за ним. Многочисленная дружина гуннов – телохранителей царя, возглавляемая тогдашним Ануха дадалом, настигла Бага на заброшенной дороге, где он успел устроить засаду. Стрелы, пущенные одна за другой его твердой рукой, поразили первых всадников. Испуганные гунны повернули обратно, чтобы избежать расстрела. Увидев спины недавних преследователей, Бага вышел из засады и вскочил в седло, торопясь в Ануху за помощью. Тут стрела, выпущенная рукой скрывшегося в темноте Ануха дадала, попала ему в спину, между лопатками. Бага удержался в седле – верный конь довез полуживого хозяина до дома. Бага успел поведать обо всем молодой жене, ставшей вдовой с малолетним сыном на руках. Она поклялась выполнить аyасит¹ мужа. Бага похоронили с почестями. Его многочисленные родичи поклялись отомстить за него. Сам царь держал траурную речь, гневно проклиная бесчестных людей, отнявших жизнь у славного воина. Ануха дадал даже возглавил похоронную процессию, всем своим видом стараясь показать глубокую скорбь и сочувствие.

Прошло время, когда сын Бага подрос, вдовствующая мать отправила его в Константинополь для освоения грамоты и наук. Сама же заколотила двери и ставни анухского жилища и вернулась в отцовский дом. Уговоры родичей мужа выйти замуж и остаться в Анухе она отвергла, ну а в доме родителей никто не смел ее тревожить подобными разговорами. Тогда анухцы наперебой осуждали поступок несчастной женщины, больше всех негодовали близкие родственники покойного супруга, оскорбленные ее непослушанием. Не могла тогда бедная женщина поведать им тайну смерти и аyасиат своего мужа. Со временем страсти поулеглись, уступая место обыденным житейским сценам.

¹Последнее слово – завещание умирающего.

Не скоро узнали родные о том, как складывалась судьба их юношей в Византии. Один из них оказался в неволе, другой должен был покорно изучать науки в чужой стране. Скорее всего, обоим пришлось несладко на чужбине. Скромные сбережения у сына Бага скоро закончились. Ему пришлось выбирать между какой-нибудь работой по найму или голодной смертью. Юноша выбрал смерть. Хозяин дырявой комнатухи, которую снимал у него абазг, отвез обессиленного квартиранта на арбе к пустырю и оставил там умирать. Всю дорогу хозяин проклинал небеса за свое невезение. «Будь проклят этот нищий, задолжавший мне за жилье, не дай господь, умер бы под моей кровлей, так и хоронить пришлось бы мне, от чего эти люди так глупы и я по их причине несчастен?» Ромей не предполагал, что его дочь влюблена в абазга и тайно устраивает его спасение. Смекалистая девчонка, воспользовавшись отсутствием отца, побежала в соседний квартал к хозяину запрещенного подпольного клуба и за небольшую сумму рассказала ему про заезжего юношу необычайной гордости, силы и ловкости, истощившегося от голода, которого какой-то хапуга везет, чтобы выбросить на пустыре. Хозяин клуба пригрозил девчонке взысканием полученных ею денег, если товар окажется негодным, а сам отправил своих помощников в указанное место. Абазга быстро нашли и по привычке обшарили пустые карманы. Один из них просунул руку за пазуху туники, чтобы прощупать тело клиента и случайно наткнулся на пергаментный свиток. Ни он, ни его товарищ не умели читать, но сообразили, что эта находка может согдиться хозяину, подхватили парня под мышки и погрузили на круп старой кобылы. Юноша ничего не чувствовал, истощенное сознание помутилось, он впал в глубокое забытие. Хозяин клуба развернул пергамент в ожидании счастливого случая и принялся читать: *«Приветствую тебя, Захарий, из далекой Абазгии. Предъявитель сего письма – сын моей сестры – отправился в Константинополь по завещанию преждевременно погибшего отца для обретения грамоты и прочих знаний.*

Он юноша отважный, но неопытный в дальних поездках. Если обратится к тебе за какой-либо помощью, отнесись так, как это сделал бы я по твоей просьбе.

С доброй памятью о прошлых делах Пыса Хыбх».

– Эй, глупцы, слышали, что здесь написано? – крикнул восторженно ромей. – Это письмо для нас прямая дорога к богатству, как можно скорей приведите парня в чувство. Только не сами. Марш за лекарем, нам надо его спасти.

– Что такого ты прочел там, что мы должны бегать по ночным улицам и будить честных людей? – возмутился получивший приказ.

– Не спорь, не трать времени зря, выживет парень – получите оба по солиду. «Так это тот самый Захарий, кто же не знает Захария – первый богач, к тому же из бывших патрициев. Неужели этот парень был настолько глуп, что не нашел дорогу к спасению? Зато мне это на руку, уж я достану его из-под земли и потребую компенсацию за понесенные мною расходы. А если Захарий окажется кем-то другим, я отправлю письмо в Абазгию с требованием выкупа». У хозяина почесался лоб. «Добрый знак», – подумал

он и еще сильнее почесал для уверенности. Спустя какое-то время молодого абазга вернули к жизни и объяснили ему его нынешнее положение. Пронырливый ромей отправился на поиски Захария, который оказался в отъезде. Кто-то из его слуг за небольшое вознаграждение поведал, что хозяин уплыл в Египет для закупки пшеницы для Константинополя и, скорее всего, задержится на несколько месяцев.

Ничего не оставалось, как дожидаться возвращения купца, а тем временем войти в доверие к абазгу, чтобы вывести у него выгодные для себя подробности. Долгое время абазг не открывался собеседнику, отговариваясь плохим знанием греческого. Шло время, грек стал настаивать, чтобы юноша отправил письмо домой с настоятельной просьбой о высылке средств на существование, на что юноша упорно отнекивался. После очередной неудачной попытки хозяин, разгневавшись, замахнулся на абазга. Юноша увернулся от удара и стремительным выпадом сбил с ног опешившего обидчика. Завязалась серьезная драка, исход которой решили подоспевшие помощники. Они скрутили и связали строптивого абазга, пришедший в себя хозяин заявил в ультимативной форме, что кормить его своим хлебом, а себя надеждами на скорое богатство не намерен и в ближайшее воскресенье отвезет его на невольничий рынок, чтобы выручить хоть какие-то деньги за свои растраты и труды. До этого дня решили держать парня в подвале взаперти. Молодой абазг был сбит с толку поступком своего «благодетеля», в его представлениях не укладывалось, что где-либо на земле можно собственного гостя связать и держать в неволе, тем более сделать из него невольника, воспользовавшись какими-то обстоятельствами. «За такими-то знаниями меня отправили на край земли мои родные?» – не переставал удивляться он.

И на этот раз, благодаря счастливой судьбе, абазгу удалось избежать страшной участи. Среди ночи он услышал чей-то слабый голос за маленьким оконцем. Прислушавшись, он понял, что призыв обращен к нему. Подошел к окну и постарался выглянуть, но, увы, ставни были заперты снаружи. Он остановился и еще раз напряг слух. Женский голос поведал ему о плане побега из темницы. Срывающимся от волнения голосом девушка попросила тихо подождать, пока она не снимет запор, вставленный снаружи. Вскоре он услышал, как на землю глухо упал тяжелый предмет. Без особого усилия отворилась ставня, впуская в подвал лунный свет и ночную прохладу. Узник подпрыгнул и втиснулся в окошко. Снаружи у стены он разглядел молодую девицу, дрожавшую от волнения. Абазг сдержанно поблагодарил спасительницу и пошел со двора.

– Куда ты? А как же я? – не на шутку разгневалась девушка, забыв о предосторожности. Он не понял смысла ее слов, остановился и предложил идти вместе.

– Куда ты без меня сможешь уйти, ведь непременно попадешь в другую беду, еще более страшную, – не без обиды добавила она, быстро настигнув юношу. – Вот посмотри, – девушка протянула раскрытую ладонь – в лунном свете заиграли две желтые монеты. Абазг брезгливо отвернулся и ускорил шаг. Девушка почти бегом его настигла и сильно ухватила за плечо.

– Ты презираешь меня? – сквозь слезы вымолвила она, – я дважды спасла тебя от гибели и это я сделала ради тебя. А в ответ одно презрение, неблагодарный?!

Он посмотрел ей в глаза и смягчился.

– Ты совершила отважный поступок, мое презрение обращено к тому, что ты держишь в руках.

– Вот это предмет твоего презрения? – удивилась она. – Так если бы у тебя была хоть десятая доля этих денег, тебе не пришлось бы страдать, без этого, – она снова раскрыла ладонь – тебя и меня ждет голодная смерть или рабство, несмышленный.

– А что нас ждет теперь? – мягким голосом перебил ее он.

– Не знаю, все зависит от тебя, – она опустила глаза и обмякла, – я не могу вернуться домой, потому что предательница и воровка. Я забрала все его сбережения, чтобы спасти тебя... Юношу тронули ее слова, он прижал девушку к груди.

– Не сердись, тебе надо вернуться к отцу до рассвета и положить золотые на место. И твой завтрашний день станет таким, как прежние.

– Я не хочу назад, мне лучше умереть, чем вернуться, не гони меня, я буду оберегать тебя.

– Марица, я благодарен тебе за все, может, мы очень скоро увидимся, но сейчас ты должна вернуться домой. Я не смогу тебя сделать счастливой, те минуты радости, о которых мечтаешь ты, быстро пройдут, и тебя постигнет глубокое разочарование.

– Что я слышу? Это глас гордыни, трусости или милосердия? Ты поистине безумец, ты отвергаешь свое спасение. Пойми, я не стану тебе обузой, я не распутная женщина, я девица, потерявшая голову ради любви...

– Марица, твоя честь не опорочена, спустя время вернется и рассудок.

– Моя прошлая жизнь невыносима. Я сойду с ума или лишу себя жизни – только не гони меня. Без тебя ничто мне не в радость.

– Что ж, будем держаться вместе, – уступил абазг. «А ведь останься она в отцовском доме ее все равно разоблачат и осудят» – пронеслось в его голове.

– Куда нам податься из этого враждебного края?

– Нам надо спешить к пристани, найдем лодку и уплывем на острова. Там живут бедные и честные люди, кормятся рыбным промыслом. Чиновники редко туда заглядывают, презирая тамошнюю нищету.

Юноша не стал сопротивляться... На новом месте они сняли ветхую хибару, поостыв, задумались о завтрашнем дне. Абазг решил наняться гребцом на торговые галеры, идущие в Египет. Девушка недолго поплакала и пообещала, что будет ждать его возвращения. Они расстались, так и не сойдясь.

Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если в далеком Египте случай не свел бы юношу с человеком по имени Захарий, тем самым другом его дяди Пыса Хыбха, владельцем целой флотилии судов, занятых перевозкой пшеницы в Грецию. Их диалог был недолгим, Захарий отправил юношу обратно в Константинополь с поручительным письмом к своему распорядите-

лю, в котором приказал обеспечить абазга всем необходимым и приставить к своему сыну Стефанию. Юный абазг благодаря отеческому покровительству Захария получил лучшее в империи образование и приобрел верного друга. Спустя несколько лет он возвратился в Абазгию и по Божественному промыслу стал царем Абазгии, отомстив за кровь своего отца и безвинно униженных абазгов. Его верными сподвижниками становятся Рисмаг – отец похищенного мальчика, ныне глава Совета Старейшин Абазгии, и Урым – мой даду – ныне Ануха дадал.

Если что-либо из моего рассказа оказалось полезным для тебя, Ефрата, считай, время потрачено не зря, – подытожил Аpsит. Потрясенный Ефрата впал в отчаяние. Он долгие годы заглушал в себе духовную связь с далекой Абазгией и оставшимися там родственниками, предпочитая служить новой родине. И когда, казалось, с прошлым все безвозвратно покончено, пришелся такой поворот судьбы, словно удар возмездия. Его взор отчаянно блуждал по стенам комнаты в поисках Святого Образа, сметенная душа требовала излияния в молитве. Вырвавшись на миг из плена собственного отчаяния, он сказал Аpsиту:

– Продолжим беседу в следующий раз.

Юноша вышел из залы и оказался в одиночестве. В длинном пустом коридоре горели свечи и царил мертвецкая тишина. Он неуверенно побрел, погруженный в раздумье. Вскоре Аpsит понял, что заблудился. И когда повернул назад, столкнулся с человеком, чье имя приводило в трепет миллионы людей. Это был Юстиниан Великий – самодержец римлян, перед которым падали ниц цари и их посланники, гений зла и добра своего времени. В полшага следовал за ним старец-монах из Фракии. И хотя Аpsит был обучен правилам приветствия в подобных случаях, он растерялся и приложил правую руку к сердцу на абазгский лад и почтительно склонил голову. Удивленный Юстиниан остановился и принялся разглядывать юношу.

– Неужто, абазг, признавайся, – с лукавой улыбкой спросил император. – Признавайся, что делает одинокий абазг в моем дворце?

Аpsит задержался с ответом. «Да и стоит ли упоминать Ефрата?» – промелькнула мысль.

– Ну, абазг, не робей, что привело тебя ко мне?

– Судьба, наверное, – наконец произнес Аpsит.

– Добрая или злая? – усмехнулся властелин.

– Та, что привела меня в Константинополь для освоения знаний, и к Христу – Богу нашему Триединому приобщила, в крещении нарекла новым именем Пантелеймон, посвятила в таинства и радости церковные, – нашелся с ответом абазг.

– Благочестивый отец, благослови сего отрока, – обратился Юстиниан к монаху, и повелел слуге показать Аpsиту дорогу к выходу.

ГИБЕЛЬ ТРАХЕИ

В этой стране было много такого, что люди называют чудесами. Страна, где нажива стала главной целью, а богатство – делом первостепенной важности, открыла перед Скепарной свои чудеса. Здесь состоятельный презирает бедняка и отвешивает рабские поклоны более имущему, завидуя ему черной завистью. Здесь люди похваляются нажитым, выставляя его напоказ, чтобы снискать мнимое почитание окружающих.

Апсха утешался великолепием дворцов, парков, многочисленных садов и фонтанов в ожидании встречи с шахиншахом Эрана и Анэрана Хосровом Ануширваном. Здесь, в Ксетифоне,¹ он познакомился с кавадами и послами из разных стран, далеких и близких к Абазии, ожидавшими встречи с шахом. Хосров находился где-то поблизости, но его распорядок обустривался так, что никому не удавалось увидеться с ним без его на то высочайшего соизволения. Прогуливаясь по паркам, Скепарна наблюдал пеструю толпу звездочетов и магов со всех концов земли. Образ царя абазгов не вписывался в представление здешней цивилизации. Его обходили, явно подчеркивая свое мнимое превосходство. «Что мне думать о них, если они меня считают варваром?» – усмехался абаз.

Великий визирь² наконец принял абазгского царя и осведомившись о цели визита, пообещал, что в самое ближайшее время все доложит своему господину. Словно вода в ручье, текли дни, недели. Повсюду распустилась листва в надежде на возрождение, встречая долгожданное тепло. Все живое раскрылось и устремилось к своей противоположности, видя в этом главный смысл наступившего времени. Пришла весна 552 года от Рождества Христова – время новых надежд и суровых опасностей.

К берегам Абазии из Трапезунда направился усиленный византийский отряд. По приказу командующего Бесса отряды возглавили Улигаг и Иоанн. На корме первой галеры стоял невозмутимый военачальник Иоанн. Много лет он стяжал славу для империи ратным трудом в разных концах света. Из краткого послания Бесса он понял, что должен прийти в Абазгию и разбить отколовшихся вассалов. У берегов Лазики к нему присоединился отряд прославленного Улигага, прибывшего из Ливии. Пять тысяч отборных воинов, прошедших три последние военные кампании, шли туда, чтобы обуздать непокорный народ во главе с его правителем.

¹Резиденция шаха.

²Первый министр.

Дозорные абазгского лагеря, как только увидели ромейские галеры, объявили тревогу. Было очевидно, что галеры плывут к ним с недобрыми намерениями. Полсотни больших судов медленно шли на веслах вдоль берега, высматривая удобное место для высадки войск на сушу. Возглавляли армаду боевые галеры, готовые отразить натиск абазгского флота, который так и не вышел в море. Иаш дадал со своей сотней сопровождал византийцев вдоль берега, временами отправляя в их сторону тучи стрел, чтобы отогнать в море. В Анакопу на подмогу поспешил из Севастополиса Кит со своей сотней.

Опсита объявил всеобщую тревогу, приказав разжечь сигнальные костры, а сам поспешил с Анухским отрядом в лагерь. Комендант лагеря Кыс запер ворота, а гарнизон разместил на боевых постах.

Первые часы ромеи находились в замешательстве, но затем, поразмыслив, Ионан приказал идти в Псынскую бухту, где им надлежало высадиться на прибрежную равнину, не укрепленную ни природой, ни человеком. Именно здесь, где абазы не успели устроить завалы, на виду у защитников лагеря римляне начали высадку десанта. Абазские отряды, оставшись без укрытия, не смогли достойно противостоять высадке врага. Казалось, боги изменили им, потому как сильный ветер, дувший с моря, сбивал абазские стрелы, в то время, как стрелы противника проносились ветром дальше обычного и поражали цели. Опсита поняв, что не смог помешать высадке врага, отдал приказ занять склон холма, нависавшего над дорогой в лагерь. Высадившиеся на берег войска оказались в сложной ситуации. Атаковать абазов с такой позиции означало бы потерю войска. Остаться на ночь в открытом, неукрепленном месте также грозило гибелью. И тут римлянин вспомнил, что несколькими стадиями ранее он видел нагорную дорогу, ведущую к лагерю с востока, и решился на дерзкий шаг. Оставив половину войска под командованием Улигага на месте, вторую половину войска погрузил на галеры и отплыл назад, где без каких-либо угроз высадился на берег и выдвинулся к лагерю с незащищенной стороны. Когда Опсита понял замысел римского военачальника, что-либо менять было поздно. С двух сторон одновременно началась атака на лагерь. Немногочисленный абазский отряд правитель поделил на две части и распределил в разных местах, ослабив оба направления. Под натиском многочисленного войска абазы начали отступать назад, в большей степени, думая о судьбе своих близких, чем о победе над врагом. В первых рядах нападавших рядом с Улигагом стояли некоторые абазы из числа бывших легионеров, жители Анухи и других общин, примкнувшие к врагу. Ими командовал Хмыч – сын бывшего Ануха дадала, решивший свести счеты со своими кровниками путем предательства.

– Эй вы, глупцы несчастные, я здесь, чтобы выпить вашей крови, – кричал он знакомым анухцам. – Где ваш дадал – Урым? Пусть сразится со мной, передайте, что я пришел за его головой. На груди предателя висел железный крест – свидетельство недавних перемен. Анухцы метали в него дротики, а он каждый раз, словно заговоренный, благополучно увиливал от удара и смеялся им в лицо.

– Разве вы не видите, как новый Бог печется о моем спасении? На что вы способны, если даже меня убить не в силах. Бросайте оружие и подчинитесь, пока не поздно, иначе мы никого не пощадим, – в ярости кричал Хмыч своим сородичам. Его крик перебивал боевой клич византийцев и стоны умирающих воинов. Молодой абазы кинулся с обнаженным мечом на предателя, но так и не смог достать врага, он упал замертво, проткнутый копьем римлянина.

Иоанн со своим отрядом штурмовал лагерь с тыла, весть об этом стремительно докатилась до другого фронта. Абазы поняли, что проиграли сражение. Слишком поздно Опсита подал команду к отступлению. Абазы лавиной устремились в лагерь в надежде там выстоять и защититься. Комендант Ксыс с непокрытой головой стоял у ворот и отдавал команды. Толпы отступавших смешались с наступающими и устремились в ворота. Ксыс отдал команду закрыть ворота, чтобы отсечь противника. Его приказ не был выполнен. Комендант повторил приказ, но безуспешно. Тогда старый воин поднял копье и метнул в предателя. Копье настигло цели, не выполнивший приказ скорчился в муках. Ксыс ринулся с мечом перерубить канаты, поддерживавшие тяжелые ворота. Не успел, он упал, пронзенный вражеской стрелой. В лагерь ворвались римляне и захватили ворота. Тем временем Опсита со своими приближенными вырвался через северные ворота, чтобы сбежать из захваченного лагеря.

– Абазы, мужайтесь, любому рожденному суждено умереть, – этот призыв Урыма слышал каждый абазы. Бой на мгновение остановился. Остановились римляне, ошеломленные видом пожилого воина. – Мы должны защитить женщин и детей, – продолжил Ануха дадал. Придет время, они позаботятся об Абазии. Кто способен держаться на ногах, поднимитесь на крыши и сомкните ряды, еще не все потеряно!

Защитники поняли уловку и поднялись на дощатые крыши своих жилищ. Римляне вновь оказались в замешательстве. В них сверху абазы беспрепятственно метали стрелы и копья, поражая опешивших римлян в головы. Атака римлян захлебнулась, враг отошел и укрылся от разящих ударов. За дощатыми стенами домов раздавались рыдания испуганных женщин и детей, превосходящих в численности защитников. Наступил момент, когда обе стороны не знали, что предпринять. Римляне посоветовались, чтобы найти выход к победе. Абазы прибодрились и обратились к священной Аныхе с молитвой о спасении. Урым прохаживался по кровлям от одного конца к другому, когда ему в ногу вонзилась стрела подкараулившего его Хмыча. Ануха дадал упал на колени и приглушенно застонал. К нему на помощь поспешили сыновья Кит и Куд. Едва они поставили Урыма на ноги, как пущенная Хмычем вторая стрела вонзилась в другую ногу старика.

– Тебя ожидает плохая смерть, Урым, – крикнул Хмыч из своего укрытия. – На колени я тебя уже поставил, обещаю вынуть твоё сердце и выбросить его собакам до того, как ты испустишь свой дух.

На противной стороне оживились враги. Кто-то из них разжег костер и растапливал жир в котле. Тысячи горящих стрел, выпущенных римлянами в небо, падали в жилища, внутри которых притаились женщины с детьми. Абазские воины, забыв об опасности, заматались, чтобы сбить разрастающийся огонь. Объятые жалостью к ближним, они погибли под стрелами или сгорели, охваченные пламенем со всех сторон.

– Абаа псит¹, Абаа псит, – тысячами голосов раздавался клич горевестников, сливаясь в единый звук. «Абаапсы²!» – стонала Абазия поверженная. «Абаапсы, абаапсы», – кричала мать, потерявшая своих сыновей. «Абаапсы, абаапсы», – эхом отдавался в горах людской плач по заживо сгоревшим детям.

Три дня победители праздновали победу, не просыхая от вина, заглушая им память о содеянном. Со всей округи римляне собрали тех, кто не успел скрыться в лесах, погрузили на галеры, чтобы продать их в неволю. Пять тысяч вдов и осиротевших детей из Анакопы, Анухи, Псырты и других ближних селений по воле захватчиков были обречены на вечное рабство в чужой земле. Отомстила империя сполна, напилась крови Хмыч и его дружки. Нет более прекрасной Анухи, сожжены ограбленные дома, вырублена Священная Роща Аныхи. Ее последний служитель умирал с отрубленными конечностями у алтаря святилища. Красавица Щаща, мать троих сыновей, невестка славного Урыма, потерявшая рассудок от невыносимого горя, бродила босая по Анухе, призывая родных по имени.

– Где ты, Алым, свет очей моих, отзовись. Старшего забрала Византия, среднего Асана – Персия. Отзовись, мой Алым, позови к трапезе своего прославленного деда и отца, дядю Кита позови. Где вы спрятались, отзовитесь? – выкрикивая в пустоту, блуждала по окрестностям бедная женщина. В поисках она забрела к Священной Аныхе и наткнулась на обезображенное тело старого жреца. Неожиданно рассудок вернулся к ней на время. У алтаря Щаща нашла жертвенный нож и принялась копать им землю, чтобы предать тело земле. «Разве так хоронила Абазия своих сыновей, о Аныха! Разве так абазы прощались с твоими жрецами, о Аныха! Некому оплакивать и хоронить их, о Аныха, некому защитить тебя, о Аныха! Дай надежду и силу сыновьям своим, о Аныха! Чтобы не осталась забытой кровь и запятнанной честь, о Аныха!» – причитала женщина-горевестник, засыпая сырой землей могильный холмик. «Подскажи мне, святая Аныха, что стало с родными? Или в рабство их увели враги, или тела их лежат растерзанные? А может, чья-то мать сжалилась и предала их земле и землей присыпала, чтобы нечистые животные не глумились, и подлому врагу не было радости». Тут бедная женщина замерла, потрясенная от прояснения разума. Она побежала к Трахее, уверенная, что там найдет своих родных.

¹Крепость пала.

²Клич о беде, несчастье.

В небе над бывшим лагерем кружила, дожидаясь часа своей тризны, стая орлов-стервятников. Совсем рядом, в колючем кустарнике затаилась стая шакалов, чтобы с темнотой ворваться в лагерь за своим трофеем. Ромеи предали земле тела своих воинов по христианскому обычаю. Хмыч со своими дружками обыскал округу, чтобы найти тела абазских военачальников и воздеть их головы на колья – для устрашения живых. На высоких шестах высились обезображенные головы Урыма, его сыновей и внука, коменданта Кыса, инженера Крита, Иаш дадала, Гума дадала и многих других, ублажая тщеславие варвара-победителя.

К исходу дня невестка Урыма добралась до лагеря, заваленного сотнями трупов его защитников. Возле сгоревших жилищ лежали обугленные женские и детские тела. Обессиленная женщина ползала на четвереньках, отыскивая в сумерках родные лица. Она медленно продвигалась к лобному месту, пока не наткнулась на частокол с насаженными головами. Женщина невзначай толкнула кол, он наклонился и ударился об землю. К ногам матери скатилась детская головка сына...

Страшный вой огласил округу, достиг и Анакопской цитадели. Женщина растратила остаток сил и потеряла сознание. Из цитадели высыпали на двор напуганные римляне.

Византийский гарнизон временно разместился в опустевшей цитадели. Охранник зашел в залу, где когда-то заседал Апсха, и обратился к военачальнику.

– Иоанн, к тебе просится абазг, что примкнул к нам в Лазике.

Лицо начальника перекосила презрительная гримаса, он понял, о ком шла речь.

– Впусти, только безоружным, – ответил он.

В залу вошел Хмыч с услужливой миной на грубом лице.

– Прославленный полководец, да продлятся твои дни, словно одержанные победы. Я сын Ануха дадала, незаслуженно свергнутого этими самозванцами, убившими царя абазгов, которому я верно служил. Мы беспрекословно подчинялись византийскому владычеству, не противопоставляя себя интересам империи. Казалось, мне было суждено всю оставшуюся жизнь скрываться на чужбине, если бы заслуженная кара не настигла наших врагов, которые твоим умением и «Божьей Волею» повержены теперь. Пришло время восторжествовать справедливости. И я надеюсь на возвращение мне отцовских прав. Еще мне думается, что Константинополю понадобится в Абазгии верный правитель.

– Абазг, – перебил Хмыча Иоанн, – я воин и далек от вопросов политических, а кроме того, Анакопия – не вся Абазгия. Мы разбили их лагерь и сидим на троне царя, но Скепарна не в наших руках, и мы не знаем, что он замышляет. И твой триумф из колеб с головами поверженных может плохо закончиться, если судьба улыбнется нашему главному противнику.

– Командир, я устраню эту угрозу, если буду уверен, что ты, мой начальник, убедишь императора назначить меня правителем Абазгии.

– Абазг, ты безумец, ты просишь невозможное.

– Отнюдь нет, я готов претерпеть смертельную опасность, чтобы убить нашего общего врага – царя Скепарну. И если счастье улыбнется мне и вернусь победителем, разве не вправе претендовать на его место? Посуди сам: своей личной отвагой и мужеством я избавлю нас всех от грозного врага без всякого ущерба для твоего войска и казны императора. Победивший царя достоин трона. Моя просьба вполне согласуется с древнейшей традицией, бытующей у всех народов.

– Я слуга самодержца, военачальник, побеждавший в бою вождей, покорявший целые народы, бравший в плен царей и правителей. И делал это из побуждений доблести, как и положено воину. В твоих речах я вижу иной смысл. Попробуй свое счастье, я обещаю доложить командующему Бесса о твоих заслугах перед Римом и желании быть правителем. Если будет благословение Господа Бога – твоя мечта осуществится.

– Аминь, – перекрестился Хмыч и удалился.

Иоанн остался на месте, размышляя об этой неприветливой стране. Побежденные абазги не думали признавать его своим господином. Вернувшийся из Севастополиса ромейский отряд доложил, что жители абазгских селений ушли в горы со своим имуществом, такое же донесение прибыло с запада. Утром следующего дня под началом Улиага по предгорной дороге отправился отряд. Вскоре он вернулся, наткнувшись на большой завал и попав в нештучную переделку. По всему было видно, что абазги не покорились – ждут возвращения своего царя. Все это тревожило военачальника, у которого уцелела половина войска. Иоанн не верил в успех Хмыча, заключенный с ним договор раздражал самолюбие воина.

Военачальник решительно вышел к своим подчиненным и приказал готовиться к срочному отплытию.

– Ты, Улиаг, отвезешь живой товар в Византий, доложишь командующему о наших успехах и попросишь войско в подкрепление и провианта про запас. Похоже, нас ждут нелегкие времена.

– Ты, Одонис, должен укрепить Анакопию доступными средствами, установить дозоры. Без моего приказа не покидайте крепость ни на шаг.

Под покровом темноты в разгромленный лагерь тайно спустились абазы, чтобы выкрасть тела своих братьев. Испуганные шакалы завывали, словно абазские женщины над покойником. Перепуганные римляне высыпали во двор цитадели. Иоанн успокоил своих воинов, объяснив, что это нечеловеческие крики. Однако сам впал в глубокую тоску, вслушиваясь в нескончаемый душераздирающий вой падальщиков. Для себя он решил, что утром отдаст приказ собрать трупы и сжечь, чтобы прекратить нашествие нечистых животных и предотвратить возможность страшной эпидемии.

Абазы навьючивали на лошадей по два трупа и увозили их мимо Анухи в безопасную ложину реки Лашпсы. Возглавлял эту компанию Жи Сит, старый анухский кузнец, чудом оставшийся в живых. После первой ходки стало ясно, что если не увеличить численность отряда, до утра забрать все трупы им не успеть. Из-за дальности расстояния лошади и люди выбивались из сил, стараясь успеть сделать по два прохода. Когда абазы добрались до лобного места, утыканного шестами, начинала расступаться темнота.

Неожиданно Сит воскликнул:

– Смотрите, ведь это Щаца, жена Куда, – он дотронулся до нее, женщина зашевелилась.

– Так она живая, подойдите сюда, – кузнец продолжал удивляться. Подоспевшие абазы поставили женщину на ноги. Она оглядела их безумным взглядом, судорожно сжимая в руках, словно ларец с богатствами, что-то безобразное. Жи Сит обратился к женщине:

– Да пошлет тебе Бог достойной старости, очнись? – кузнец подождал немного и потянулся к предмету в ее руках. Женщина покорно уступила и разжала ладони. В руки старика скатилась детская голова. Старик дрогнул, стоявшие поблизости ахнули, узнав лицо младшего внука славного Урыма.

– Да падут проклятия земные и небесные на головы сотворивших такое, – воскликнули абазы, воздев руки к небесам.

– Посмотрите, на этих шестах насажены и другие головы, – заметил кто-то и обратился к своим братьям. Теперь все поняли, что стоят перед жертвенным алтарем, устроенном жестоким победителем из голов их братьев. Будто по команде абазы ринулись ломать шесты и бережно собирать обезображенные головы.

– Усадите ее на лошадь, она не может идти, – приказал Сит на правах старшего, – и поспешим отсюда, скоро рассвет. Абазы безмолвно собрались и вышли из лагеря.

Спустя несколько часов в Трахею въехал похоронный отряд римлян. Оставшиеся трупы они уложили на деревянные руины крепостных сооружений и подожгли. Так была погребена Трахея.

Под командованием Улигага груженные пленниками и награбленным добром римские галеры вышли в море.

Уже на третий день персидская почта оповестила шахский дворец о гибели Трахеи. Скепарна – царь абазов – в глубокой скорби покинул Персию, так и не встретившись с шахиншахом. Путь домой предвещал много опасностей. Апсха понимал, что в пределах византийского влияния будут устроены кордоны на его пути. Римляне поступили рассудительно, выставив заставы на второстепенных дорогах, предполагая, что Скепарна не рискнет ехать по главному пути, соединяющему Иверию, Лазику и Апсилию. А он поступил безрассудно.словно заговоренный, обходил он устроенные против него ловушки. Несколько ночей небольшой отряд скакал на сменных лошадях, внушая случайным прохожим уважение, а кому-то и страх. В черном плаще и лицом, закутанным в ахтырпа, он не отличался от обычного проезжего, если бы не царская осанка и решительность поступи и взгляда.

В Апсилии Скепарна остановился, чтобы отдохнуть и выбрать путь в Абазию.

Посоветовавшись, всадники направились в сторону Цибилиума, чтобы ночью, обойдя крепость стороной, коротким путем через перевал Аданга выйти в земли Псху дадала. Там Скепарна надеялся сплотить абазов в кулак и направить карающий меч на захватчиков. Там же, как он предполагал, скрывались его мать, родственники и единомышленники, избежавшие гибели и изгнанные с родных земель.

НА ЧУЖБИНЕ

Уже несколько дней Аpsит находился в дурном настроении. Мария допытывалась узнать причину его состояния. Аpsит отмалчивался, усиливая тревоги девушки. На самом же деле юноша не знал, что объяснять. Не рассказывать же про страшный сон, будто дед Урым загнал своих родственников в деревянное жилище и поджег, а сам наслаждался душераздирающими криками горевших заживо. Среди них был младший брат, отец, дядя и любимая нана. Еще тлели угли пожарища, когда неизвестно откуда взявшийся раб Копт убивает копьём деда Урыма и снимает с него голову, насаживает ее на кол и направляется с ней к Священной Аныхе, чтобы засвидетельствовать перед ней отомщенное преступление. А там, на Священной поляне у жертвенного алтаря, сидит огромный лев, не подпускающий Копта. Но раб не намерен сдаваться, он решает прибегнуть к силе, чтобы исполнить задуманное. Теперь он, словно охотник с копьём наперевес, выбирает удобное место для броска. Лев почуял опасность, но без тени страха смеется над Коптом и человеческим голосом заявляет:

– Я пощажу тебя, если ты выполнишь мое условие: сложи оружие и отдай мне голову.

Копт непреклонен. Тогда лев подымает жезл жреца и ударяет им в землю у алтаря. Из рук раба выпадает копьё, и он падает на колени, оплакивая свою участь. Лев подходит к безоружному Копту, отбирает у него голову Урыма и легко ее проглатывает. Затем приказывает Копту признать его своим новым хозяином. Изумленный Копт соглашается быть рабом зверя, только что проглотившего целую голову.

Аpsит проснулся среди ночи взволнованный, весь в поту, прокрутил в памяти увиденный сон и вышел на улицу подавленный. С этого времени он потерял сон и аппетит, его рассудок как бы помутился, он ходил по двору и бредил, словно в лихорадке. Хорошо знавшие Аpsита домочадцы испугались за парня. Феофан отправил за лекарем, который объяснил состояние Аpsита переутомлением и прописал опиумные капли. Наконец Аpsит отключился и спал сутки без пробуждения.

Утром у калитки дома появился Стефаний и окликнул хозяина. Его не оказалось дома – рано уехал на службу. Тогда гость попросил позвать Аpsита, который все еще спал тяжелым сном. Слуги провели Стефания в спальню, поведав ему о странном происшествии с абазгом. Еще больше опечалился гость. Он принялся будить юношу, на что потратил немало сил и времени. Аpsит с трудом проснулся и радостно улыбнулся Стефанию.

– Как я рад тебя видеть, ты прибыл из Абазгии? Рассказывай, как там дела, – оживился Аpsит. Гость медлил с ответом, еще больше распаляя нетерпение молодости.

– Да, Аpsит, я прибыл из Абазгии несколько недель назад с караваном из трех галер. Извини, что не зашел к тебе, дел навалилось невпроворот. Вот я, наконец, вырвался.

– Ты как будто не рад или огорчен, – Аpsит искал глаза собеседника, обычно излучавшие тепло и доброту. – Стефаний, если что случилось – не темни, выкладывай, – юноша вспомнил ужасный сон и затревожился.

– Аpsит, Скепарна снарядил меня в путь, а сам на другой галере отправился к персидскому шаху, чтобы добиться возвращения абазгских мальчиков и заключения соглашения с Персией. Наверняка, об этом прослышали римляне и ударили по Абазгии.

Аpsит порывисто встал и затрясся.

– Анакопия пала, пали ее защитники в неравной схватке. Лагеря, который с таким трудом выстроил Скепарна, больше нет, как, впрочем, и много другого.

– Что стало с моими близкими?

– Более я ничего не знаю, если поторопимся, мы сможем узнать страшные подробности происшедшего из уст очевидцев.

– Каким образом?

– Из достоверных источников мне известно, что в порту стоят галеры с пленными абазгами, среди них много женщин и детей, возможно, их выгрузят на сушу.

– Но зачем они их привезли сюда, в Константинополь?

– Золото – венец всех подобных кампаний, Аpsит. Когда Юстиниану доложили о живом трофее и предложили устроить триумфальное шествие победителей вместе с поверженными, он пришел в дикую ярость, посчитав недостойным его величию продемонстрировать побежденных женщин и малолетних детей. Так и есть – это недостойно христианского правителя. Скорее всего, их скрытно, чтобы не быть обвиненными в варварских привычках, продадут в рабство, а вырученные деньги поделят меж собой.

– Так чего мы ждем?! – юноша выбежал из комнаты, увлекая Стефания. – Может там есть кто из моих!

Мужчины быстро пошли по улице в сторону причала.

– Стефаний, но у меня нет денег, как мы сможем им помочь?

– Деньги есть у меня. Я по поручению Скепарны удачно продал товары и собирался плыть в Абазгию. Думаю, эти деньги теперь не помогут Абазгии, зато мы сможем спасти хоть некоторых из этих несчастных. Кроме того, мы можем продать царские галеры и дополнительно выручить немалые средства.

– Что скажет Скепарна? Ведь это его галеры?

– Анакопия пала, пала Абазгия, потерявшему царство скипетр ни к чему.

– Это сейчас так, но я верю, что все вскоре переменится, и тогда...

– Аpsит, не мечтай, где империи готов и вандалов? Полвека бьются персы и римляне с переменным успехом, а вы размечтались о свободной Абазгии...

Собеседники замолчали, размышляя каждый по-своему. Их мысли нарушил грубый голос вооруженного человека:

– Стойте, дальше нет пути, проход к причалу закрыт, – сказал охранник, перекрывая им путь.

– Я сын патриция Захария, – заявил, не растерявшись Стефаний, протянул руку, демонстрируя перстень-печать на указательном пальце, – и здесь я выполняю особое поручение.

– А он? – смягчил свой тон охранник и указал на Аpsита.

– Этот юноша – мой слуга и помощник, проводи-ка нас лучше к своему начальнику, – Стефаний опустил в руку охранника милиарисий.¹ Тот одобрительно кивнул и пошел к галере.

Аpsит никогда не видел вблизи больших судов с несколькими ярусами. Из трюма тянуло зловонием, оттуда же доходили человеческие голоса, каждый из которых казался ему до боли родным. У юноши от волнения закружилась голова, он ухватился за какой-то предмет на палубе и закрыл глаза. Стефаний подождал, пока Аpsиту не станет лучше...

Проводник завел их в каюту на верхней палубе. Там сидел подвыпивший начальник, смотревший на какие-то записи.

– Я же приказал, чтобы меня не тревожили, – не подымая голову, прохрипел он.

– Да, но тут важный человек со своим слугой, я подумал, что он может быть тебе полезным, – ответил охранник, намекая на возможную выгоду.

– Ладно, иди на пост, – велел начальник и пригляделся к гостям.

– Что привело вас ко мне, страсть к деньгам или к приключениям? – заговорил нагловатый римлянин. Стефаний подождал пока уйдет охранник.

– Видишь ли, я человек богатый и деньги не согревают мою душу. Другое дело, необычные знакомства и любопытные приключения. Я давно слышал, что есть такая страна Абазгия, в которой живет народ редкой красоты и стати. Говорят, особенно прелестны их юноши.

– Что мне до этого? – выпучил глазища начальник.

– Я осведомлен, что в трюмах этих галер находятся невольники из той страны. Окажи любезность, которую я оплачу, покажи мне их.

Начальник колебался, он был удивлен нелепостью просьбы, за которую еще готовы платить деньги.

– С виду ты человек достойный, из аристократического общества, зачем тебе смотреть на этих несчастных, измученных и провонявших в трюме.

– Рассуждения на эту тему нам ни к чему, выполни мою просьбу, – Стефаний протянул несколько серебряных монет. Начальник опешил, но взял монеты и, бурча что-то под нос, начал спускаться вниз, увлекая за собой странных посетителей. Они пробирались на ощупь, задыхаясь от тяжелого воздуха и страшной вони.

¹Римская серебряная монета (позднелат. miliarisium, от лат. miliaris – тысячный).

– Мы пришли, – остановился начальник, – дальше идите сами, если еще не передумали, – он оправдательно развел руками, немного подождет и пошел наружу, к воздуху.

Стефаний и Аpsит неподвижно стояли, стараясь привыкнуть к слабому освещению. В разных местах трюма зашевелились люди.

– Я абаза, – с трудом находя слова, вымолвил Аpsит, – я внук Ануха дадала.

Он пригляделся к лицам, надеясь узнать кого-нибудь. Слова Аpsита были переданы в другой конец трюма

– Нан, мы знали такого человека, он остался там, – взмахнула рукой женщина, показывая на известные ей обстоятельства. В дальнем углу трюма зашевелилась большая мужская фигура. Человек медленно приближался, осторожно протискиваясь сквозь плотные ряды людей.

– Аpsит, это я – Копт, – как гром среди ясного неба прозвучал знакомый голос.

У юноши перехватило в горле, он пошатнулся, но удержался на ногах. К нему приближался раб, теперь такой близкий и дорогой человек... Они слились в объятиях.

– Ты должен поведать нам обо всем, что тебе известно, что с Анухой, что с Анакопой?

– Мой рассказ будет краток, хозяин, нет Анухи, нет Священной Роши, твоей семьи тоже нет. Все мужчины убиты римлянами и обезглавлены, даже маленький Алым не избежал этой участи. Только средний брат, которого отдали в Персию в числе шестидесяти, должен быть в живых.

– Где моя нана, что с ней?

– Когда меня пленили римляне, она была жива, но потеряла рассудок от горя. С нами ее нет. Больше я ничего не знаю.

– Мы должны его забрать, – сдерживая рыдания, проговорил Аpsит и направился к выходу.

– Копт, мы вернемся за тобой, не удайся, – сказал Стефаний и поспешил к выходу для переговоров с начальником. Тот сидел в каюте, обнимая ладонями кубышку с вином. Стефаний положил на стол золотой. Начальник поднял глаза и спросил.

– Что тебе надо взамен?

– Мне нужен твой пленник.

– Я головой в ответе за каждого из них, – говоривший взглянул на монету и ухмыльнувшись, добавил: – если подкинешь еще одну, скажу, что он умер в пути и его тело съели акулы.

– Я добавлю, но мы скоро увидимся вновь, надеюсь, к тому времени ты будешь сговорчивей, потому что я принесу с собой много золотых.

– Пантелеймон, зови нашего раба наверх, мы уходим, – велел Аpsиту Стефаний и бросил на стол еще одну монету.

Трое мужчин сошли с галеры и направились к дому Стефания.

Аpsит всю дорогу молчал, поглощенный свалившимся на него горем. Зато Копт не умолкал, не утруждая товарищей лишними расспросами, рассказывал обо всем в мельчайших подробностях.

– Предполагаю, что вы меня забрали из милосердия, – рассуждал Копт, – но милосерднее было убить меня, потому что я давно умер, потеряв семью и племя. Второй раз я умер, когда потерял новую родину и близких мне людей. Где бы я не оказался, приходят римляне и уничтожают то, что дорого моему сердцу. Теперь я мечтаю любыми путями вернуться в пустыню, в наш оазис, чтобы принять естественную смерть.

– Я помогу тебе, но и ты должен помочь нам в последний раз – ответил Стефаний и посмотрел на Аpsита. А тот будто не слышал их диалога и запоздало кивнул головой, одобряя соглашение.

– Конечно, хозяин, чем я смогу отблагодарить вашу заботу?

– Ты говорил, что вас держали несколько дней на берегу, прежде чем погрузить на галеры, в таком случае должен был видеть остальных пленников. Опиши их – кто они и откуда.

– Много женщин и детей, несколько сот теперь уже бывших рабов абазгов. В основном это мирные жители лагеря, каким-то образом уцелевшие от огня и жители Анухи, Псырты, Иашкыт и Цекварты. Из анухцев много из клана Рисмага, до 30 мальчиков и столько же девочек. Бедные женщины ждали своих мужей и не ушли из селения, уверенные в своей защите. Однако судьба разлучила их навсегда. Мужчины погибли и отправились к праотцам, а женам еще немало придется поскитаться по свету, прежде чем их души воссоединятся.

– Куда римляне везут живой товар, что слышно об этом на галерах?

– Вначале нам сказали, что плывем в Константинополь, чтобы похвалиться перед императором многочисленным трофеем. Потом прошел слух, что Юстиниан запретил высаживать нас на берег и приказал увезти в другом направлении, чтобы там продать в рабство.

– Если это правда, у нас, Аpsит, мало времени (юноша вздрогнул, услышав свое имя). Мы сможем спасти хотя бы сотню из них. Тебе решать, кто они будут. Ты, Копт, останешься у меня. Нам надо поспешить обратно в порт.

– Ты думаешь, они ослушаются Юстиниана и отдадут пленников?

– Конечно, зачем им тратить дополнительные средства на транспорт и питание сотен пленных, а потом, они не выручат тех денег, что им предложим мы.

– Куда и как мы проведем сотню измученных и оборванных людей, не вызвав сплетен и подозрений горожан?

– Я все продумал, Аpsит, мы подплывем на моей галере и перегрузим людей на нее. Они могут какое-то время жить там, пока не решится их дальнейшая судьба. Стефаний отдал приказ двум своим слугам. Один поспешил к начальнику галеры в порт, другой – в конюшни седлать коней. Грек и абазг поднялись в седла и поспешили обратно к причалу. Под хляндой Стефания на ремне висел кожаный мешочек с золотыми.

– А, это опять вы, – с трудом выговорил охмелевший вконец начальник галеры. – И что на этот раз вам понадобилось?

– Нам нужны твои рабы, много рабов, взамен мы оставим тебе золото.

– Этот вопрос не ко мне, – перепугался начальник. – Про ту сделку вы должны молчать, не дай бог, кто проговорится.

– Мы не намерены раскрывать тайну, но и ты должен быть посговорчивей.

– Что в моих силах? Я простой страж обреченных. Обратитесь к Улигагу – он здесь командует над всеми.

– Где его можно отыскать?

– Этого никто не знает. Утром вчерашнего дня он поехал в город и не возвращался. Да и что ему здесь делать. На всех галерах никого нет, кроме охранников – все на берегу наслаждаются жизнью.

Стефания не удовлетворил ответ, они сошли с галеры посоветоваться. Оставаться здесь и ждать Улигага не имело смысла. Он мог вообще не появиться.

– Стефаний, мы не можем бездействовать. Что, если я обращусь к Феофану или Ефрата, что еще вернее...

– Ладно, поговорим с Феофаном и послушаем его совета.

Они остановились на том и поспешили верхом домой к Апситу.

Феофан расхаживал по двору, о чем-то напряженно размышляя, когда топот копыт у ворот известил его о гостях. Он пригляделся и узнал во всадниках Стефания и Апсита. Но лицо его не просветлело. Не дожидаясь слуг, Феофан подошел и отворил ворота, и когда всадники въехали во двор, опять же их запер. Оплывавшие слуги подбежали и помогли всадникам спешиться. Попечитель, смахнув слезу, подошел к Апситу первым и, потечески заключив в объятия, промолвил:

– Сынок, я скорблю вместе с тобой, будь мужественным.

Юноша спрятал свое лицо на плече попечителя и, растроганный, беззвучно зарыдал. По лицу Феофана текли слезы, они падали на спину Апсита, отогревая безутешного юношу. Стефаний отошел в сторону, пряча свое горе.

– Феофан, мы решили помочь пленникам из Абазгии и пришли к тебе за советом. У нас есть кентинарий абазгского царя, этих денег хватит, чтобы купить сотню из них, однако без согласия высоких чиновников осуществить наш план, сам понимаешь, затруднительно, – перешел к делу Стефаний.

– Чиновники так алчны, что задобрить их обойдется дорого. Может, лучше выйти на командира Улигага и торговаться напрямую.

– Хорошая мысль, но я не дружу с военным ведомством...

– Зато я хорошо знаком с одним из них, через Апсита мы еще больше сблизимся. Это Марк – отец того самого Германа, семинариста-задиры.

– Почему я сразу не вспомнил, – воскликнул Апсит, – может, сходить мне к Ефрата, среди пленных и его родные, которых он никогда в жизни и не видел.

– Сделаем так: я поспешу к Марку, ты, Апсит, отправишься к Ефрата. Стефаний подождет нас здесь. Вернемся, тогда и обсудим дальнейшие действия.

– Забери моего коня, Феофан, так будет быстрее, – предложил Стефаний, согласившись остаться дома. Апсит и Феофан тут же выехали со двора, Стефаний вошел в дом, где ему пришлось утешать заплаканную Марию.

Апсит подъехал к заднему входу палатина в надежде, что оттуда легче попасть внутрь. Он долго стучал в закованные двери, но никакого ответа изнутри не последовало. Отчаявшись в успехе задуманного предприятия, Апсит встал перед главным фасадом и принялся изучать похожие друг на друга окна дворца, пытаясь угадать палаты Ефрата. Вскоре к нему подошли двое стражников и приказали убираться.

– Вы не можете гнать меня, словно какого-то раба, – разгневался юноша, – я доверенный человек спальничего Ефрата, мне необходимо с ним встретиться.

– Ты не первый и не последний, тут каждый друг или родственник какого-нибудь сановника, – рассмеялись охранники ему в лицо, – убирайся быстрее, пока в темницу не угодил!

– Вы не посмеете меня удерживать, я говорил с самим императором в этом дворце, – заупрямился Апсит.

– Этот парень не в себе, – захохотали охранники, – давай заберем его, пусть повеселит нас, еще длинная ночь впереди, – переговаривались они, захлебываясь со смеху.

– Вы что, безмозглые, возомнили?! Вас наделили властью для охраны порядка – вот и охраняйте. Почему я – честный человек – должен выслушивать от вас оскорбления? А я ведь могу пожаловаться. Уж тогда увидим, кто над кем будет посмеиваться.

– Так он еще и сердит, а ну хватай его и в темницу...

Апсит вскочил в седло и принялся хлестать охранников нагайкой. В ушах Апсита стучала кровь, после короткой паузы обида вновь вспыхнула в нем, он почувствовал, что теряет самообладание.

Охранники обнажили мечи и с шумом ринулись на всадника. Несуточная потасовка завязалась у парадного входа в императорский дворец. Со скрипом открылись ставни, из которых высунулись головы любопытных сановников. На помощь охранникам выбежал отряд, возглавляемый начальником. Парня ждала недобрая участь, однако к свалке подошел невзрачный человек в монашеском одеянии, при виде которого все замерли.

– Поставьте его коня к привязи, – произнес монах. – А ты пойдешь со мной, – обратился он к Апситу. Юноша не посмел послушаться человека, чей вид внушил охране беспрекословное подчинение. Он добровольно отдал коня и последовал за ним во дворец.

– Какие новости или дела произошли на свете, что ты так настойчиво рвался во дворец? – первым делом спросил Ефрата у юноши.

– В другое время я начал бы свой рассказ с добрых вестей, но Господь Бог покусился... Недавно я узнал, что потерял близких и остался сиротой на этом свете.

– Да спасет Господь Бог их души и тебя, Апсит, не лишит своего благословения, – смягчился Ефрата.

– Воины василевса захватили в плен несколько тысяч абазгских женщин и детей в окрестностях Анакопии, теперь эти люди умирают от голода в трюмах галер, причаливших к Константинопольскому берегу. Среди них несколько десятков из клана Рисмага – твоего клана, Ефрата, которые, как и все остальные, будут проданы в рабство на невольничьих рынках.

– Что я должен сделать для этих безбожников, пусть даже моих родственников? – гневно воскликнул Ефрата.

Апсит с огорчением вспомнил, что его собеседник уже давно не абаз...

– Как поступил бы Бог на нашем месте? Ведь его милости нет границ, и за ошибки отцов дети не в ответе. Он простил бы этих несчастных и вернул бы им хотя бы родину, – не отступался Апсит.

– Неужели ты думаешь, что Бог только прощает и не умеет наказывать? Случилось то, что Ему угодно, иначе он даровал бы язычникам победу, и тогда рабами стали бы пленные римляне, а не абазги со своими детьми.

– Верно, но этих людей можно легко просветить, доказать на деле величие христианской веры, даруя им свободу. Они с легкостью примут Христа и станут твоими верными союзниками.

– Разве только из страха перед гибелью они переметнутся в христианство, это еще худшее лицемерие.

– Далеко не так, хоть они и малы, а рассудительны. Вместе с их отцами и абазгские боги решительно проиграли в последней кампании, не сумев спасти ни народ, ни правителей, ни древние святыни. Это очевидное обстоятельство их может склонить к принятию более могущественного Бога, и веры Христовой. Если к этому позднее прибавить немного просвещения, они станут самыми ярыми заступниками христианства. Их рассказы по возвращении домой скорее приблизят абазгов к новой вере, чем угроза рабства или гибели. Если же этих людей христоролюбивые римляне продадут в рабство по древнему варварскому обычаю, их путь к Богу станет непредсказуемым, – красноречиво убеждал Апсит, мечтавший о спасении хоть некоторых из этих несчастных. Искреннее слово расшевелило душу императорского слуги, который более всего боялся встретиться со своими родственниками с глазу на глаз.

– Ефрата, я берусь организовать это дело, не вовлекая тебя публично. Нам надо только заручиться согласием василевса или его приближенных, уговорить Улигага продать нам пленников здесь, в Константинополе. Если по каким-то причинам ты не сможешь пожертвовать золото на спасение наших братьев, покровительствуй нашим намерениям из палатина. Здесь есть некоторые друзья из римлян, готовые пожертвовать кентинарий для выкупа абазгов.

– Кентинарий? Это большие деньги, кто они?

– Стефаний, сын Захария, и мой попечитель Феофан. Они знают, что я отправился во дворец. Если ты станешь нашим союзником – мы будем вместе.

– Подумаю, – сказал Ефрата и устыдился своих слов. Теперь думать-то некогда, надо спасать их во имя Христа и обращать в христианство. – Я пойду с тобой, где вы встречаетесь?

– У моего попечителя дома.

– Подожди меня, – сказал Ефрата и вышел переодеться.

Двое всадников на горячих конях скакали по улицам города. Со стороны можно было подумать, что старшего в монашеских одеждах иерея сопровождает молодой слуга.

К дому Феофана подъехали несколько всадников, готовых оказать помощь в благодарность за оказанные им в прошлом услуги. Это были облеченные властью ромеи. В их окружении оказались Апсит и Ефрата. Последний заметно укрепился в своем решении, увидев собравшихся.

– Наше представительное собрание, – Марк указал жестом на присутствовавших, – способно разрешить это дело, не вовлекая более никого. Я отдал поручение разыскать Улигага, и как только он объявится, мы с ним договоримся о цене. Думаю, со мной он будет сговорчивее.

– Этих несчастных надо будет где-то разместить, прежде чем нам удастся тайно отправить их домой в Абазгию, – добавил Феофан.

– Вы предполагаете, что нам удастся отправить несколько галер в Абазгию тайно? Это когда ее берега защищает наш флот, а в самой Абазгии стоят наши войска? Должны ли мы утаивать от нашего отца – Юстиниана – свои намерения? И потом, вы не подумали, что люди, которых мы возвратим, окрепнут и вновь поднимут оружие против нашего могущества? – возмутился Ефрата.

– Что ты думаешь предложить? – заинтересовался Феофан.

– Наши намерения не должны быть тайными и вредными нам. Я думаю, этих людей надо просветить и приобщить к христианству при благословении василевса, а не скрытно. Мы знаем, насколько он ревностный защитник православия и борец со всякой ересью. Такую возможность прославить и приумножить христианство он захочет претворить в жизнь, чем прославится еще более. Когда они приобщатся к благочестию, мы отправим их домой для того, чтобы семена христианства с их помощью проросли там еще быстрее. Это залог их будущей верности римлянам.

– Благочестивый Ефрата, твои слова пронизаны государственной мудростью, – заговорил Феофан, – однако меня тревожит опасение, что обсуждение вопроса с василевсом затянется, и галеры с людьми уйдут к новому месту назначения. Согласование на высоком уровне может оказаться безрезультатным, потому как василевс не любит менять свои решения. Судьба нескольких тысяч варваров может и не удостоиться его внимания.

– Напротив, Юстиниан милосерден, – ромеи переглянулись удивленно. – Вы увидите, как по-отечески отнесется он к этим варварам, сколько заботы и участия проявит он к их судьбам, – горячо убеждал собеседников Ефрата. – Он может настолько проникнуться к ним, что освободит их без всякого выкупа с нашей стороны.

Марк скрытно улыбнулся, Стефаний отвернулся в сторону, Феофан улучил минутку и вышел из комнаты, Аpsит сумел не выдать замешательства и сожаления, что вовлек Ефрата в это предприятие.

– Все на свете, только не последнее.

– Я тоже так думаю.

– И я.

Теперь Ефрата остался со своим мнением в одиночестве.

– Для начала надо задержать на несколько дней отплытие галер, тогда и мы спокойно придем к общему решению. Я составлю письмо, скрепленное печатью, на имя Улигага с приказом оставаться на месте до следующего сообщения, – внес свое предложение Марк. – Тем временем, Ефрата, постарайся склонить василевса не препятствовать нам. Так будет легче обставить дело, когда не будет помехи сверху.

– Важно, что мы сделаем полезное для империи дело, – вставил слово довольный собой Ефрата.

– Идет, только свои пожертвования мы должны оставить здесь у Феофана, – предложил Стефаний. – Надеюсь, возражений не будет. – Он первый выложил на стол сто номисм и сдал их Феофану. Марк добавил двадцать золотых, Феофан еще двадцать. Последним выложил свои сбережения Ефрата, тридцать золотых – нажитое за долгие годы безупречной службы, еще двадцать монет пожертвовали другие друзья Феофана.

– Сто девяносто монет – это немало даже для такого серьезного дела, да благословит нас Иисус Христос.

– Аминь, аминь, аминь, – поддержали присутствующие и разошлись для выполнения принятых обязательств. Аpsит не остался в доме попечителя и поехал со Стефанием к нему домой.

За долгие годы правления Юстиниана в империи происходили заметные перемены. Византия вернула земли в Ливии, когда-то захваченные вандалами. Готы, правившие долгие годы в Римской империи были разбиты и оттеснены на север. Волны нашествий кочевников иногда докатывались до длинных стен, но благополучно отбрасывались за пределы страны. Борьба с язычниками и еретиками была почти завершена. Благодаря покровительству высшей власти ортодоксия окончательно победила, привнеся в общество новую мораль, подкрепленную сводом законов Юстиниана. Граждане страны расплачивались своей свободой и правами во имя величия и безопасности империи. Мало кто из приближенных василевса долго удерживался у власти, становясь жертвой интриг и мнительности самодержца. Потеряв горячо любимую жену Феодору, Юстиниан еще больше ожесточился и посвятил себя служению Богу. Окружение василевса боялось, не любило его. То же самое можно сказать и обо всем народе, проклинавшем своего правителя за многие беды и процветающую повсюду несправедливость.

Ефрата дождался окончания вечерней молитвы и робко постучался в двери покоев Юстиниана. Василевс был не один, последнее время он не отпускал от себя монаха-пустынника, который сделался его духовником и советником.

– Ефрата, заходи, спаси тебя Господи, – перекрестился он, показывая доброе расположение к посетителю.

– Спаси тебя Господи Иисусе, господин и отец мой, – перекрестился Ефрата и приложился губами к ладони самодержца.

– Что привело тебя, не томись, выкладывай? – миролюбиво предложил Юстиниан.

– Самодержец, Кесарь, Благочестивый победитель, Трофееносный, Величайший и Присночтимый, слава Господу нашему, благословившему тебя на победу над язычниками. Сперва наше воинство выбило персов из города Петра, некогда построенного Юстином в Лазике, затем победа над отпавшими абазгами украсила твой венец.

– Добрые вести с Понта Эвксинского¹ еще больше укрепили дух христианского воинства. Надеюсь, персы уберутся наконец в свои земли, и установится мир на долгие годы, – перебил слугу господин.

– Отец наш, твои военачальники привезли пленных абазгов, в числе которых женщин и детей более всего. Судьба их жестоко наказала, отняв отцов и родной очаг. Я подумал: не божественное провидение ли привело этих варваров в наши руки для того, чтобы в их грубые сердца проникло семя истинной веры и взрастилось нами через правильное духовное воспитание. Теперь они меньше всего подвержены влиянию своих жрецов, и проявленное к их судьбе участие сделает то, к чему не принудить их силой оружия. Милосердие, завещанное нам по писанию Святыми Отцами, проявляемое победителями к побежденным, более всего способно склонить их к правильной вере. Если к тому добавить духовное просвещение, эти люди станут ревностными защитниками и проповедниками среди своих соплеменников в Абазгии.

– Твои речи, Ефрата, благочестивы, – император оглянулся на монаха, тот удовлетворительно кивнул головой. – Ты достоин награды за ревностную службу.

– Если кто-либо и заслуживает награды, так это абазгский юноша – Аpsит. Для меня эти суждения слишком смелы. Я сам проникся его рассуждениями и решил прийти к тебе, мой господин, просить твоего высочайшего благословения. Этот юноша с единомышленниками собрали огромную сумму для выкупа. Моя миссия всего лишь в том, чтобы просить твоего – наш благочестивый и милосердный отец – покровительства.

Юстиниан не спешил отвечать. «А ведь на самом деле смелое решение, – подумал он, – и затрат никаких с нашей стороны: не буду спешить с ответом, надо все хорошенько разведать».

– Твое предложение разумно, такие дела не делаются наспех, завтра получишь ответ. Так сколько же денег они собрали?

– Сто девяносто номисм, мой господин.

– Для любого другого дела сумма не малая, но всех рабов им не купить.

¹Древнегреческое название Чёрного моря, переводится как Гостеприимное море.

- И то верно, но хотя бы несколько сот душ.
- И где они будут жить в таком количестве?
- Пока не знаю, скорее всего, в Константинополе или за городом в поместье, – смутился Ефрата.
- Вы предполагаете их просветить и немногим позднее вернуть домой в Абазгию?!

Ефрата промолчал, не рискуя навлечь на себя гнев господина. Юстиниан протянул руку, как бы указывая на дверь; раб поцеловал ее и направился к выходу. Долгое время он потом не мог заснуть. Перепуганный собственной дерзостью, долго молился перед ликом Иисуса за спасение своего бренного тела и души.

ПРОКЛЯТИЕ МАТЕРИ

Слух о возвращении царя опередил его появление в Абазии. Уже в Анакопе и отдаленных концах страны люди знали, что Скепарна возвращается. С виду ничего не поменялось, тот же цветущий покров буйной растительности и сцены любовных баталий весенней природы.

Иоанн ходил по цитадели, словно хищник, вглядываясь в горизонт, напрягая все человеческие чувства, дарованные свыше. Ничего вокруг не предвещало угрозы, только седьмое чувство лишило полководца спокойствия и сна.

Абазы стихийно собирались вокруг своих предводителей и готовились к сборам. Спасшиеся от гибели и рабства, они мечтали об одном – стать под царские знамена, чтобы смыть с себя позор и скинуть римское иго. Первый сокрушающий удар мести приняли на себя небольшие общины ромеев-переселенцев, традиционно раскинутые вдоль побережья моря. Эти ремесленные и торговые фактории были сожжены и ограблены, а их население взято в плен. Немногие спасшиеся спешили в крепость под защиту ромейского войска, которое само оказалось в блокаде. Разрозненные группы абазов устраивали засады у самых стен цитадели, убивали и захватывали зазевавшихся римлян. Ранним утром Иоанн приказал выйти в боевом порядке большим отрядом, чтобы рассеять врага, строившего завалы на дороге из крепости к морю. Абазы подпустили римлян как можно близко, забросали стрелами и скрылись в ущелье на быстрых конях. Обе стороны не понесли значительного урона, однако римляне до самых сумерек разбирали завалы, предусмотрительно выставив охрану. Наученные горьким опытом, абазы не вступали в контактный бой с лучшей в мире пехотой.

Возвращавшегося царя встретил отряд Псху дадала, охранявший переход через перевал. Среди них был сын дадала, двоюродный брат царя. Это были первые абазы на долгом пути из Персии, столь долгожданная встреча, что переживаемая скорбь на какое-то время оттеснилась новыми надеждами. После короткого привала все вместе двинули вниз к долине Бзы, где в крепости располагались основные силы Пыса и немногие бежавшие из Анакопы. Трепетавший на ветру красный стяг царя вдохновлял другие сторожевые отряды, следившие за передвижениями по горным дорогам. Как обычно в таких случаях, вестовые выехали раньше, и от поста к посту понеслась добрая весть. Воины гарнизона вышли из крепости в полном боевом порядке, чтобы вновь присягнуть Апсхе. Они выстроились в глубокую шеренгу и замерли, поглощенные важностью предстоящей встречи. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что эти фигуры высечены из камня, настолько неподвижны и суровы были их лица, ветер-забава играл их плащами и гривами коней, слегка оживляя застывшее зрелище.

Поступь царского отряда послышалась совсем близко. Псху дадал пристал в седле, бесшумно привстали и другие военачальники, а вслед за ними и воины. Скепарна резко остановил коня, тот встал на дыбы, но подчинился приказу. Царь отпустил поводья и поднял левую руку в знак приветствия, держась правой за рукоять меча. Воины повторили за ним – долгожданная встреча прошла безмолвно. Апсха вглядывался в лица, но не видел дорогих сердцу верных людей. Помрачневший, он направился к крепости, за ним последовали военачальники. Во дворе резвились любопытные детишки. Абазские женщины в траурных одеждах вышли навстречу. Он замедлил шаг, приглядываясь к их лицам. Женщины покорно опускали глаза. Мать Скепарны в трауре сдержанно посмотрела в его сторону. Сын спрыгнул с коня, подбежал к матери и приклонил колено. Он подобрал подол платья и прижал к губам. Мать протянула руки и подняла сына с земли. И тут Скепарна обратился к собравшимся.

– Абазы, я скорблю вместе с вами об убитых, об униженных и плененных, за оскверненные святыни и жилища наши. Я молю Всесильных богов, чтобы дали мне сил и времени отомстить кровью за кровь, с позором изгнать врага из Абазии.

– Да сбудутся твои слова! – дружно поддержали абазы.

Вернувшихся из Персии разместили в крепости, им необходимо отдохнуть и набраться сил. Мать Скепарны бесшумно вошла в спальню и присела на скамью возле спящего царя. Она заметила, как сын все больше начинает походить на отца. «Такие же линии бороздят высокий лоб, седина проступила на висках и в бороде. Таким остался в моей памяти Бага. Если бы я знала, какая судьба ждет тебя, – и тут она осеклась и похолодела. – Нет, о, Всесильные на небесах, не дайте мне увидеть то, что не положено видеть матери. Услышьте мою молитву, возьмите мою душу, только его спасите». Она вспомнила племянницу Щащу, и горькие слезы неудержимо потекли по щекам. «Не дайте мне пережить сына. Где твоя душа теперь, Бага, услышь меня, я выполнила твой завет. Теперь у меня к тебе просьба. Быть может, богам не до меня, или случится, что до них не дойдут мои молитвы, ты призови меня к себе, и мы снова будем вместе...» Женщина захлебывалась собственными слезами и отводила взор от спящего сына, не в силах видеть знамение судьбы, появившееся на лбу сына. Она выскочила во двор и босая, в сумерках побежала в гору к Священной Псхуныха. Охранник поспешил сообщить об этом дадалу. Тот приказал, чтобы очевидцы молчали.

Утром начался Военный Совет. Военачальники по очереди докладывали о прошедших событиях, создавая картину минувших дней. Присутствовали и некоторые дадалы из других общин и представители от общин, потерявших своих дадалов в Трахейской битве. Внимательно выслушав докладчиков, Скепарна обратился к участникам Военного Совета:

– Где сейчас расположились римляне, сколько их, и как они вооружены, докладывайте все, что известно?

– Они укрепились в Анакопе. Их будет числом не менее трех тысяч под началом Иоанна, – последовал ответ.

– Что они думают?

– Неделю назад мы пленили двоих римлян у стен Анакопы. То были простые пехотинцы, неосведомленные и напуганные. Они сказали, что их начальник смотрит со страхом на горы и с надеждой в море. Он ждет новые войска от императора.

– А где теперь находятся предатели из абазов?

– Они объединились в отряд и безнаказанно орудуют в легкодоступных местах, запутывая обезглавленное население. При поддержке римлян Хмыч объявил себя дадалом и правителем новой Абазии. Он мечом принуждает слабых к принятию присяги и новой веры. По ночам грабит своих же подданных, докладывает в Анакопу, что это дело рук несмирившихся.

– Какова их численность?

– Говорят, сотен пять, но, я думаю, в половину меньше.

– Где стоит их лагерь?

– Они не имеют обустроенного лагеря, кочуют по общинам, задерживаясь в них до тех пор, пока не съедят весь провиант. Сам Хмыч нередко приезжает в отцовскую усадьбу в Ануху, где выполняет обязанности правителя. Ходят слухи, что он задумал расправиться с тобой, Скепарна.

Царь изменился в лице, но сдержался.

– Я все понял. Первым делом призываю всех отслужить молебен в священной Псхуныхе. Всем, кто намерен расправиться с предателями и отомстить врагам, надо собраться там в первый понедельник. Оповестите по всей Абазии о моем решении. После молебна выступаем в поход. Дадал, в твоих стадах остались чистые быки для жертвоприношения?

– Конечно, Апсха.

– На этом Совет завершен, – царь направился к выходу.

Дадал позвал своих сыновей.

– Геу, – обратился он к старшему, – на рассвете с доверенными людьми пойдешь в Ахчепста¹ и добудешь десять жертвенных быков. Скепарна не должен ничего заподозрить.

– Дада, если у них не будет быков, достойных случаю?

– У тебя три дня, чтобы вернуться к сроку. Готовься к дороге, – перебил сына отец.

Не стал Псху дадал говорить царю о бедах и лишениях, свалившихся на его землю. Тысячи разоренных абазов нашли пищу и кров на его земле. За это время стада сильно поредели, запасы проса подошли к концу. Бывало такое, что люди забивали лошадей и ели конину – отвратительный для абазов обычай.

– Мас, – обратился он к среднему, – неотступно следуй за царем, будь его глазами и ушами, слугой верным будь.

– Джыр (младший сын дадала), – тебе надлежит держать отряды на перевалах – там и наша беда, и наше спасение.

¹Долина в верховьях современной р. Мзымты (р. Ачипсы), заселенная одним из абхазских племен.

Скепарна задумал отправиться на охоту, чтобы поднести жертву, достойную царя.

Мас уже был тут как тут, готовый выполнить любое поручение. Царь обрадовался спутнику и попросил приготовиться к выходу.

В предраусветных сумерках, втайне от всех, отряд охотников вышел из крепости. Удалившись на несколько стадий от последнего жилища, на живописной поляне, окруженной могучим буковым лесом, они устроили привал. Двое из охотников прибыли на поляну с жертвенным барашком раньше, чтобы разжечь костер и принести воды для котла, который они принесли с собой. Едва солнечные лучи заглянули на привал, все мужчины встали в круг и обратились с молитвенным словом к лесному царю – Божеству Ажвеипшаа – даровать им из своего стада то, чего каждый пожелает. Барашка закололи и быстро освежевали. Теперь им некуда было спешить. В приподнятом настроении они выпивали вино, вспоминали щедрые награды Ажвеипшаа в прежние времена, уверенные в удаче и на сей раз, приговаривали: «Дай тем, кому раньше давал!». Среди них не было новичков – все как один опытные охотники. Когда каждый рассказал свою историю, и мясо было съедено, а солнце дошло до точки обратного отсчета, по знаку старшего собрали кости и, пересчитав, сложили в шкуру. И снова охотники встали в круг.

– Возьми, Айтар, свое обратно, да приумножаться стада твои. С этими словами они дикой лианой втянули шкуру с костями в крону дерева, спрятали котел в близлежащем овраге и отправились на охоту. Их путь лежал к высокой конусообразной горе, на макушке которой лежал снег даже в годы очень жаркого лета. В ложбинах лежали окаменевшие его пласты, вокруг которых уже зеленели серые бока, подчиняясь весеннему круговороту природы. На этих открытых от деревьев покатосях охотники надеялись взять свою добычу. А пока они шли вместе, намереваясь до темноты найти удобное место для ночлега на границе пихтового леса и горных лугов. Временами отряд останавливался, и тогда стрелы наиболее удачливых охотников поражали куниц и пернатую дичь. Наконец подвернулось и удобное место для ночлега. Огромный камень, некогда отколовшийся от скалы, скатился по склону до места, где когда-то ранее остановился другой камень-исполин, еще более внушительных размеров. Очевидно, что столкнувшиеся с сокрушительной силой два гиганта раскололись на куски и нагромодились, словно по замыслу Создателя, в виде строения с каменной крышей и каменными стенами. Для абазов, живших круглый год в плетеных хижинах, этот лесной дом, что дворец, где сухо и не задувает и безопасно для ночлега. Тут же рядом журчал непересыхающий родник и повсюду раскиданы старые ветки, оттаявшие после ухода снега. Скепарна в сопровождении Маса вышел из нового жилища осмотреть место завтрашней охоты. Внизу над лесом уже властвовали холодные сумерки, а наверху еще стоял свет, отражаемый снежными вершинами Большого Кавказа. Увлеченный величественным пейзажем, Скепарна уходил все дальше от бивуака, иногда отвлекаясь на свежие следы животных в рыхлом грунте. Похоже, что по этой тропе стада диких коз, пасущиеся днем на лугах, вечером спускаются в лес. В предвку-

шении удачной охоты Апсха вернулся на ночную стоянку. Его спутники заложили камнями большие щели в стенах, оставив узкий проход, который на ночь прикрыли изнутри одним камнем-закладкой. Костер быстро согрел устроенное жилище, наскоро поужинав, разомлевшие охотники разлеглись и уснули.

Рассвет еще не коснулся близлежащих вершин, когда охотники вышли из лагеря и по двое отправились к условленным местам засады. Скепарна выбрал самый удаленный склон, уходивший в сыпучий обрыв, надеясь там выследить осторожных туров. Только орлы посещали такие места, глубоко презиравшие все, что бегают, прыгает и ползает. Преодолевая скывающий утренний холод, укутавшись в войлочные накидки, охотники укрылись за большими камнями. В такие минуты ожидания волей-неволей человеческий глаз не может не залюбоваться рассветом в горах, пробуждаются мысли о величии богов и бескрайней вечности. Даже черствая душа голодного человека не может остаться равнодушной при виде величавых заснеженных конусов, проткнувших небесную твердь, по изрезанным склонам которых спадают дикие потоки в поисках надежного ложа. Живым венцом величественной природы гор является стадо туров, возглавляемое седым вожаком с огромными рогами, который ступает впереди, осторожно вглядываясь и принимаясь. Чуть позади самцы помоложе, не сумевшие отстоять свое право на первенство, теснясь, оглядываются по сторонам, показывая готовность проявить свою доблесть. Самкам нет дела до их бравлады, потому как они оберегают свой приплод, еще неуверенно ступающий по сыпучим уклонам. Они то и дело толкают в бока сонных детенышей. Замыкают цепь самые молодые самцы, не бывавшие в переделках и ничем не завоевавшие уважения стада. То и дело они переходят к драке, не находя других способов для проявления своих достоинств.

«Его время пришло», – шепнул Масу Скепарна, показывая на вожака. Тот кивнул головой и прицелился в следующего тура. Выпущенные смертоносные стрелы достигли намеченной цели. Вожак издал пронзительный крик и рухнул на передние колени. Еще какое-то время он крутил головой, пытаясь увидеть того, кто причинил ему боль и нанес смертельную рану. Второй тур, раненый, прыгнул, но свалился и больше не встал. Охотники вышли из засады. Апсха воздел руки к небу и поблагодарил Ажвеипшаа молитвой. Мас повторил за ним. Затем Скепарна вытащил ахата с вином и предложил выпить Масу, который в вежливой форме очень долго отговаривался, вспоминая доводы, подтверждающие его правоту. Царь выслушал его с уважением и уступил после того, как услышал простое и верное слово «ицасым»¹. Он отпил несколько глубоких глотков, заменявших охотникам завтрак, и передал меха Масу.

Апсха подошел к своей жертве и умело снял огромные рога, длиной в три локтя. Мас снял рога со своей жертвы и распорол тураму животы, чтобы забрать сердце, печень и селезенку и приготовить из них еду всему отряду.

¹В нарушение закона, обычая.

Со своими трофеями охотники отправились к стоянке. Мас кинулся разжигать костер, Скепарна поднялся выше, чтобы увидеть остальные группы. Все уже вышли из укрытий и освеживали свои трофеи. Кто-то из младших побежал вниз к лесу за стреноженными конями, Скепарна направился к охотникам, чтобы поздравить с удачей и похвалиться своим трофеем.

С раннего утра на праздничный молебен в общину Пыса спешили люди, предводители от дальних обществ запаздывали. Члены общины, не жалуясь на многочисленные трудности, с большой радостью готовились к торжеству. Молодежь выпекала огромные хлеба и укладывала на длинные деревянные носилки, везде царил веселье и воодушевление. В назначенное время шествие выступило из крепости. Во главе его шел жрец с ритуальным посохом в руках. За ним следовал царь с турьими рогами и Псху дадал. Вслед молодые люди погоняли быков, с навешенными на их рога бронзовыми колокольчиками. За ними шли носильщики с жертвенными хлебами, затем шли гости и жители общины. Никогда ни раньше, ни позже Абазия не знала столь массового шествия к своей Святыне. Когда голова колонны была у алтаря, хвост еще не приступил к восхождению. С тех пор среди абазов повелась поговорка: нет народа, чтобы не уместился у Аныхи, потому что первые дождались последних и все уместились в Священной Роще. Жрец ударил посохом в землю, и все замерли в ожидании. И тогда он произнес:

– Мы пришли к тебе, Священная Аныха, чтобы поклониться и попросить благословения. Не лишай нас светлого взора своего, дай нам силу и уверенность, и мы – сыны твои – не допустим отступничества или твоего поругания. Прими жертвы, принесенные тебе от чистого сердца, одари нас победой.

– Аминь, – единогласно воскликнули абазы.

Жрец протянул ритуальный нож помощникам, которые бойко закололи посвященных быков. Молодежь дружно занялась приготовлением трапезы. Царь поднес турьи рога к Чаше, по его примеру абазы подносили свои дары и опускали их в Чашу.

Скепарна подозвал предводителей абазов и условился с ними о военном сборе утром следующего дня...

В назначенное время у крепости собрались вооруженные абазы. Апсха обратился к ним с речью:

– Мужчины, да умереть мне с позором, если не сбудутся наши помыслы! Мы собрались, чтобы решить: как нам дальше быть? Судьба вручила нам бремя ответственности за постигшее нас горе и за будущее наше. Многие из товарищей обрели вечный дом, потому и их бремя легло на наши плечи. Их души не успокоятся, пока кровь не отмщена и не смыт позор. За вами слово, мужчины!

– Да упадут на мою голову все беды твои, Апсха! Немало времени прошло, как мы, спасая свои семьи от позорного рабства, укрылись здесь и зря поедаем хлеб гостеприимных хозяев. В конце концов, мы не старцы и

не женщины. Все это время мы ждали твоего возвращения, жили надеждой стать под твоё знамя. Теперь мы надеемся на скорые сборы и даем обет, что не вернемся к своим женам, пока не искупим пролитую кровь и не освободим Абазию.

– Абазы, в своем гневе вы, подобно Афь,¹ мечете гром и молнию. Не забывайте: чем сильнее буря, тем скоротечнее ее исход. Мне нужны воины с горячим сердцем и холодным умом, потому как и победа, и поражение – две части одного целого. Одаренные природой непостоянством, вы легко воспламеняетесь и быстро затухаете, напоравшись на препятствие непреодолимой силы, и тут же всецело полагаетесь на богов, духов и их помощников.

Мужчины слушали правдивые слова своего царя, склонив головы.

– Мы проиграли сражение у Анакопы не потому, что римская пехота – лучшая в мире, а по причине нашей неслаженности.

– Да упадут на мою голову твои невзгоды, Апсха, – начал Псху дадал. – От своих дедов я слышал, что были времена, когда римляне, не сумев склонить абазов к своей воле мечом, покупали их расположение золотом. Они построили тогдашним царям крепости и содержали их гарнизоны.

Римляне ударили, прослышав о твоем отсутствии. Их расчет оказался верным. Они выиграли, потому что их возглавляли заслуженные стратеги и полководцы. Им обязан василевс за падение Анакопы.

Апсха, возглавь, ты – ахаца ихаца,² наше воинство, да продлятся твои годы в славе и радости, испытай нас в бою. После того и поведем разговор.

– Да будет так, – ответил Апсха, – присягните Священной Аныхе, что никто из вас не будет обсуждать мои решения прежде, чем закончится дело, задуманное мной. Не ищите в моих словах недоверия к вашей доблести. На войне не редкость, когда удача отворачивается от полководца, чтобы испытать его волю и решимость. Никто из великих не скажет, что триумф дается легкой ценой. Я должен знать, что любое испытание, спущенное судьбой, вы примете и преодолаете стойко, не сомневаясь в конечной победе.

– Мы готовы это сделать за себя и своих воинов, – поддержали предводители. – Не будем откладывать на потом задуманное благое, прямо сейчас присягнем, чтобы открыть дорогу последующим делам.

Большая группа мужчин направилась из крепости в сторону Псхуны-хи, воодушевленная принятым решением. У Священного алтаря все они единодушно присягнули на верность царю Абазии. «И если я словом или делом отступлюсь, пусть Божественное Светило испепелит мой род», – так заканчивалась их присяга.

Царь тепло обнял единомышленников и увлек в сторону к Священным дубам.

¹Бог-громовержец.

²Муж над мужами (первый среди мужчин).

– Теперь я хочу поведать вам о своих намерениях. Глашатаи объедут Абазию и разнесут сообщение о всеобщих сборах. Вооруженным мужчинам следует собраться через три дня у крепости. Если у кого-то негодное оружие или его вовсе нет, мои люди все выдадут. Кто пеший – будет добывать себе коня на поле битвы. Первым делом мы уничтожим предателя Хмыча и его сообщников, потому как они первые заслужили всеобщее презрение. Те, кто из страха примкнул в его отряд, могут рассчитывать на спасение своих жизней, однако я лишаю их и детей их права называться ахаца¹ и носить оружие. Мужчины из рода Хмыча должны быть убиты, малые дети будут отданы в чужие семьи для правильного воспитания и снятия с них позора предков. Их жены будут выданы тем, кто их пожелает. Оставшихся определим в прислугу. Имущество предателей будет поделено между теми, кто нуждается в крове и хлебе, оружие и кони достанутся вам – воинам. Я с передовыми отрядами выхожу завтра после полудня, не дожидаясь сбора остальных. За себя оставляю Псху дадала, он сформирует новые сотни и обеспечит их всем необходимым. Здесь вы будете ждать моего дальнейшего указания. В поход с собой я беру две сотни Псху Дадала и две сотни из беженцев. Наш путь будет лежать к Мца,² где, по нашим сведениям, укрепились мятежники. Берите с собой трехдневный паек, за остальное побеспокоятся наши Всесильные Небесные Покровители.

– Аминь, – одобрительно поддержали предводители.

Очень скоро из крепости выехали гонцы во все концы Абазии с царским знаком, вышитым на плащах. Долгожданная весть взбудрила и тех, кто успел поникнуть духом.

Скепарна же взял под уздцы своего Араща и повел к реке Бзы, чтобы искупать. Никто из окружения не перечил его желанию, хоть и не царское дело купать коня.

– Мой любимый конь, самый достойный из четвероногих, – ласково нашептывал Скепарна на ухо другу, – не ищущий тепла и защиты, не раз спасавший своего наездника. Твой дерзкий взгляд в минуты опасности заговаривал врага, готового бросить копьё в твоего наездника. Рука бывалого воина становилась неточной, ты поражал врага стремительной поступью. Лучшие наездники смотрят на тебя с завистью, замороженные, даже в помыслах не смея прикоснуться к крупу твоему. Ты конь из коней, воин из воинов, какое счастье для меня повелевать тобой и подчиняться твоему чутью.

От таких слов закружится голова у всякой твари. Аращ радостно мотал головой и вздрагивал всем телом, от кончика ушей до хвоста. Он чувствовал, что скоро их ждет поход, который не может окончиться бесславно.

В условленное время на широкой поляне у крепости выстроились в шеренгу отряды. Щитonosец доложил, что все готово, Скепарна вскочил в седло и выехал к дружине. Воины привстали над седлом, приветствуя своего полководца.

¹Абхазский мужчина.

²Современное селение Мцара.

– Миамш,¹ – скомандовал царь, и колонна тронулась.

Их путь лежал через малый перевал в большую Абазию к Мца, где надлежало разбить Хмыча. По его расчету, враги уже были осведомлены о военных сборах. Поэтому Скепарна не стал дожидаться прибытия основных отрядов, чтобы внезапным нападением помешать соединению вражеских сил. Без остановки дружина перешла удобный перевал и начала спуск в долину. По приказу царя одна сотня отделилась от основной группы и направилась в Лашпста, чтобы закрепиться у скрывавшихся там анухцев и оттуда наблюдать за Анакопой. В случае, если римский отряд попытается выйти из крепости на подмогу Хмычу, абазы должны были им помешать. Если же отряд Хмыча вздумает спастись бегством, им надлежало перерезать их путь и уничтожить.

Впереди царского отряда на несколько стадий шли щитonosцы. Царь отправил посыльного к ним, чтобы они выбрали удобное место для ночлега. До сумерек оставалось еще несколько часов, Апсха предпочел дать отдых людям и лошадям, чтобы ранним утром выйти и быстрым маршем к рассвету оказаться у лагеря противника.

Место ночевки выбрали на лесистом холме, окруженном крутыми и голыми склонами. Быстро выставили охранение и разожгли костры, чтобы согреться и приготовить ужин, лошадей стреножили и выпустили пастись. Скепарна был заметно взволнован. Эти места напоминали ему о событиях прошлого. В нескольких стадиях отсюда лежала памятная поляна с родником на дне оврага. Там когда-то еще юному Скепарне тайно присягали родственники, избрав своим дадалом, там он, спящий, был атакован медведицей и вышел из поединка с ней победителем.

Скепарна вскочил в седло и стремглав выехал из лагеря, Мас, издали наблюдавший за царем, бросился его догонять. Щитonosцы поняли свой промах и вскочили в седла. Не поспевая за царем, они длинной вереницей скакали по лесу. Апсха летел на крыльях судьбы к заветному месту, мечтая побыть в одиночестве.

Скепарна спрыгнул с коня и бросил поводья: ему очень сильно захотелось родниковой воды. Конь последовал за ним к оврагу. Разгоряченный быстрой ездой, Апсха скинул плащ и шлем, расстегнул доспехи и сбросил их с себя. Журчание родниковой воды манило, успокаивая и радуя мятежную душу. Апсха наклонился к ручью и припал к ледящей свежести губами. Чуть ниже жадно пил Аращ. Утолив жажду, царь встал и размялся. До его слуха дошел топот копыт, где-то в стороне хрустнула ветка и выпорхнула птица. Конь поднял голову и беспокойно зашевелил ушами. Скепарна нагнулся к земле за доспехами. Чья-то коварная стрела, просвистев над оврагом, вонзилась ему в спину. Конь почувствовал беду и подставил бок. Скепарна выронил из рук доспехи и выпрямился, безмолвно он смотрел по сторонам, надеясь разглядеть убийцу. Сзади слышались чьи-то шаги. Это был Мас, за которым следовали щитonosцы.

¹В светлый путь.

– Кто он и где скрывается? – срывающимся от волнения голосом спросил Мас.

Апсха показал рукой на противоположную сторону и добавил: – Он не ушел, он укрылся.

Мас побежал обратно с обнаженным мечом навстречу телохранителям.

– На той стороне оврага укрылся убийца, обойдите его кольцом, – дрожащим голосом распорядился Мас, а сам вернулся к царю.

Скепарна стоял неподвижно, все так же вглядываясь в лес.

– Кто ты, выстреливший мне в спину: разбойник, ищущий добычу, или враг, решивший разделаться со мной недостойным способом?

В ответ тишина. Скепарна выдержал паузу и снова заговорил:

– Если ты абаз, то должен знать, что кровь считается искупленной, когда возьмешь что-то от врага своего. Иначе – это бесславное убийство. Выйди, посмотри, как я истекаю кровью. Не молчи, я знаю, что слышишь. Твои минуты сочтены, тебя скоро найдут и поднимут на копьях, твой труп обезглавят и оставят на растерзание зверью, он долго еще будет смердеть, внушая людям неприязнь и отвращение. Прежде, чем моя душа вознесется к небесам, я попрошу творца о встрече на равных с твоей подлой душкой. Неужели ты так сильно дорожишь своей жизнью, что ничто тебя не трогает? – Скепарна остановился и перевел дыхание. К этому времени телохранители выследили и убили двоих сообщников убийцы, укрывавшихся поодаль с тремя готовыми для побега лошадьми. Кто-то узнал в них братьев Хмыча. Теперь им оставалось сомкнуться вокруг убийцы.

– Я даю слово царя, что отпущу тебя живым верхом на коне, только не позорь свой род, если ты абазский мужчина, – бросил вызов Скепарна.

– Ты считаешь, что я поверю тебе? – пробурчал из засады знакомый голос. Мас натянул лук, царь отвел рукой оружие.

– Ты поверишь, потому что перед тобой царь, а для тебя же ничего нет важнее спасения собственной жизни...

Кольцо телохранителей все более сужалось, со всех сторон слышались их шаги, теперь убийце деваться было некуда.

– Я выполняю твое условие, убежденный, что царь абазов, сын Бага, умеет держать слово.

Мужчина вышел из укрытия и подошел. Изумленные Мас и Скепарна сразу же признали в нем Хмыча. В надежде на спасение Хмыч бросил оружие на землю и, поникший, встал напротив царя.

– Ты убил не только Скепарну – сына Бага, ты убил свой паршивый род. Почему я не догадался сразу, что сын обязательно повторит бесчестный поступок отца. Я жаждал все эти годы мести за его кровь. Моему сыну не придется тебя убивать. Ты умрешь раньше меня, но никогда не обретешь свою душу. Я заберу ее теперь и уйду вместе с ней к праотцам, там она прибудет в вечном рабстве, – царь вынул акинак, отрезал косичку с бритой головы Хмыча и распорядился:

– Мас, сделай огонь.

Мас быстро высек искру и подпалил промасленную палочку. Скепарна сурово произнес:

– Чтобы эта подлая душа оставалась в вечном рабстве во всех мирах, пока я не восстану из мертвых и не отпущу ее, – и спалил пучок волос. – Теперь твое тело свободно, распоряжайся им как знаешь.

Изумленным телохранителям царь повелел вернуть Хмычу его коня и отпустить на все четыре стороны.

С помощью Маса Скепарна с трудом поднялся в седло и, поддерживаемый товарищами, отправился к лагерю. Под его плащом торчал обломок стрелы, вонзившейся в спину. Двое телохранителей поспешили вперед, чтобы подготовить лекаря и лежанку.

Лекарь, вынув стрелу, сообщил, что пробито легкое. Дыхание раненого становилось все тяжелее.

– Сколько мне осталось? – спросил царь.

– Ты увидишь рассвет, но потом окончательно потеряешь силы. Кровь из раны затекает в легкое, как только она заполнит все свободное место, ты можешь задохнуться, хотя бывали случаи, когда раненный умирал раньше от бескровия.

– Благородный человек, поставь меня на ноги. Мне нужно находиться в седле до утра, большего я от тебя не прошу.

Потрясенный лекарь молчал, не находясь с ответом.

– Дайте ему десять серебряных, у него большая семья, – обратился царь к кому-то в сторону.

– Мне не нужны деньги, ты просишь невозможное, мой царь. Я никогда не видел и не слышал, чтобы в этом случае что-то делалось.

– Хорошо, тогда выполни мою просьбу. Приготовь мне питье, стущающее кровь. А вы, – царь обратился к телохранителям, – раздобудьте сухую веточку ачарпына.¹

Кто-то побежал за горным тростником, лекарь принялся готовить снадобье.

Скепарна потянулся и присел поближе к костру, на его лице заиграл румянец.

– Из тростника сделаешь трубочку и вставишь через рану в легкое, – разъяснил лекарь Скепарна, отпивая ароматный напиток.

Трясущимися руками тот обстругал поднесенную палочку и ввел через рану в легкое. Из устройства потекла густая черная жидкость.

– Ты не можешь скакать на коне, мой царь, кровотечение усилится, ты ускоришь свою смерть, – рассудительный лекарь отговаривал царя.

– Я не умру раньше времени, предначертанного свыше, не увидев то, что мне предназначено увидеть. Чувствую себя лучше. Сотники, объявляя построение, мы идем в бой сейчас.

– Воины, стройтесь, мы идем в поход, наш царь поведет нас в бой, – командовали сотники.

¹Растение с полыми ветками (борщевик).

Абазы были потрясены сообщением о смертельной ране царя, ведь только с ним были связаны их надежды. Дурная весть сковала их мысли и движение, но теперь, услышавшие команду, они вышли из оцепенения и быстро собрались в поход.

– Мас, привяжи меня к седлу ремнями, – попросил царь, с трудом поднявшись на коня. – Только им не нужно знать об этом, – опечаленный, добавил он.

Апсха предстал верхом перед дружиной.

– Мы идем в бой сейчас, чтобы до утра покончить с лагерем предателей, отрезать им путь для бегства в Анакопу или куда-нибудь еще. Сегодня мы не будем брать пленных, все мужчины должны найти смерть. Как поступить с остальными, знают ваши начальники. Вперед! – скомандовал царь и пустил коня с места в карьер.

Грозной лавой обрушились абазы на лагерь своих единокровцев-предателей. Частокол был снесен, не замедляясь, всадники перепрыгивали ров и обрушивались на сонный отряд. Царь с телохранителями объезжали лагерь по кругу, чтобы никто не ушел от возмездия. На рассвете, когда бойня подходила к концу, царь с сотней ворвались в поселение, согнали людей из хижин на большую поляну посреди села. «Мас, теперь ты командир этого войска», – с трудом промолвил царь, покачиваясь в седле. Мас позвал сотника и приказал разыскать Хмыча и покончить с ним, как договаривались. Сам он последовал за царем, который уже не мог управлять конем. Верный Арац вышел за околицу и направился к Священной Роще на холму. Погода быстро портилась, усиливался ветер, пригнавший тяжелые грозовые тучи. Вдалеке гремел гром, запаздывая своими раскатами за сверкающими молниями. Никаких сомнений – надвигалась гроза. Сотник догнал Маса и доложил, что Хмыча нигде нет, чудом спасшийся раб поведал, что несколько часов назад в лагерь из леса прискакал конь Хмыча без седока. Позже пришел пешком Хмыч, без доспехов и оружия. Он попросил посадить его на коня, но тот, словно взбесился, не подпускал к себе хозяина. Собаки, хорошо знавшие Хмыча, взвыли и спрятались по углам. Пришлось оседлать старую бесчувственную клячу и на ней отправить Хмыча, собравшегося ехать в Анакопу.

– Понял, оставь нас, проследи, чтобы приказ царя был выполнен, – Мас указал рукой на толпы пленников, ожидавших своей участи на поляне.

Арац вышел на край холма, круто обрывающийся к селению и вытянул морду ввысь, будто разглядывая тучи. Ошеломленные абазы вглядывались в силуэт всадника, замерший на краю скального обрыва. Апсха не мог говорить, но мысли подчинялись обескровленному телу. «О Боги, сжальтесь над моей нан, она высохнет от тоски, померкнет свет в ее очах, истощится душа ее, выплаканная, прежде, чем она вознесется на небеса. Дада, я вижу тебя, я рад нашей встрече. Услышь мою мольбу о ней – твоей жене и моей матери», – мысленно разговаривал Апсха с отцом. «Не бойся, сынок, – услышал он голос с неба, – иди ко мне, здесь ты не встретишь ни ненависти, ни предательства, здесь вечный мир и любовь, здесь тебя не ждут испытания,

потому что ты достойно их перенес на земле. Твоя Нан – самая счастливая мать среди живых, не тревожься о ней, я все устрою...». Веки царя налились свинцовой тяжестью, не в силах разомкнуться, но он видел толпы счастливых людей, окружавших Бага: вот Урым, а вот Ксыс, за ним сотник Кит...

Внезапно нагрянувший мощный порыв ветра наклонил стволы вековых дубов, внизу попадали жалкие хжины, абазы пригнулись к земле, напуганные неведомой силой. Только Арац оставался стоять, не шелохнувшись, таращась по сторонам красными глазищами. Жирные молнии ударили по окраине селения, страшным разрывом оглушая живую природу. Суеверные люди спрятали головы, отдельные смельчаки украдкой наблюдали за разгулом божественной стихии. Среди них был Мас, поглощенный великим явлением. Он увидел, как молния полоснула по голове царя, пригвоздив к земле коня и всадника. Гроза пошла дальше, на ее смену пришел проливной дождь, смывая грязь прошлого во имя лучшего будущего.

– Абазы, поднимитесь, – раздался радостный голос Маса. – Ахаца ихаца Скепарна – апсуа хаца, вознесся на небо, оседлав молнию, подобно громовержцу Афы, хвала и вечная слава ему.

– Слава ему, слава афырхаца,¹ – тысячами голосов победители и побежденные, воздев руки к небесам, восклицали восхваления Всемогущему и вознесшемуся на небеса царю абазов Скепарне. Народ ликовал, не замечая, как прекратился дождь и разошлись тучи. И вдруг кто-то первый, жмурясь от солнечного света, перекричал толпу и показал другим на небо. Удивленные люди устремили свои взоры на чистый небосвод, где засияла звездочка, оспаривая у Светила право указывать людям праведный путь...

¹Герой, равный громовержцу Афы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Абазы дружно соорудили носилки для царя и его коня. Этот бесценный груз они на руках доставили в Псхувскую крепость. Несколько глашатаев разнесли по всей Абазии радостную весть о том, что Скепарна, оседлав молнию, вознесся на небеса. Облаченные в праздничные одежды близкие родственники царя поздравляли друг друга, не переставая удивляться и радоваться. Тело царя и труп коня всем народом водрузили на деревянный настил, установленный на высокие деревянные столбы, чтобы их не достали грязные животные. Когда кости очистятся временем, по истечении года, их предадут земле с особыми почестями.

Хмыч все же добрался до Анакопской крепости и рассказал стратегу Иоанну, что смертельно ранил царя. «Хоть я не жилец более здесь, так же как и там, – он указал на небеса, – защити мою семью и сделай моего сына правителем, это последнее слово умирающего». Иоанн кивнул головой, даже не думая выполнять обещание. Хмыч поднялся на крепостную стену и спрыгнул в пропасть. Иоанн вскоре узнал, что все сторонники Хмыча, как и его братья и сыновья, убиты и облегченно вздохнул. «Слава Богу за то, что за нас все устраивает!» – успокоил свою душу он и преспокойно забыл про эту позорную историю. Весть о гибели царя абазгов докатилась до Константинополя. «Слава Богу», – перекрестился Юстиниан и принялся готовить людей для отправки в Абазгию. Впрочем, это история другой летописи, о ней вы узнаете из следующей книги.

Алхас Валикович Аргун

Летопись Абхазии Жернова судьбы Книга I

Редактор *Л. Е. Аргун*

Ответственный редактор *Л. Е. Хайкин*

Художник *Б. Р. Джапуа*

Корректор *Т. Ю. Алексеева*

Верстка и макет *А. В. Смыр*

Аргун Алхас

Хас Афонский – под этим псевдонимом дебютировал автор на страницах газеты «Нужная», №30 от 25 июля 2001 г. В 2003 г. в г. Сухуме вышел его сборник «И жизнь, и грех», состоявший из рассказов и статей, объединенных идеей гражданственности.

Он также является автором научно-популярных статей и очерков об историко-культурном наследии древней Анакопии – Нового Афона, аналитических статей на общественно значимые темы современной Абхазии.

Исторический роман «Жернова судьбы» из цикла «Летопись Абхазии» – первое издание, рассчитанное на русскоязычного читателя, интересующегося историей и культурой древних абхазов и соседних народов, соприкасавшихся с ними в VI в. нашей эры. На это время приходится перелом в противостоянии Абхазии и Римской империи в пользу последней, вследствие чего происходит христианизация предков современных абхазов. Но это уже тема второй книги «Сумерки богов» из цикла «Летопись Абхазии», над которой работает автор.

<http://hasafon.ru>

